

Министерство образования и науки РФ
ФГБОУ ВО «Нижевартовский государственный университет»

**ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ
И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ СИБИРСКОЙ ИСТОРИИ**

Коллективная монография

Часть 12

Издательство
Нижевартовского
государственного
университета
2017

ББК 63.211
И 91

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
ФГБОУ ВО «Нижевартовский государственный университет»

Под общей редакцией
доктора исторических наук, профессора Я.Г. Солодкина

Авторы:

Я.Г. Солодкин (разд. I, гл. 1–2), О.П. Цысь (разд. I, гл. 3), А.В. Спичак
(разд. I, гл. 4), В.В. Митрофанов (разд. I, гл. 5), С.С. Бытко (разд. I, гл. 6),
М.М. Чорев (разд. I, гл. 7), В.В. Борисова (разд. I, гл. 8), З.А. Тычинских
(разд. II, гл. 1), А.Б. Храмцов (разд. II, гл. 2), Л.В. Алексеева (разд. II, гл. 3),
В.Ю. Софронов, А.В. Зеленин (разд. II, гл. 4)

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор филиала Южно-Уральского
государственного университета (филиал НИУ в г. Нижневартовске)

В.В. Митрофанов;

кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой
гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Южно-Уральского
государственного университета (филиал НИУ в г. Нижневартовске)

И.Г. Рябова

И 91 **Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории:** Коллективная монография. Ч. 12 / Под общ. ред. Я.Г. Солодкина. – Нижневартовск: Изд-во Нижнеарт. гос. ун-та, 2017. – 286 с.

ISBN 978-5-00047-380-1

В новой части ежегодного издания по проблемам источниковедения и историографии истории Сибири рассматриваются многие дискуссионные, недостаточно изученные, а то и вовсе обойденные вниманием ученых проблемы, рассмотрение которых имеет существенное значение для понимания ряда важных политических, социальных, экономических и культурных явлений в судьбах Азиатской России XVI–XX столетий.

Для ученых, краеведов, студентов, всех интересующихся историей Сибири того времени.

ББК 63.211

ISBN 978-5-00047-380-1

© Издательство НВГУ, 2017

Раздел I

**ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ
ИСТОРИИ СИБИРИ XV–XX вв.**

Глава 1

ЛЕТОПИСНЫЕ ИЗВЕСТИЯ О СУРГУТСКОМ АТАМАНЕ ТУГАРИНЕ ФЕДОРОВЕ: ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ ИСТОЧНИКИ И СТЕПЕНЬ ДОСТОВЕРНОСТИ

Аннотация. Вопреки получившей распространение в историографии с конца прошлого века летописной версии не стоит считать сургутского атамана Тугарина Федорова основателем Нарымского и Кетского острогов. Этой версии, скорее всего восходящей к приказной справке, противоречит большинство документальных свидетельств. Федоров же, утверждавший (в челобитной за ноябрь 1626 г.), будто «поставил» острог в Пегой орде, как представляется, допустил преувеличение.

Ключевые слова: СЛС, его известия о Т. Федорове, челобитная этого сургутского атамана, происхождение летописной версии о Т. Федорове как основателе Нарымского и Кетского острогов, степень ее достоверности.

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ 17-11-86004

СЛС – крупнейший памятник летописания Сибири второй половины XVII – начала XVIII вв. – содержит ряд уникальных свидетельств о самом известном сургутском атамане Тугарине Федорове. Каково происхождение этих свидетельств, до сих пор остается неясным.

В старшей из выявленных к настоящему времени редакций СЛС – КЗ – под 104 (1595/96) г. (тогда Тобольском начал управлять князь М.А. Щербатый «с товарищи») сообщается о «поставлении» Нарымского и Кетского острогов сургутским атаманом Тугарином Федоровым, который был там и приказным. Следом в КЗ сказано, что в пору, когда недавно образованным Тобольским разрядом ведал Ф.И. Шереметев (в 109–110, т.е. 1600/01–1601/02 гг.), в Нарыме появился первый воевода М.Т. Хлопов, сменивший Тугарина (ПСРЛ 1987: 140, 141)¹. О такой «перемене»

¹ Первое из этих известий мы находим в АР СЛС (ПСРЛ 1987: 369), которая ближе к КЗ, чем несколько последующих разновидностей «Описания о поставлении городов и острогов в Сибири по взятии ее...».

мы читаем и в МР, ГР, НР свода, где Хлопов, однако, не назван первым нарымским воеводой (ПСРЛ 1987: 191, 260, 316)¹. Наконец, в единственную рукопись, сохранившую текст МР, почерком, отличающимся от основного, внесено указание на то, что Федоров являлся в Кетском остроге предшественником воеводы Ч.Ф. Челищева (ПСРЛ 1987: 193. Примеч. 90; ср. 145). (Согласно ГР и НР СЛС, Челищев сменил там Г.Ф. Елизарова (ПСРЛ 1987: 193, 260, 261, 317))².

Не раз отмечалось, что приведенные записи анахроничны: Нарым был заложен в 1597 г., Кетск – в начале следующего столетия (видимо, в 1601 г.), М.Т. Хлопов управлял первым из этих острогов в 1610–1615 гг. (Анхимюк 2005: 335; Вершинин, Шашков 2004: 17, 19, 22–23; Солодкин 2002: 30; Солодкин 2005: 12; Солодкин 2010: 48. Примеч. 10; Солодкин 2012: 44, 50. Примеч. 29). Экспедицией, во время которой русские служилые люди и

Очевидно, из какой-то разновидности СЛС запись об управлявших Нарымом Т. Федорове и М. Т. Хлопове попала в полевой дневник Г.Ф. Миллера (см.: Северо-Западная Сибирь 2006: 300).

¹ Согласно НР, Хлопов был «прислан (в Нарым. – Я. С.) с Москвы». Точнее, до того, как стать воеводой в Нарымском остроге, этот ржевский выборный дворянин являлся письменным головой в сибирской столице (см.: Вершинин 1998: 163, 170).

² Вскоре после основания Кетского острога (согласно «разрядам», с 1603 г.) им стал управлять П.А. Бельский, затем В.М. Молчанов; в 1608–1612 гг. там «сидел» Г.Ф. Елизаров (Бахрушин 1959: 13; Вершинин 1998: 158, 170; Вершинин, Шашков 2004: 23; Миллер 2000: 47, 48, 244, 247, 248; Разрядная книга 2003: 54, и др.). Известно, что в декабре 1614 г. Федоров ведал этим острогом (но, разумеется, не воеводствовал там, как порой утверждается (Резун, Васильевский 1989: 211)) вместе с сургутским казаком Г. Моржом (Миллер 2000: 269–270). Ч.Ф. Челищев известен как кетский воевода с 1614/15 г. (Солодкин 2012: 45), став, надо думать, преемником Тугарина.

В СЛС, начиная с КЗ, сказано об участии атамана, впрочем, не названного по имени, в мангазейской экспедиции князя М. Шаховского и Д. Хрипунова. (В Миллеровской редакции свода при этом идет речь об атаманах). В КЗ и АР тобольские атаманы И.Ф. Астраханец и Е. Остафьев в соответствии с документальными свидетельствами включены в число первостроителей Качинского (Красноярского) острога (Миллер 2000: 408, 412, 413; ПСРЛ 1987: 148, 191, 259, 316, 369, 371, ср. 164).

кодские остяки овладели Верхним Нарымом – резиденцией князя Пегой орды Вони – и поблизости «срубили» острог, предводительствовал сургутский письменный голова И.И. Колемин (Вершинин, Шашков 2004: 17, 19, 27; Шашков 2003: 33)¹. Вероятно, тогда Федоров состоял под началом Колемина и был оставлен им «годовать» в новом остроге (Солодкин 2014: 4, 5). Учтем также, что в походе 1597 г. в Нарымское Приобье приняли участие 70 березовских казаков во главе с атаманами И. Пешим и И. Аргуновым, сотня тобольских служилых татар атамана Ч. Александрова (Вершинин, Шашков 2004: 18).

Летописные известия о Т. Федорове обычно считаются достоверными (Древний город 1994: 122; Очерки истории Коды 1995: 106; Очерки истории Югры 2000: 146, 147, 199, 200; Скульмовский 2007: 65–66; ср. Вершинин 2004: 31–32; Вершинин, Шашков 2004: 19, 23; Симачкова 2006: 26, 58; Ульянова 2007: 25; Шашков 2003: 33, 34), тем более что в челобитной (за ноябрь 1626 г.) он сообщал о «поставлении» им «города» в «отложившейся» от московского самодержца Пегой орде (т.е. Кетского острога) и своей «посылке» «из Нарыму ... в Томской город» (однако не строить его (Внукова 2013: 47), а на Томь, где «есак ... взял») сургутским воеводой князем С.М. Лобановым-Ростовским (Покровский 2006: 186)². Представляя себя основателем острога на Кети, Федоров, по-видимому, допустил преувеличение, обычное в документах такого рода. Ведь как известно благодаря «разрядам», этот острог был «срублен» головой М.В. Лодыгиным, в подчинении у которого находился князь И.А. Мещерский (ставший сеунчиком).

¹ Кстати, вопреки утверждению «слогателя» КЗ, основателем Туринского острога был не И.Ф. Лихарев, а Ф.О. Янов (Солодкин 2012: 51. Примеч. 37). Заметим, что В.Д. Пузанов лишь констатировал расхождение между КЗ и документальными источниками в определении обстоятельств возникновения этого острога, который называли также Епанчиным (Пузанов 2009: 132; Пузанов 2011: 152, и др.).

² Заметим, что Н.Н. Покровским не указаны две предыдущие публикации челобитной Т. Федорова (привлекшей еще внимание Н.Н. Оглоблина (Обозрение 1900: 98)) Е.В. Вершининым и А.Т. Шашковым. Вскоре она была издана вновь (см.: Русское старожильческое население 2007: 384–385).

Едва ли летописцу была известна челобитная Тугарина, ибо атаман подал ее в сургутской приказной избе, соответствующая же отписка воеводы Н.Е. Пушкина вскоре поступила в Москву (Покровский 2006: 198)¹.

Т. Федоров имел высокий денежный и хлебный оклад, почти вдвое превосходивший по размерам тот, который был установлен другому сургутскому атаману Б.С. Зубакину (Покровский 2006: 187; Ульянова 2004b: 50; Ульянова 2007: 25, 26, и др.). Возможно, этот оклад Тугарину определили на основании хранившихся в воеводской избе Сургута документов, к примеру, «скаска» или «расспросных речей» (ср.: Миллер 2000: 627–630; Миллер 2005: 173–174) атамана², сумевшего привести «под высокую государеву руку» «иноземцев», живших в бассейнах Томи и Среднего Енисея. Копии этих документов либо (скорее) выписки из них могли оказаться в тобольской приказной палате и, таким образом, стать доступными местному книжнику.

Будучи в 1611 г. в Москве, Федоров и сургутские казаки (среди которых упомянут П. Колпашник) «сказывали», что Нарымский и Кетский остроги «стали не у места», и предложили взамен них выстроить «город или острог на Кецком устье на Роздоре на Оби на левой стороне» (Миллер 1999: 427–429, 431)³. Это сообщение косвенно подтверждает летописную заметку о том, что Тугарин являлся приказным в этих острогах⁴. (Напомним и про документальное свидетельство о кетской службе Федорова в декабре 1614 г.). Быть может, «скаска» сургутян из Москвы попала

¹ Челобитная Т. Федорова попала в столицу не в начале 1626 г. (Александров, Покровский 1991: 80), а год спустя.

² В одной из царских грамот 1649 г. «на Тюмень» констатируется, что служб сына боярского И.М. Волжина, добывавшегося места стрелецкого сотника, «нигде не объявилось» (Миллер 2000: 618).

³ Это «устье» называли также Тогурским.

⁴ Представление, что Федоров находился в Нарыме на «годовой службе» (Ульянова 2004а: 284; Ульянова 2005: 52), стало быть, не отличается точностью, как и мнение о длительном пребывании «сургутского казацкого головы» в этом остроге (Миллер 1999: 296). Утверждение же А.Е. Ульяновой, будто Тугарин «годовал» в Томске и Енисейске, не находит подтверждения в сохранившихся источниках.

в тобольскую приказную избу, а затем – в распоряжение какого-то местного «писателя».

В КЗ сообщается об основателях первых сибирских городов и острогов, а также Енисейска, Красноярска, Якутска, Ачинского острога, даурских острожков (ПСРЛ 1987: 138–141, 145, 148, 152, 153, 159, ср. 158), о приказных, вначале управлявших Енисейским и Илимским острогами (ПСРЛ 1987: 146, 156, ср. 149), «поставлении» Кузнецкого острога томскими приказными людьми, которые на первых порах там были «седоками» (в ГР, НР, АР указано, кто заложил этот острог) (ПСРЛ 1987: 145, 194, 261, 318, 370). Возможно, как и в ряде других случаев (Солодкин 2011: 112–113, 129–130), летописец располагал справкой о лицах, «рубивших» укрепленные поселения в «Закаменской стране» либо ведавших ими сразу после возникновения.

Таким образом, документальные известия о Т. Федорове большей частью противоречат свидетельствам анонимного тобольского книжника конца XVII в. об этом атамане как основателе двух острогов, со временем ставших центрами самостоятельных уездов (а поначалу находившихся в «присуде» сургутских воевод). Зато сообщение КЗ (повторенное в АР) о том, что Тугарин управлял Кетским острогом, прямо находит подтверждение (хотя относительно 1614 г.) в одном из документов, а в челобитной атамана, в период Смуты отличившегося и на «Руси» (в боях с болотниковцами и захватившей Москву «литвой»¹), упоминается о его пребывании в Нарыме. Источником оригинальных известий о Федорове может считаться справка об обстоятельствах возникновения сибирских городов и острогов, составленная в тобольской приказной палате, или же (что менее вероятно) отложившаяся там «скаска» сургутян, где шла речь про основание Нарыма и Кетска.

¹ Считается, что «после 1604 г. Тугарин ... на много лет стал участником событий Смутного времени» (Александров, Покровский 1991: 81). Известно, однако, что в 1607 г. Федоров вернулся из Москвы в Сибирь (Миллер 2000: 232), а затем вновь очутился на «Руси». Стало быть, мнение, будто этот сургутский атаман являлся участником Смуты по меньшей мере с 1607 до 1612 гг. (Никитин 2001: 56), неточно.

Литература

Александров В.А., Покровский Н.Н. 1991. Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение.

Анхимюк Ю.В. 2005. Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV – начало XVII веков. Москва: Древлехранилище.

Бахрушин С.В. 1959. Научные труды. Т. 4. Москва: АН СССР.

Вершинин Е. 2004. Жил да был такой атаман ... // Родина 5, 30–33.

Вершинин Е.В. 1998. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург: Муниципальный учебно-методический центр «Развивающее обучение».

Вершинин Е.В., Шашков А.Т. 2004. Участие служилых остяков Кодского княжества в военных походах конца XVI – первой трети XVII в. // Исаева Т.А. (отв. ред.) Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сургут: Диорит, 10–32.

Внукова О.В. 2013. Складывание основных категорий служилого населения Западной Сибири на раннем этапе ее русской колонизации (конец XVI – начало XVII вв.) // Мат-лы регион. науч. конф., посв. памяти профессора Ю.П. Прибыльского: 19 апреля 2013 г. Тобольск: ТГСПА им. Д.И. Менделеева, 46–51.

Древний город на Оби: История Сургута. 1994. Екатеринбург: Тезис.

Миллер Г.Ф. 1999. История Сибири. Т. 1. 2-е изд., доп. Москва: Восточная литература РАН.

Миллер Г.Ф. 2000. История Сибири. Т. 2. 2-е изд., доп. Москва: Восточная литература РАН.

Миллер Г.Ф. 2005. История Сибири. Т. 3. Москва: Восточная литература РАН.

Никитин Н.И. 2001. Соратники Ермака после «Сибирского взятия» // Проблемы истории России. Вып. 4: Евразийское пограничье. Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 51–87.

Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). Ч. 3 / Сост. Н.Н. Оглоблин. 1900. Москва: б. и.

Очерки истории Коды. 1995. Екатеринбург: НПМП «Волот».

Очерки истории Югры. 2000. Екатеринбург: НПМП «Волот».

Первое столетие сибирских городов: XVII век. 1996. Новосибирск: Сибирский хронограф. (История Сибири: Первоисточники. Вып. 7).

Покровский Н.Н. 2006. Сибирское общество XVII – начала XVIII в. по челобитным // Покровский Н.Н. (отв. ред.) Общественное сознание населения России по отечественным нарративным источникам XVI–XX вв. Новосибирск: СО РАН, 180–198.

ПСРЛ. Т. 36. Москва: Наука.

Пузанов В.Д. 2011. Военная политика Русского государства в Западной Сибири (конец XVI – начало XVIII в.). Сургут: Таймер.

Пузанов В.Д. 2009. Служилые люди Туринского острога // СР 2(20), 132–139.

Разрядная книга 1475–1605. Т. 4. Ч. 2. 2003. Москва: б. и.

Резун Д.Я., Васильевский Р.С. 1989. Летопись сибирских городов. Новосибирск: Новосибирское книжное изд-во.

Русское старожильческое население Югры в конце XVI – середине XIX вв.: Исследовательские материалы и документы. 2007. Москва: Галерея.

Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г.Ф. Миллера. 2006. Екатеринбург: НПМП «Волот».

Симачкова Н. 2006. Становление воеводской системы управления в Сибири (конец XVI – начало XVII вв.). Тюмень: Мандр и К^о.

Скульмовский Д.О. 2007. «Годовая служба» в сибирских городах и острогах на рубеже XVI–XVII вв. // Горлов С.И. (отв. ред.) Научные труды аспирантов и соискателей Нижневартовского государственного гуманитарного университета. Вып. 4. Нижневартовск: Нижневартовский гос. гуманитар. ун-т, 63–69.

Солодкин Я.Г. 2011. Вослед Савве Есипову: Очерки по истории сибирского летописания середины – второй половины XVII века. Нижневартовск: Нижневартовский гос. гуманитар. ун-т.

Солодкин Я.Г. 2010. Две сибирские челобитные второй четверти XVII в. // Кондратьева Т.Н. (отв. ред.) Документ в контексте универсальных практик: Сб. ст. по мат-лам II Всерос. науч.-практ. конф. (г. Тюмень, 1–2 апреля 2010 г.). Тюмень: Титул, 44–49.

Солодкин Я.Г. 2015. Из Пельма в Сургут (о судьбе станицы атамана Т. Иванова) // Вестн. Сургутского гос. ун-та. Вып. 4 (10): Исторические науки и археология, 10–13.

Солодкин Я.Г. 2005. Когда и кем построен Кетский острог? // Прищепа А.И. (отв. ред.) Сургут в отечественной истории: Сб. тез. докл. исторических чтений: Сургут: 8 июня 2005 г. Сургут: Сургутский гос. ун-т, 11–14.

Солодкин Я.Г. 2014. С «преславной» Оки на «великую» Обь (к биографии И.И. Колемина – сургутского письменного головы и основателя Нарымского острога) // Шатиловские чтения: Мат-лы XV краеведч. конф.: 25 апреля 2014 г. Нижневартовск: ПолиграфИнвест-сервис, 3–8.

Солодкин Я.Г. 2012. Сибирская административная в Смутное время: К интерпретации летописных известий // Солодкин Я.Г. (отв. ред.) Историко-географические и историографические аспекты сибирской истории:

Коллективная монография. Ч. 7. Нижневартовск: Нижневартовский гос. гуманитар. ун-т, 41–52.

Солодкин Я.Г. 2002. Служилые люди Сургута в первые годы его существования // Прищепа А.И. (отв. ред.) Очерки истории Сургута. Сургут: Диорит, 25–35.

Ульянова А.Е. 2004а. «Годовая служба» сургутских казаков в XVII веке // Северная цивилизация: становление, проблемы, перспективы: Мат-лы I Конгресса: Сургут: 10–11 июня 2004 г. Сургут: Сургутский гос. ун-т, 283–285.

Ульянова А.Е. 2007. Структура сургутского казачьего гарнизона и его материальное обеспечение в конце XVI – XVII вв. // Солодкин Я.Г. (отв. ред.) Малоизученные и дискуссионные проблемы отечественной истории. Вып. 2. Нижневартовск: Нижневартовский гос. гуманитар. ун-т, 18–31.

Ульянова А.Е. 2004б. Сургутское казачество в конце XVI – начале XVIII вв. // СР 1(9), 47–54.

Ульянова А.Е. 2005. Функции сургутских казаков в конце XVI – XVII вв. // Солодкин Я. Г. (отв. ред.) Проблемы истории Сибири XVI–XX вв. Вып. 1. Нижневартовск: Нижневартовский гос. пед. ин-т, 46–64.

Шашков А.Т. 2003. Строительство русских острогов в Сургутском уезде в конце XVI – начале XVII в. // Западная Сибирь в академических и музейных исследованиях: Тез. окр. науч.-практ. конф., посв. 40-летию Сургутского краеведческого музея: 24–27 ноября 2003 г., г. Сургут. Сургут: Дефис, 32–35.

Список сокращений

АР – Академическая редакция

ГР – Головинская редакция

КЗ – Книга записная

МР – Миллеровская редакция

НР – Нарышкинская редакция

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

СЛС – Сибирский летописный свод

СР – Северный регион: наука, образование, культура

Глава 2

К ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ «ОПИСАНИЯ О ПОСТАВЛЕНИИ ГОРОДОВ И ОСТРОГОВ В СИБИРИ ПО ВЗЯТИИ ЕЕ...» (МИЛЛЕРОВСКАЯ И ГОЛОВИНСКАЯ РЕДАКЦИИ ЛЕТОПИСНОГО СВОДА)

Аннотация. В главе выясняются пути и формы редактирования старших разновидностей СЛС: КЗ, МР и ГР. В двух последних из них нередко дополнялись перечни сибирских администраторов или вносились датировки их сидения» в городах и острогах, скорее всего, на основании документации тобольской приказной палаты, иногда же, напротив, опускались хронологические определения либо указания на воевод, письменных голов, дьяков и подьячих с приписью. Та же документация позволила редакторам памятника по-другому, нежели в старшей разновидности СЛС, представить обстоятельства возникновения Мангазейского и Кузнецкого острогов, а также состав администраторов Мангазеи и Тюмени середины XVII в.

Ключевые слова: СЛС, КЗ, МР, ГР, редактирование старших разновидностей СЛС, росписи сибирских администраторов, документальные источники МР и ГР, тобольская приказная палата.

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ 17-11-86004

Вскоре после создания старшей из сохранившихся редакций СЛС – КЗ – сложились, причем тоже в конце 1680-х гг., две новые разновидности этого памятника. Обстоятельства, да и цели, возникновения МР и ГР обширного свода, точнее, дополняющего повествование про «Ермакову эпопею» «Описания о поставлении городов и острогов в Сибири по взятии ее...» во многом остаются неясными.

«Описание...» в значительной степени состоит из приуроченных ко времени «сидения» разрядных тобольских воевод (начиная с боярина князя И.С. Куракина) росписей администраторов.

Сравнительно с КЗ в двух последующих редакциях СЛС¹ пропущена только одна такая роспись – за 186–188 (1678–1679) гг., когда сибирским «наместником» являлся боярин П.В. Шереметев Молодой (ПСРЛ 1987: 170–171, 214–215)². (Создатель НР, вероятно, обратив внимание на такой пропуск, заметил: «А Тоболского и Томского розрядов в городех воеводы прежние» (исключением является пребывание в Илимске стольника князя И.П. Гагарина с 187 г., о чем сказано и в ГР) (ПСРЛ 1987: 213, 275, 331)³. В КЗ, однако, указывается, что в пору, когда тобольским «седоком» был боярин П.В. Шереметев Молодой, новые воеводы появились в Пельме и Таре, а «на Верхотурье» – подьячий с приписью вместо дьяка⁴). Кроме того, в рукописи МР оставлены пустые места, чтобы назвать воевод Пельма за 107–108 гг., Красноярска за 157–160 гг., Нарымского и Кузнецкого острогов за 172–175 гг., Туринска, Тюмени, Тары, Березова, Сургута, Нарыма, Томска, Кузнецка, Красноярска, Енисейска, Якутска, Илимска за 178–181 гг., а в двух списках ГР – дабы указать фамилии «градодержателей» Туринска и Кузнецка в 192–194 гг. (ПСРЛ 1987: 191. Примеч. к; 203, 207. Примеч. 86–86; 209. Примеч. 16–18; 220. Примеч. сс, тт; ср. 158, 162, 164, 165). Очевидно, создатели МР и ГР обращались к протографам, где текст «Описания...» был передан не столь полно, как в единственной, причем поздней, рукописи КЗ.

При сопоставлении КЗ с МР и Гр бросается в глаза, что последовательность городов и острогов в перечнях администраторов, как правило, не совпадает. Кроме того, редакторы протографа КЗ

¹ Оценка Н.А. Дворецкой МР как переходного от КЗ к ГР вида свода представляется нам неверной (см.: Солодкин 2016: 58–62).

² Н.А. Дворецкая лишь предположительно писала о пропуске в МР известий о сибирских воеводах (Дворецкая 1984: 48). Там есть и другие лакуны этого рода (см.: ПСРЛ 1987: 191. Примеч. 37–37; 194. Примеч. 12–12, 20–20; 196. Примеч. 85–85, 86–86, 87–87; 198. Примеч. 22–22, 30–31).

³ По КЗ, князь И.П. Гагарин стал воеводствовать в Илимске в 186 г. (ПСРЛ 1987: 171).

⁴ Согласно росписи «начальных людей», опущенной в МР и ГР, стольник М.У. Лодыгин воеводствовал «на Таре» в 187–190 гг. В данных редакциях свода позднее сказано о тарском «сидении» этого стольника в 188–190 гг. (ПСРЛ 1987: 171, 217, 219).

опустили сообщения о татарских головах Тобольска (ПСРЛ 1987: 149, 154, 197, 200).

В росписи за 104–105 и 107–108 гг. внесены добавления об администраторах «Тарского города» (ПСРЛ 1987: 190, 191, ср. 140, 141)¹. В обеих редакциях СЛС, появившихся вслед за КЗ, в отличие от нее говорится о «посылке» письменного головы князя М. Шаховского и Д. Хрипунова в 108 г. не только в Мангазею, но и в Енисейск, и (помимо тоболяков) березовцев – сына боярского, атаманов², сотни «литвы», казаков и стрельцов, дабы «в Енисейску самуюдь привесть» (очевидно, «под высокую государеву руку»). Столько же служилых, если следовать МР и ГР, было направлено в следующую экспедицию в Мангазею и Енисейск (ПСРЛ 1987: 140, 141, 191)³.

В росписи за 111–113 гг. в ГР сослуживцем мангазейского воеводы Ф.Ю. Булгакова назван письменный голова М.И. Радилов. Создатель этой редакции свода допустил ошибку: как видно по КЗ, МР, да и документальным источникам, М.И. Радилов тогда управлял Пельмом (вместе с воеводой А.И. Зюзиным), одним же из «начальных людей» «Тазовского города» был Никифор Григорьев сын Елчанинов (Миллер 2000: 27, 203, 204, 206–208; ПСРЛ 1987: 142, 192; РК 1976: 208, 209, и др.)⁴.

В ГР нет имеющихся в предыдущих редакциях СЛС сообщения о том, что письменного голову Тобольска (в 121–123 гг.) В.Н. Плещеева разрешили посылать на воеводства в другие сибирские города и остроги, указания на Е.Ф. Корсакова, оставше-

¹ Эти сведения подтверждаются документально (см., напр.: Разрядная книга 1475–1598 гг. 1966: 505, 514; РК 1976: 124, 167).

² В ГР сказано про атамана.

³ В МР сравнительно с КЗ сообщается о смерти в 108 г. целовальника З. Яковлева, но при этом он не назван устюжанином (ПСРЛ 1987: 140, 191. Примеч. 20–23). Заметим также, что в рукопись МР внесены другим почерком, нежели написан основной текст, дополнения (за 104–108, 121–123 гг.) о воеводах и письменных головах Пельма и Верхотурья, о службе сургутского атамана Т. Федорова в Кетском остроге (ПСРЛ 1987: 190. Примеч. 83, 84–85; 191. Примеч. 8; 193. Примеч. 90).

⁴ В МР имя и отчество Елчанинова не названы; порой летописцы именовали его Никифором Семеновым сыном и Никитой (ПСРЛ 1987: 192. Примеч. 48; 260, 316).

гося в 123 г. воеводой в Сургуте, теперь уже младшим, строк, посвященных переменам в составе тюменских и томских администраторов в 125–126 гг. В той же разновидности «Описания...» не сказано о воеводстве в Пелыме И.Я. Вельяминова, а в МР – и его «товарища» Г.Н. Орлова. В МР же отсутствуют свидетельства, которые мы находим в КЗ и ГР, о смерти «на Таре» младшего воеводы П.С. Лутохина и березовского «седока» Б.Л. Зюзина (которого сменил П.В. Вольтинский) (ПСРЛ 1987: 144, 145, 193, 194)¹.

В КЗ и МР под 125 г. упоминается о строительстве на Томи Кузнецкого острога, куда приказные люди либо также «седоки» посылались из Томска. В ГР вдобавок сообщается, что этот острог «срубили» в устье Брасы² «по томским воеводским отпискам по посылке из Тоболска тюменских и верхотурских служилых людей и татар» под началом томичей татарского головы О. Кокорева, казачьего головы М. Лаврова и сына боярского О. Михалевского. Если верить КЗ, Енисейский острог возник в 126 г., а не в следующем, как читаем в МР и ГР, где упоминается и о том, что в 126 г. Н.В. Вольтинский сделался березовским воеводой, но не говорится о его переводе тогда же в Мангазею. На протяжении 128–131 гг. Тарой, о чем идет речь в КЗ и ГР, управляли С.Я. Вельяминов и Ф.А. Скрыбин. В МР же явно ошибочно «товарищем» Вельяминова назван Бабарыкин (без указания имени и отчества), вероятно тот, который «сидел» в Кузнецке (ПСРЛ 1987: 145, 146, 194, 195)³.

Под заголовком (отсутствующим в МР и ГР) «И во 135-м году во все сибирские города перемена воеводам» в КЗ сообщается о пребывании «на Верхотурье» воеводы князя С.Н. Гагарина и подъячего с приписью П. Максимова. Они, согласно МР и ГР,

¹ Согласно КЗ и ГР, воеводе И.Б. Секерину в 125 г. было велено ехать в Томск, по МР же («списатель» которой, видимо, ошибся) – в Москву.

² Как отмечалось еще Г.Ф. Миллером, летописные известия о постройке острога при устье Брасы (точнее, Мразы или Мрасы, Мрассу) неверны (Миллер 1999: 315, ср. 443–444; Миллер 2000: 477, 681, 706).

³ В относящихся к 124–128 гг. известиях вместо воеводствовавшего в Сургуте И.Ф. Зубатого в МР переписчиком ошибочно назван Сабуров (ПСРЛ 1987: 194. Примеч. 4).

управляли городом, считавшимся воротами в Сибирь, с 136 г., а первого из них в следующем году сменил Н.Ю. Плещеев. С 135 г., как читаем в КЗ, тюменским воеводой стал П.Т. Пушкин. В двух других возникших почти одновременно с ней редакциях СЛС начало годичного, до смены П.Х. Измайловым, «сидения» П.Т. Пушкина в Тюмени приурочено к 136 г. Такие же расхождения налицо в известиях о туринском воеводе В.Л. Корсакове, преемником которого стал А.И. Зубов. Примечательно, что В.Л. Корсаков в МР и ГР (а также НР) назван и «седоком» Пелыма с 136 г., хотя тут же сказано, что тогда этот город оказался (до приезда туда в 138 г. Г.И. Горихвостова) в ведении Г. Алябова (именно последний с 135 г., как упоминается в КЗ, был старшим из пелымских администраторов) (КР 1855: 97, 205; ПСРЛ 1987: 148, 196, 197, 264, 320; РК 1976: 344, и др.)¹.

По свидетельству «слогателя» КЗ, «перемена» «начальных людей» во всех городах и острогах Тобольского разряда произошла в 137 г. Тогда, в частности, стали воеводствовать в Мангазее Г.И. Кокорев и А.Ф. Палицын. В МР указаны их предшественники Т.С. Бабарыкин и П.С. Полтев; в ГР (а также НР) последний ошибочно назван Бабарыкиным. Березовым, как следует из этой редакции СЛС, в то время управлял князь М.В. Белосельский (о котором в КЗ при этом не сказано)² и (с 137 г.) В.Т. Пушкин. (Очевидно, создатель старшей редакции «Описания...» по недосмотру опустил известие о Белосельском). В КЗ мы не найдем и сообщения о письменном голове Л. Башмакове – «товарище» тарских воевод князя Ю.И. Шаховского и М.Ф. Кайсарова. (В действительности Л.Д. Башмаков тогда занимал эту должность в Тобольске (КР 1855: 203, 297, 362; ПСРЛ 1987: 149, 197, 264,

¹ В «разрядах» этот воевода называется Г.А. Алябьевым. В.Т. Корсаков же управлял Туринским острогом в 135–137 гг. (см.: КР 1853: 1366; КР 1855: 96, 204, и др.).

² В КЗ упоминается о ссылке князя М. Белосельского «на Тюмень» в 126 г. (ПСРЛ 1987: 146. Ср.: РК 1976: 301). В «разрядах» его воеводство в Березове отнесено к 135–137 гг. (КР 1853: 1365; КР 1855: 97, 205; РК 1976: 344, и др.).

320; РК 1976: 344, и др.)¹). В Сургуте, согласно КЗ, преемником князя М.С. Гагарина явился Б.И. Кокорев. В ГР вместо последнего неверно назван А.О. Акинфиев (Акинфов), как видно по интересующим нас двум другим редакциям СЛС, «сидевший» в Красноярске. Воеводой Енисейска с 135 г. в ранней из них представлен В.А. Аргамаков; в МР и ГР указан и его преемник (с 137 г.) князь С.И. Шаховской, упомянутый в КЗ следом как «начальный человек» этого города, входившего уже в состав Томского разряда (ПСРЛ 1987: 148–150, 197, 198)².

В известиях за 139–143 г. сравнительно с КЗ в МР и ГР оказались опущенными указания на томского подьячего И. Селетцына и «отчество» верхотурского подьячего с приписью Н. Матюшкина (Титов сын), а также есть добавления о том, что в Туринске воеводу Г.И. Волынцева в 139 г. сменил М. Тюхин, а «на Верхотурье» подьячего В. Шестакова – И. Селетцын (Селитцын)³ (ПСРЛ 1987: 150, 197, 198).

В течение четырех лет, когда старшим среди тобольских администраторов являлся стольник князь М.М. Темкин-Ростовский, в Томске, как счел нужным указать редактор КЗ, новая воеводская «коллегия», включавшая письменного голову Н. Жабрина, появилась с 144 г., а Кузнецком стал управлять Г. В. Кошлев вместо Ф. Хоненева (в ГР он представлен Поленевым). По версии создателя КЗ, «начальным человеком» Енисейска в 143 г. сделан посланный из Тобольска П.Ф. Соковнин, а через четыре года –

¹ В НР явно ошибочно говорится об одновременной службе в Тобольске и Таре двух письменных голов Башмаковых: тарский именуется Лукьяном, а тобольский – Омеляном (Емельяном) (ПСРЛ 1987: 263–264, 320).

² Этот военно-административный округ был образован в 137 г. (КР 1855: 201–202; Миллер 2000: 419, 420; ПСРЛ 1987: 149, 197; РК 1976: 348, и др.), и в сообщениях, начиная с этого времени, «слогатель» КЗ и ее первые редакторы перечисляют города и остроги Тобольского, затем Томского разрядов.

³ Кроме того, в ГР, да и НР, томский дьяк А.Е. Строев (см. о нем, напр.: Александров, Покровский 1991: 241, 288; Миллер 2000: 432, 459, 471–473, 497) ошибочно назван Неустроевым.

Н.Л. Веревкин, тогда как согласно МР и ГР, последний «сидел» в этом остроге с 142 г. (ПСРЛ 1987: 151, 198, 199)¹.

Существенные расхождения между сопоставляемыми редакциями СЛС обнаруживаются в сообщениях за 147–151 гг. Как утверждается в КЗ, Енисейском с 150 г. управлял О.Г. Оничков, скончавшийся два года спустя. В МР сказано о том, что Оничков в 149 г. ехал в Енисейск (очевидно, через Тобольск), а «товарищем» этого воеводы назван голова Б. Балкашин²; в ГР сослуживцем Оничкова, ведавшего Енисейском с 149 г. и там (когда, не сказано) умершего, считаются, о чем известно и документально, голова П. Бекетов и подьячий с приписью В. Шпилкин. По свидетельству «слогателя» КЗ, в Мангазее со смертью воеводы князя Н.М. Барятинского остался «годовать» дьяк Б. Обобуров. В МР и ГР же (да и НР) читаем о том, что Барятинского грамотой от 10 (или 8) августа 149 г. отозвали в Москву, а в 150 г. в Мангазее «прислали» князя П.М. Ухтомского. Наконец, в ГР сообщается, с какого времени А.С. Воейков управлял Сургутом (150 г.) (ПСРЛ 1987: 152, 199, 200. Примеч. 94–96; 266, 322).

В КЗ упоминается о смерти тобольского дьяка И. Переносова 5 июня 154 г. В МР в данной связи назван 153 г., а в ГР – следующий, но без числа и месяца. В течение 151–154 гг. на пелымском воеводстве, как узнаем из КЗ, А. Булгакова сменил А.М. Несвицкий; в других рассматриваемых редакциях СЛС о А. Булгакове не упоминается. В МР в отличие от КЗ и ГР поясняется, что князь С.В. Клубков-Мосальский был главой Томского разряда с 148 г.³ В первой из этих редакций свода констатируется, что после смерти А.А. Измайлова в Сургуте стал воеводство-

¹ При обращении к документам выясняется, что в Енисейске П.Ф. Соковнин являлся старшим среди «начальных градских людей» с 1635 г., а Н.Л. Веревкин – с 1638 г. (см.: Миллер 2005: 217, 224, 226, 231, 247, 254, 267).

² Известно, что Б. Байкашин (Балкошин, Балкашин, Болкашин) в 1620–1640-х гг. был якутским казачьим или стрелецким головой, томским татарским головой, приказчиком пашенных крестьян в Енисейском и Маковском острогах (см.: КР 1855: 365, 690; Миллер 2005: 66, 72, 73, 232, 246; Обозрение 1900: 12).

³ В РТВ при этом указан 147 г. (ПСРЛ 1987: 344).

вать С.Г. Демский, в МР и ГР же преемником скончавшегося «градодержателя» назван (о чем имеются и документальные свидетельства) тобольский сын боярский Г. Костылецкий. В ГР по сравнению с почти ей синхронными нет даты смерти якутского воеводы В.Н. Пушкина, а кузнецкий воевода Афанасий Иванов сын Зубов именуется Афанасием Микитиным сыном. Наконец, если в МР енисейским «седоком» в Енисейске назван О.Г. Оничков, там и умерший (про что упоминалось и ранее), то в ГР – Ф.П. Полибин, под началом которого, согласно КЗ, Енисейский уезд состоял с 156 г., а в старшей редакции свода – Ф.Ф. Уваров и подьячий с приписью В.Г. Шпилкин (ПСРЛ 1987: 154, 156, 157, 199–201). Стало быть, расхождения оказываются весьма значительными.

Еще более существенные отличия между данными разновидностями «Описания...» наблюдаются в росписях за 154–157 гг. Тогда «на Верхотурье», как говорится в КЗ, подьячим с приписью являлся М. Лихачев, а с 156 г. – И. Недовесков; в МР упомянут только первый из них, а в ГР – Ф. Посников¹. В 157 г. (в ГР этой даты нет) воеводу М. Стрешнева там сменил «присланный» из Тюмени Р.Р. Всеволодский. Согласно МР и ГР, Тарой ведали стольник князь В. Горчаков и Ф. Головачев, а с 155 г. – Г.И. Бутурлин; в КЗ сообщается (без даты) лишь о последнем. В МР говорится о том, что в том же году С.Г. Демский ехал (надо думать, через Тобольск) в Сургут; затем местным воеводой являлся Александр Кропоткин), тогда как в КЗ «седоком» представлен Демский²; в ГР, а также НР, Кропоткин (причем Петр) неверно

¹ Многочисленные документы позволяют установить, что М. Лихачев являлся верхотурским подьячим с приписью в 1645 г., с февраля следующего года эту должность формально занимал Ф.М. Посников, а с конца 1646 г. – И.И. Недовесков (см.: Александров, Покровский 1991: 71, 260, 261, 264, 266–269).

² Указание на то, что князь П.В. Кропоткин стал управлять Сургутом вслед за тобольским сыном боярским Г.Д. Костылецким (Древний город 1994: 116) неверно. В составленной в Сибирском приказе одной из росписей администраторов «далечайшей государевой вотчины» сказано, что с 154 г. Сургутом ведал С.Г. Демский, а с 157 г. – А.В. Кропоткин (Ромодановская 2006: 318, 319) (см. также: Вершинин 1998: 23, 167; Обзорение б. г.: 141; ПСРЛ 1987: 154, 156, 157, 202. Примеч. 59–59, 72).

называется предшественником Демского. «Розряд» в Томске «чинил» с 152 г. князь Д.И. Щербатый (тогда и умерший). Эта дата приводится лишь в КЗ, в остальных ранних редакциях свода подобно предыдущей говорится о «начальстве» в Томске с 153 г. князя О.И. Щербатого¹. В 155 г., о чем говорится в МР, ехал Ф.П. Полибин; по ГР, тогда он и сменил там Ф.Ф. Уварова. В КЗ начало енисейского воеводства Ф.П. Полибина отнесено к 156 г.² В МР и ГР кетским воеводой, как и накануне, считается В.В. Нелединский (Колединский), которого в 155 г. сменил Г. Дурново; в КЗ назван лишь последний (Г.Ф. Дурной), причем без даты. Нарымом, по данным старшей редакции свода, управлял И.А. Чаадаев, затем А.С. Нарбеков; в МР и ГР смена этих администраторов приурочена к 155 г.³ Замена П.А. Протасьева М.Ф. Дурным на красноярском воеводстве датирована (155 г.) только в МР и ГР, зато в КЗ дважды упоминается о смерти там Дурново. Время, когда Кузнецким острогом вместо А.И. Зубова стал вестить А.Ф. Сытин (тот же год) указано лишь в ГР (где Зубов называется, однако, Афанасием Никитиным сыном). Как повествуется в двух ранних редакциях «Описания...», первый московский воевода Т.В. Шушерин на Лене, в Илимском остроге, появился в 155 г. или же направлялся туда в следующем (В ГР про это умалчивается). Пожалуй, самые ощутимые расхождения между интересующими нас редакциями СЛС обнаруживаются в сообщениях о судьбах мангазейских администраторов. В старшей из них сказано, что Я. Тухачевский в крепости, выстроенной в среднем течение Таза полувеком прежде, скончался через шесть недель, и на смену ему в начале следующего 156 г. из Тобольска отправились письменный голова А.Т. Секерин с сыном Андреем и тюменский подьячий с приписью Я.И. Чермной; старший Секерин, прибыв в Мангазею, умер (спустя три недели), и до «перемены» (в 157 г.)

¹ Кроме того, в МР (в других об этом не сказано) упоминается о смене в 151 г. А.А. Молвянинова И.Н. Бунаковым.

² Ф.Ф. Уваров находился в Енисейске в 1646 г.; со следующего там упоминается на воеводстве Ф.П. Полибин (см., напр.: Александров, Покровский 1991: 72, 123).

³ В МР и следующей редакции свода Нарбеков подчас называется Карбековым.

там «сидели» его сын и Чермной. «Списатель» МР уверял, что А.Т. Секерина не стало по дороге в Мангазею, в «Туруханском». Версия очередного редактора свода такова: А.Т. Секерина и Я. Иванова послали в город на Тазе для сыска про воеводу П.М. Ухтомского, и после смерти там Секерина, точнее, до 156 г. (когда в Мангазею прибыл новый воевода Ф.И. Байков), «до указу» там «сидел» Я. Иванов¹ (ПСРЛ 1987: 154, 156, 200–203, ср. 268, 269, 324, 325)².

Перечисляя воевод за 157–160 гг., создатель КЗ называет сменившего Г.И. Бутурлина «на Таре» стольника князя В.А. Горчакова; в МР и ГР указан и преемник последнего (с 160 г.) И.А. Чаадаев. В старшей из этих редакций СЛС определена хронология «сидения» главных сургутских «чиноначальников»: князь С.Г. Демский с 155 г., А.В. Кропоткин в течение 157–160 гг. Среди кузнецких воевод в КЗ упомянуты Г.К. Заседский и его предшественник А.Ф. Сытин. В МР и ГР же вместо Засецкого назван Ф.О. Баскаков. В тех же редакциях свода сообщается, что многообразные административные и судебные функции Ф.И. Байков стал выполнять «на Мангазее» с 156, а не с начала следующего года (о чем сказано в КЗ). Нарымским воеводой в отличие от ранней редакции «Описания...» в МР и ГР значится А.С. Карбеков (т.е. Нарбеков), а не Ф.Ф. Головачев. О дьяке П. Стеншине как сослуживце якутского воеводы Д.А. Францбекова мы читаем лишь в ГР. «Начальным человеком» Кетска в КЗ и МР считается Стефан Еуфимов (Еуфимьев) сын Лутовинин (находившийся там и на протяжении 160–164 гг.)³. В ГР же речь идет о Степане Андрееве сыне Ушакове, который в НР считается

¹ Ср.: Веселовский С.Б. 1975: 564. Это обстоятельство, между прочим, не подтверждает заключение, будто для ГР характерна «стандартизация текста» свода (Александров, Покровский 1991: 125).

² Благодаря ряду документов известно, что после смерти в 1647 г. Я. Е. Тухачевского Мангазеей управлял его сын Василий, затем А.Т. Секерин, а когда он умер (в 1648 г.), на воеводской должности «до-сеживал» А.А. Секерин, при которых состоял Я. Иванов (см., напр.: Александров, Покровский 1991: 113; Миллер 2000: 616).

³ О воеводстве С.Е. Лутовинова в Кетске см.: Александров, Покровский 1991: 112, 113.

предшественником Степана Олферова (Алферова) сына (ПСРЛ 1987: 157–160, 201–203, 269, 325).

При обращении к слою показаний за 160–164 гг. выясняется, что в МР и ГР умалчивается о подьячем с приписью Г. Похабове, смененном «на Верхотурье»¹ служившим там и прежде М. Пониковым, и подьячем с приписью Я.И. Чермном, который, будучи помощником М.А. Полуектова, управлял Тюменью (в 163 г. и следом), а также пребывании в Якутске «со 159 году во изходе» воеводы и сыщика И.П. Акинфова (его сменили стольник М.С. Лодыженский и дьяк Ф. Тонков, оба здесь умершие). Зато в КЗ не сказано о П. Измайлове, в 163 г. сменившем в Пельме П.И. Львова. После смерти воеводы князя Н.Ф. Мещерского Сургутом, как сообщается в этой редакции свода, стал управлять тобольский сын боярский Г.Д. Костелецкий. В МР и ГР поясняется, что это случилось в 163 г. Когда в Нарыме скончался О.П. Баскаков, читаем в КЗ, ведать этим острогом² из Томска прислали С.В. Нащокина. Смена «властодержателей» в 163 г., согласно МР и ГР, произошла и в Березове³. В предыдущей редакции свода рассказывается о том, что в Енисейске с 159 г. находился А.Ф. Пашков, в 163 г. там появился новый воевода – А.П. Акинфов (который уступил свое место М.Г. Ртищеву), а Афанасий Пашков с сыном Еремеем в следующем году готовился к походу в «Даурскую землю» и двинулся туда во главе отряда служилых людей; пробыв там, управляя только что присоединенным к России краем, до 169 г., А.Ф. Пашков в 170 г. выехал из «Даур» в Тобольск.

В МР и ГР эти сообщения подверглись сокращению и были дополнены известием о том, что в 168 г. в нерчинские остроги вместо А. Пашкова послали тобольского сына боярского Л.Б. Толбузина (об этом позднее сказано и в КЗ), в 176 г. (при

¹ По документам известно о Г. Похабове как верхотурском подьячем в 1654/55 г. (см.: Миллер 2005: 386, 388).

² В МР эта «перемена» отнесена к 163 г., в ГР – к предыдущему.

³ Новый воевода Сергей Малого, приехавший заменить Г.В. Волкова, в КЗ именуется Андроньевым и Андрониковым сыном, в МР – Андрониковым (Ондрониковым), а ГР – Андреевым или Андроновым сыном.

сибирском «скипетродержце» П.И. Годунове) – ротмистра казаков литовского списка Д.Д. Аршинского, а через пять лет, при другом (на сей раз временном) тобольском воеводе Ф. Хрущове, – местного сына боярского П.Я. Шульгина¹. В КЗ также не сообщается о смене в 164 г. в Илимске Б.Д. Оладына Н.А. Бунаковым (ПСРЛ 1987: 158–161, 203–205).

В следующем пласте известий о главных «чиновных людях» городов и острогов выделяются статьи о воеводской «чехарде» в Тюмени. Как сообщается в КЗ, еще ранее, после «отказов» «по гражданскому челобитью» И.Т. Веригину, затем Н.И. Елдезину (накануне входившему в число тобольских письменных голов), в этот город в 163 г. направили М.А. Полуектова² («сроднича» разрядного воеводы стольника князя В.И. Хилкова), а в 166 г. место И.Т. Шадрина³ занял Ф.И. Веригин; на него «учинилось от всего Тюменского города челобитье того ж году», и в начале следующего разрядный воевода стольник князь А.И. Буйносов-Ростовский послал в Тюмень на смену незадачливому воеводе казанского ссыльного голову А. Новгородова⁴; как и пять его предшественников, он пробыл там недолго. Вместо скончавшегося в 168 г., вскоре после приезда в Тюмень, воеводы А.В. Кафтырева тогда же «чинить расправу» там стал тобольский сын боярский И.В. Струна, а со следующего года – воевода М.Д. Павлов. В МР (где упоминается о преемнике Павлова И.И. Лодыгине) явно ошибочно говорится о «посылке» Новгородова «на Тюмень» в 164 г. и замене Кафтырева Елдезиным в 168 г., хотя тут же преемником этого воеводы называется И.В. Струна (ПСРЛ 1987: 158–161, 203, 204. Примеч. 24–26; 206. Примеч. 59–59; 270, 326)⁵.

¹ В МР Толбузин ошибочно именуется Ларионом Васильевым сыном, а в ГР Аршинский также представлен как тобольский сын боярский.

² Об этом известно и по ряду документов (см., напр.: Миллер 2005: 384, 385).

³ И.Т. Шадрин «прислал» в Тюмень в 164 г. вместо М.А. Полуектова (по МР и НР, письменного головы).

⁴ В НР А. Новгородов отнесен к числу детей боярских.

⁵ В ГР же неверно утверждается, будто Н. Елдезина отправили управлять Сургутом после смерти воеводы П.Т. Кондырева (ПСРЛ 1987: 204).

В МР и ГР были опущены сообщения о предшественниках енисейского воеводы (с 169 г.) И.И. Ржевского, верхотурского подьячего с приписью Ф. Каменского, а вместо письменного головы (в «перемене» разрядного воеводы боярина князя И.А. Хилкова) Б.И. Маркова указан служивший в этой должности и ранее К.С. Дохтуров, который в МР значится как преемник И. Полуектова. Относительно 164–167 гг. в КЗ туринским воеводой назван князь И.И. Мещерский, томскими администраторами представлены И.В. Бутурлин, П.П. Поводов, дьяк А. Марков, а в двух последующих редакциях СЛС – соответственно Л.А. Акинфов, князь И.Н. Приимков-Ростовский, А.А. Коковинский, А. Марков (ПСРЛ 1987: 159, 160, 204, 205)¹. В КЗ и МР говорится о смерти тобольского воеводы Василия (Одинца) Михайлова сына Беклемишева 21 февраля 168 г. и его замене в том же году Д.Я. Яковлевым. Согласно же ГР, где назван только год смерти Беклемишева, Яковлев сделался его преемником в 169 г.; в той же редакции отмечен лишь факт кончины этого нового тобольского воеводы, в других же сообщается, что Яковлева не стало в 172 г., а накануне он принял постриг и схиму. Только в МР утверждается, что тобольский письменный голова К.С. Дохтуров занял место И. Полуектова. Под 167–172 гг. пельымским воеводой в КЗ числится И.Н. Аничков и (с 172 г.) М.И. Маюров, а в МР и ГР – только последний. В старшей редакции свода не упомянуто, как в ГР, что вместо умершего разрядного воеводы И.В. Бутурлина «с товарищи» (из них «ни один не выехал» обратно) «по челобитью», очевидно, горожан, власть в Томске перешла к кетскому воеводе Д.И. Хрущову; в МР он почему-то назван «седоком» Енисейского острога, а также сказано, что во главе Томского разряда Хрущов пробыл до смены в 174 г. И.Л. Салтыковым². В МР и ГР не упоминается о письменном голове Б.И. Маркове из «перемены» боярина князя И.А. Хилкова. (Этот письменный голова, что любопытно, упомянут как Морков и в НР). В КЗ и ГР читаем

¹ Согласно РТВ, князь И.Н. Приимков-Ростовский, А.А. Коковинский и А. Марков управляли вторым по счету из учрежденных в Сибири разрядов с 20 июля 164 г., а И.В. Бутурлин «с товарищи» – с 167 г. (ПСРЛ 1987: 344).

² Ср.: ПСРЛ 1987: 344.

о пребывании «на Таре» князя М.Н. Шаховского. В МР же назван его предшественник М. Измайлов, и последующие воеводы «Тарского города» С. Измайлов, князь Ф. Мещерский, Т. Клокачев¹. Кроме того, в МР и ГР не говорится о ехавшем на смену А.В. Веригину в Красноярск в 170 г. М.В. Оничкове и его кончине в Тобольске (ПСРЛ 1987: 159–161, 205, 206, 208, 270, 326, 373).

В перечне лиц, от имени «великого государя» управлявших сибирскими городами и острогами на протяжении 172–175 гг., мы находим одно оригинальное сообщение: красноярским воеводой в ГР назван Г.В. Ларионов, тогда как в КЗ – Г.П. Никитин, в МР (о чем позднее сказано и в двух других интересующих нас редакциях СЛС) – А.И. Сумароков² (ПСРЛ 1987: 162, 166, 207–209, 211). В ГР опущена дата смерти И.В. Бутурлина, возглавлявшего администрацию Томского разряда (4 января 174 г.), зато названы «товарищи» И.Л. Салтыкова князь Ф.Ф. Мещерский и дьяк В. Шпилкин³. По сведениям анонимного летописца, трудившегося над КЗ, в Енисейске «начальствовали» В.Е. Голохвастов, затем К.А. Яковлев. В ГР указано время этой «перемены» – 174 г.; в МР эта дата опущена, но упомянут предыдущий воевода И.И. Ржевский. Илимском по данным, приводимым в КЗ, после убийства воеводы Л.О. Обухова с 173 г. управлял тобольский сын боярский А. Росторгуев-Сандалов, со следующего года (о чем идет речь и в ГР) – С.О. Оничков, который провел там свыше десятилетия – до 185 г., а возвращался (надо полагать, через Тобольск) в 186 г. В МР обо всех этих воеводах умалчивается⁴. «Градодержателями» Нарыма и Кетска в КЗ представлены И.М. Заседский (в МР он назван Засецким) и Иван Романов сын

¹ См. о них: ПСРЛ 1987: 162, 164, 166, 207–210. Не исключено, что эта справка о тарских воеводах была составлена по протографу КЗ либо имела там.

² Последний, согласно ГР, ведал Красноярском с 174 г. Известий о Г.В. Ларионове нет и в НР СЛС.

³ ПСРЛ 1987: 162, 207, ср. 344. Стало быть, заключение, будто в ГР сокращены известия о сибирских воеводах (Дворецкая 1984: 54), нуждается в уточнении.

⁴ Там упоминается лишь о накануне воеводствовалшем в Илимском остроге Т.А. Вындомском (см.: ПСРЛ 1987: 161, 206, 207. Примеч. 86–86; 211. Примеч. 66–66. Ср.: 213. Примеч. 24–24).

Кокошкин, в ГР – соответственно князь П.А. Гагарин и Иван Федоров сын Кокошкин. (По КЗ, П.А. Гагарин воеводствовал в Нарыме с 174 г.).

Различия выявляются и в определении состава якутских «начальных людей». В КЗ констатируется, что умершего И.Ф. Большого Голенищева-Кутузова сменил его сын Михаил, потом окольничий князь И.П. Барятинский, письменный голова Е.И. Козинский, а с 175 г. и дьяк (приехавший из Тобольска) С. Елчуков, скончавшийся на новом месте службы. Создатель ГР преемниками И.Ф. Голенищева-Кутузова называл М.С. Лодыженского («сидевшего» в Якутске, откуда вернуться этому воеводе было не суждено, еще в течение 160–164 гг.)¹ и князя И.П. Барятинского. В МР говорится и о смене «на Верхотурье» И.Я. Колтовского и подьячего с приписью И.С. Бахтемирова² Ф.Г. Большим Хрущовым и подьячим Б. Софоновым, которая произошла в 177 г. (по КЗ, в начале года). В ГР сравнительно с более ранними не указано на прежнего письменного голову Тобольска К.С. Дохтурова, а вместо М.И. Маюрова пелымским воеводой считается И.И. Панин. Наконец, редакторы протографа КЗ часто опускали хронологические обозначения (ПСРЛ 1987: 161, 162, 165, 166, 206–209, 211).

В этой редакции свода сообщается о том, что вместо С. Измайлова с 1 сентября 176 г. до июня 181 г. Тарой управлял переведенный из Томска князь Н.Ф. Мещерский, но фактически (из-за болезни отца) его сын Борис. В ГР читаем лишь о замене с 176 г. С. Измайлова князем Н.Ф. Мещерским, ранее служившим в Томске; в МР нет и такого свидетельства. Согласно КЗ, стольник Н.А. Вельяминов ведал Томском с 4 августа, а князь П.А. Гагарин (накануне «сидевший» в Нарыме) Березовым – с 25 августа 175 г., по ГР же – со следующего года (ПСРЛ 1987: 164, 208, ср. 344).

В первой из этих редакций СЛС говорится о том, что А.М. Беклемишев, переведенный в 178 г. в Тюмень из Туринска (который был оставлен в «присуде» Матвея – сына бывшего воеводы), тогда же умер, и не раз проявлявшие прежде строптивость

¹ В МР из этих воевод назван только Голенищев-Кутузов, который именуется Иваном Ивановичем.

² При этом, как и в ГР, не сказано об их «сидении» с 172 г.

тюменцы временно оказались под началом тобольского сына боярского Е.И. Козинского; в ГР же указывается на кончину А.М. Беклемишева в 179 г. и отправку в следующем году Козинского (который здесь представлен как Козильский) в Сургут вместо князя Г. Козловского, а в Тюмень – сына боярского из Тобольска Л. Толбузина. В КЗ упоминается о «посылке» в Якутск в 178 г. князя Я.П. Волконского; в ГР он и дьяк С. Елчуков (умерший в 179 г.) уже значатся якутскими «градодержателями». В редакции СЛС, сложившейся в годы тобольского воеводства боярина А.П. Головина, подвергся сокращению рассказ о сыске про томского «седока» Н.А. Вельяминова при его преемнике (с 179 г.) И.Ф. Монастыреве, ранее ведавшем Нарымом и Кетском. В ГР в отличие от КЗ не сказано о том, что с 181 г. верхотурским подьячим с приписью вместо Б.Л. Софонова сделался С.Ю. Тютчев; в МР же приведенная дата опущена (ПСРЛ 1987: 162, 164, 165, 209).

В записях за 181–184 гг. в КЗ и МР князь Д.А. Барятинский назван единственным томским администратором, в ГР (а также НР) указан и его «товарищ» дьяк В. Шпилкин¹; во вторичных редакциях нет даты начала пребывания В.И. Мотовилова в Пелыме и стольника М.Л. Кологривова в Сургуте, опущено указание на то, что Нарымом и Кетском (в МР говорится лишь о Кетском остроге) вместе со стряпчим А.Д. Губиным управлял его сын Иван (ПСРЛ 1987: 166, 210, 211, 274, 330, 344).

Значительно больше различий в содержащихся в данных редакциях свода «реестрах» «начальных людей» нетрудно обнаружить за время, когда сибирским «наместником» являлся боярин П.В. Большой Шереметев. Особенно любопытно следующее расхождение: в КЗ письменными головами, ведавшими Енисейском с 185 г., названы Дмитрий Козьмин и Козма Лазарев; в МР указаны фамилии этих подчиненных воеводы боярина князя И.П. Барятинского – Старой и Онаньин соответственно (в ГР упоминается один Старово)². По КЗ (да и НР), с приездом стольника

¹ Последний, согласно ГР, умер в 183 г., а по РТВ – еще 12 декабря 180 г. По данным С.Б. Веселовского, Шпилкин упоминается до 21 октября 1676 г. (см.: Веселовский 1975: 584).

² В Основном виде НР тоже сказано про Дмитрия Старово и Козму Лазарева; в ее Томском виде последний, видимо, по недосмотру писца,

В.Б. Бухвостова прежний нарымский и кетский воевода А. Губин остался ведать Кетском; согласно ГР В.Б. Бухвостов (который в МР представлен как полковник и стрелецкий голова), стал управлять Нарымом. (С 186 г. Бухвостов «сидел» в Нарыме, а в Кетске – А.П. Бахметев). В ГР встречается сообщение о том, что сменить Ф.И. Бибикова (управлявшего опять-таки с 185 г. Якутским острогом и там, согласно КЗ, в 188 г. умершего) послали в 187 г. князя И.П. Гагарина, а до «перемены» ему предписали находиться в Илимске. Поначалу в своде говорилось о высылке воеводой стольником И.П. Савеловым из Туруханского острога подьячего с приписью Б. Софонова; в МР лишь сказано, что с 185 г. этому стольнику приказано одному «сидеть» в «Туруханском». В МР не сообщается (как в КЗ) о преемниках Ф.П. Коха на тарском воеводстве Н.Л. Наумове (умершем в том же 186 г., когда он приехал в город, давно «поставленный» в Среднем Прииртышье) и тобольском письменном голове И. Талызине, а в ГР – о последнем. В более поздних среди этих разновидностей СЛС умалчивается про дьяка Н.Ф. Леонтьева, с 186 г. управлявшего Томском вместе с воеводой стольником П.Л. Львовым¹, и голову тобольских пеших казаков И.М. Ушакова, который четыре месяца заменял в Пельме воеводу В.И. Мотовилова; зато в ГР сообщается и о новом воеводе этого города С.С. Измайлове. Как «седок» «на Березове» в КЗ упомянут стольник князь В.М. Гагарин, в МР – Е. Огарев; по ГР известно, что Гагарин сделался преемником Огарева. Согласно МР, стольник И.Д. Зубов стал ведать Илимском в том же 184 году, когда (в мае), если следовать КЗ, ехал туда (вероятно, через Тобольск), а не с 185-го. Как читаем в ГР, И.Ф. Пушкин и дьяк Д.И. Афанасьев возглавляли верхотурскую администрацию с 184 г. (в КЗ и МР при этом назван 185 г.). В МР и ГР сказано в отличие от КЗ о предшествовавших воеводах Туринска, Тюмени, Сургута, а также времени пребывания в Красноярске воеводы Д.Г. Загрязского. Далее, если в КЗ воеводой

назван Захаровым (ПСРЛ 1987: 275, 331). О том, что Д. Старово являлся в 1680 г. енисейским письменным головой, сообщается и в одном из документов (см.: Миллер 2005: 440).

¹ По РТВ, этот дьяк находился в Томске с июля 187 г. (ПСРЛ 1987: 344).

Кузнецка считается И.И. Давыдов (с 185 г.), то в МР – «сидевший» в этом остроге накануне Г.В. Волков. В МР и ГР мы не встретим известия об образовании Енисейского разряда и сообщения о том, что воевода боярин князь П.П. Барятинский (накануне и потом он именуется Иваном, что верно) послал в нерчинские остроги сына боярского Г. Лоншакова (ПСРЛ 1987: 166, 168–170, 211, 213–214, 275, 331)¹.

При рассмотрении известий за 188–190 гг. оказывается, что редакторы протографа КЗ не повторили свидетельств о тобольском казачьем голове И.М. Ушакове, с 190 г. сменившем в Пелыме В.Б. Бухвостова, письменном голове Л.К. Кисляном, входившем в состав енисейской администрации, сыне В.Ф. Шишкина, помогавшем отцу управлять Нарымом и Кетском. Эти же редакторы указали, что И.О. Власов в Селенгинске и Ф.Д. Воейков в Албазине² находились с 188 г. Кроме того, по КЗ первыми верхотурскими администраторами являлись Федор Аврамович Лопухин и подьячий «вместо дьяка» тюменец Афанасий Парфенов, согласно же МР и ГР – стольник Р.М. Павлов (как и прежде), а с 189 г. – Ларион Аврамович Лопухин³; при них состоял подьячий с приписью А. Иванов (ПСРЛ 1987: 170, 171, 217, 219).

В разделе СЛС, относящемся к 190–192 гг., редакторы протографа ее старшей разновидности пояснили, что смена дьяков в Тобольске произошла в 191 г. ГР⁴ позволяет установить, что стольник М.А. Толстой управлял Верхотурьем с 21 марта 191 г. – вначале вместе с подьячим с приписью А. Парфеновым, а затем с дьяком Осипом Палицыным⁵. С того же года, если верить КЗ,

¹ О Г. Лоншакове см., напр.: Обзорение б. г.: 140; Обзорение 1900: 202.

² В КЗ Ф.Д. Воейков считается приказным шести нерчинских городков.

³ В НР речь идет подобно КЗ о Федоре Аврамовиче. О нем – отце жены Петра Алексеевича Евдокии – далее сообщается и в ГР (ПСРЛ 1987: 228, 276, 332).

⁴ Текст МР заканчивается на известии о браке Ивана Алексеевича 19 января 192 г. (ПСРЛ 1987: 217. Примеч. 90).

⁵ Этот дьяк, появившийся «на Верхотурье» в 191 г., в КЗ именуется Иосифом Андреевым сыном.

Томск оказался в ведении А.М. Кольцова-Мосальского¹, а по ГР, Якутск – М.О. Кровкова и его сына Алексея, Нерчинск же – И.О. Власова (ранее воеводствовал в «на Селенге»)². В ГР сообщается о том, что в Пелыме И.И. Дурново сменил «тоболенина» И.М. Ушакова, в Березове «немчин» М.И. Фантор – С. Языкова³, а письменный голова В.П. Акулов умер в Енисейске. Воеводой Туруханского острога в КЗ считается стольник И.Ф. Полтев, в ГР – М.И. Беклемишев, Кузнецкого острога – М.И. Конищев и (служивший там прежде) П.И. Дубровский соответственно (ПСРЛ 1987: 172, 174, 217, 219, 220).

В записях, приуроченных к 192–194 гг., обращает на себя внимание то обстоятельство, что в ГР повторено известие о верхотурских администраторах стольнике М.А. Толстом и дьяке О. Палицыне, тогда как в КЗ вместо последнего значится дьяк П.Г. Бурцов, а следом упомянуто о появлении нового воеводы – Г.Ф. Нарышкина (с февраля 193 г.). Редактор счел излишним сообщать о письменном голове Енисейска В.П. Акулове и проезде туда через Тобольск 25 мая 193 г. новых «градодержателей» (указана только дата начала их «сидения» – та же, что в старшей разновидности свода). Тюменским воеводой в ГР назван Т.Г. Ртищев, а в КЗ – уже его преемник стольник Н.И. Колобов. По уточнению редактора, И. Власов управлял Нерчинском, а А. Толбузин – Албазином (в КЗ они перечислены как «в Даурех старые» воеводы). В КЗ оказались пропущенными и даты смерти в Туруханском остроге стольника И.Ф. Полтева, начала томского воеводства А.М. Кольцова-Мосальского. По той же редакции свода, И.И. Дурново управлял Пелымом с 192 г., а не с предыдущего, как утверждается в ГР (ПСРЛ 1987: 174–176, 219–221).

Из сообщений за время пребывания боярина А.П. Головина в «царствующем граде» Сибири (с марта 194 г.) в КЗ и ГР наиболее

¹ В ГР названа более точная дата – с 4 мая 191 г. В РТВ говорится про начало «сидения» А.М. Кольцова-Мосальского 25 июля того же года.

² По КЗ, И. Власьев тогда наряду с Ф. Воейковым (умершим в Сибири) и А. Толбузиным управлял даурскими острожками.

³ Поначалу березовским воеводой в КЗ назван Л.А. Вельяминов, «сидевший» в Сургуте.

примечательны указания на верхотурских администраторов. Ими в старшей среди этих редакций СЛС значатся воевода Г.Ф. Нарышкин и дьяк П. Бурцов, которого сменил дьяк О. Иванов. О последнем в соответствующей записи ГР не сказано, но затем упоминается про его пожалование в дьяки в 197 г.¹ Там же сообщается, что определенному в Енисейск (по КЗ, в 194 г.) стольнику Г.В. Новосильцеву предписали ведать только Красноярским острогом, остальные (из состава Енисейского разряда) перешли в компетенцию «великого и полномочного посла» окольничего Ф. А. Головина, «товарищем» которого велели быть И.О. Власьеву (Власову) (согласно КЗ, «седоку» нерчинских городков). Если в КЗ преемником умершего в Туруханске в 194 г. И. Полтева считается стольник А.П. Протасьев, то в ГР читаем о том, что последнему было «указано» с мая того же года заменить Романа – сына прежнего воеводы, а В.М. Трегубов², И.В. Башковский и Ф.М. Павлов появились в Нарыме с Кетском, Красноярске и Илимске соответственно с июня 194 г., а И.И. Дурново умер в Туринском остроге в декабре 195 г. (в КЗ обозначены только годы). Вместе с тем в ГР опущено свидетельство о гибели А.Л. Толбузина в Албазине в 194 г. (Ранее она датирована в КЗ началом 195 г.). В старшей из редакций СЛС говорится о том, что управлявшего Тарой с 192 г. стольника К.Ф. Павлова 6 июня 195 г. сменил стольник князь Г.С. Волконский; в ГР тарским воеводой по-прежнему назван К.Ф. Павлов. В этой же редакции свода

¹ В НР сообщается о смерти Бурцова (по Основному виду этой редакции, «на Верхотурье») и производстве О. Иванова в дьяки с учреждением Верхотурского разряда в 196 г. Документально известно, что «на Верхотурье» О. Иванова назначили в 195 г. подъячим с приписью, а два года спустя он стал дьяком (см.: Оглоблин 1900: 28; ПСРЛ 1987: 280, 282, 336, 337).

Вопреки утверждению А.И. Андреева, будто «о существовании Верхотурского разряда известий нет» (Миллер 2005: 471), в двух редакциях СЛС сообщается про образование этого военно-административного округа, а в НР – и о его упразднении (ПСРЛ 1987: 103, 104, 225, 282, 286, 337, 340).

² По данным КЗ, с 194 г. И.С. Павлов воеводствовал уже не в Нарыме и Кетске, а только в Нарыме, В.М. Трегубов же стал управлять Кетском. ГР и НР эту версию не подтверждают.

упоминание о назначении в 196 г. М. Борисова подьячим с приписью в Тюмень сопровождает лапидарная заметка о его смерти в следующем году. В ГР мы не встретим известий о том, что новые воеводы появились в Березове, Сургуте, Томске и Якутске (стольник И.Ф. Грибоедов, Ф.И. Потемкин, стольник князь С.П. Вяземский¹, П.П. Зиновьев) с 194 г., а в Пельyme (Н.С. Ивашкин²) – с 195 г. (ПСРЛ 1987: 169, 172, 174, 176, 177, 220, 222–226, 228–229, 280, 281, 336, 344).

Таким образом, сопоставление имеющихся в первых редакциях СЛС росписей воевод, письменных голов, дьяков и подьячих с приписью показывает, что «слогатели» МР и ГР обращались не к КЗ, а ее протографу, многие данные которого впоследствии не были воспроизведены (например, о «сидении» в Туринске М.А. Беклемишева – сына прежнего воеводы, Б.Ф. Мещерского «на Таре» при заболевшем отце, М.И. Голенищева-Кутузова в Якутске после смерти отца, о высылке стольником И.П. Савеловым из Туруханска подьячего с приписью Б. Софонова, замене в Пельyme на четыре месяца воеводы В.И. Мотовилова тобольским

¹ По РТВ, последний управлял Томском с июня 194 г.

² В КЗ он назван Иванкиным, туринский воевода А.А. Юшков – Юрьевым, а красноярский И.В. Башковский – Башковым. Кроме того, тобольский сын боярский М. Егольский (см о нем: Семенов 2011: 388) в КЗ, ГР, НР называется Язонским (Ягонским, Егонским), а в МР – Негонским, воеводствовавший «на Верхотурье» и в Сургуте князь Никифор Мещерский в КЗ и МР порой именуется Федором и Никитой, тарский воевода князь П.И. Щетинин, о котором мы читаем в КЗ и НР (см. также: Миллер 2000: 571, 575, 577; Миллер 2005: 291), в МР и ГР представлен Щетиным, верхотурский подьячий с приписью И.С. Бахтемиров, о котором упоминается в КЗ, в других редакциях СЛС значится как Бихтемиров, Айтемиров, Артеми[р]ов, кетский воевода Яков Уваров считается то Ивановым, то Федоровым сыном, «сидевший» «на Верхотурье» с апреля 1664 г. Иван (согласно ГР и НР) Яковлев сын Колтовский в МР назван Федором, в рукописи же КЗ указание на имя оказалось утраченным. Заметим также, что в МР первый воевода Туруханска (Новой Мангазеи) стряпчий Данило Трофимов сын Наумов назван Даниилом Наумовым сыном Трофимовым (ПСРЛ 1987: 146, 151, 154, 158, 162, 195, 199, 200, 203, 206, 211. Примеч. 67–68; 213. Примеч. 34; 262, 266, 267, 269, 271, ср. 164, 166, 209, 210, 213, 273–275, и др.).

казачьим головой И.М. Ушаковым, о верхотурском дьяке О. Иванове, томском воеводе князя Г.С. Волконском). Внесенные книжниками более или менее значительные дополнения либо уточнения касаются судеб администраторов едва ли не всех городов и острогов. Это наводит на мысль, что источниками подобных сведений стали документы тобольской приказной палаты. Недаром в МР и ГР приводятся отсутствующие в КЗ фамилии енисейских письменных голов Онаньина и Старово, определенный воеводой в Нарым В.Б. Бухвостов назван не только стольником, но и полковником, стрелецким головой, говорится о предписании князю И.П. Гагарину до «перемены» в Якутске Ф.И. Бибикова находиться в Илимском остроге, о воеводстве Г.В. Ларионова в Красноярске, а И.О. Власова – «на Селенге», о «посылках» в нерчинские остроги вслед за А.Ф. Пашковым Л.Б. Толбузина, Д.Д. Аршинского, П.Я. Шульгина, о тарских воеводах С.В. Кузьмине-Короваеве и Я.И. Старкове, березовском воеводе князе М.В. Белосельском, о верхотурских подьячих И.И. Недовескове и И. Селетцыне, томском письменном голове Н. Жабринине, енисейском голове Б. Балкошине, о замене в Томске А.А. Молвянинова И.Н. Бунаковым. В проанализированных редакциях свода допущено немало ошибок или описок вследствие невнимательности переписчиков либо наличия лакун в имевшихся в их распоряжении рукописях. Выявленные формы редактирования СЛС представляются немаловажными для понимания путей эволюции книжной культуры Сибири конца XVII столетия.

Литература

Александров В.А., Покровский Н.Н. 1991. Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск: Наука, СО.

Вершинин Е.В. 1998. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург: Муниципальный учебно-методический центр «Развивающее обучение».

Веселовский С.Б. 1975. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. Москва: Наука.

Дворецкая Н.А. 1984. Сибирский летописный свод (вторая половина XVII в.). Новосибирск: Наука, СО.

Древний город на Оби: История Сургута. 1994. Екатеринбург: Тезис.

КР. Т. 1. 1853. Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.

КР. Т. 2. 1855. Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.

Миллер Г.Ф. 1999. История Сибири. Т. 1. 2-е изд., доп. Москва: Восточная литература РАН.

Миллер Г.Ф. 2000. История Сибири. Т. 2. 2-е изд., доп. Москва: Восточная литература РАН.

Миллер Г.Ф. 2005. История Сибири. Т. 3. Москва: Восточная литература РАН.

Обозрение. б. г. Ч. 2. Москва: Университетская типография.

Обозрение. 1900. Ч. 3. Москва: б. и.

ПСРЛ. Т. 36. 1987. Москва: Наука.

РК. Т. 2. Вып. 2. 1976. Москва: б. и.

Разрядная книга 1475–1598 гг. 1966. Москва: Наука.

Ромодановская Е.К. 2006. Тобольская летопись и Сибирский архив // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 57. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 312–320.

Семенов О.В. 2011. Приказное руководство Самаровского и Демьянского ямов в XVII веке // Мининские чтения: Сборник научных трудов по истории Восточной Европы в XI–XVII вв. Нижний Новгород: Кварц, 384–397.

Солодкин Я.Г. 2016. Сибирский летописный свод по списку Г.Ф. Миллера – вид или редакция памятника? // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Т. 64. Серия «Социально-гуманитарные науки». № 3, 58–62.

Список сокращений

ГР – Головинская редакция

КЗ – Книга записная

КР – Книги разрядные по официальным оных спискам, изданные с Высочайшего соизволения II-м Отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии

МР – Миллеровская редакция

НР – Нарышкинская редакция

Обозрение – Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.) / Сост. Н.Н. Оглоблин

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

РК – Разрядная книга 1550–1636 гг.

РТВ – Роспись томских воевод

СЛС – Сибирский летописный свод

СО – Сибирское отделение

Глава 3

ЦЕРКОВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НА ТОБОЛЬСКОМ СЕВЕРЕ В XIX – НАЧАЛЕ XX вв.: ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

Аннотация. В статье раскрываются проблемы источниковедения деятельности органов церковного управления на территории Тобольского Севера в XIX – начале XX вв. Главное внимание уделяется проблемам функционирования и взаимодействия отдельных элементов системы управления на различных уровнях: епархиальном, окружном, приходском.

Ключевые слова: Тобольский Север, церковное управление, источники, консистория, журналы, рапорты, переписка, указы.

На территории Тобольского Севера в системе государственного управления важную роль играли институты Русской Православной церкви (далее – РПЦ), являвшиеся также и проводниками воздействия российской цивилизации на культуру, социальную сферу, повседневную жизнь и быт коренного населения региона.

Создание и успешное функционирование административных структур РПЦ в синодальный период обуславливалось в значительной степени политикой светской власти, направленной на постепенное встраивание церкви в систему государственных учреждений. Поэтому изучение системы епархиального управления способствует пониманию как механизма работы государственного аппарата в целом, так и особенностей взаимодействия его отдельных частей между собой. Без анализа структуры данных учреждений, истории их создания и специфики деятельности, оценки эффективности и результатов работы сложно понять как систему управления регионом в целом, так и трансформационные процессы, проходившие в нашей стране в XIX – начале XX вв. Применительно к Тобольскому Северу важной, но в то же время недостаточно изученной темой является организация церковно-административного управления на уровне благочиния и прихода, влияния епархиальной власти на функционирование низшего

звена церковного управления. Источники по данной теме можно объединить в несколько основных групп.

Для синодальной эпохи характерна подробная регламентация церковного устройства и епархиального управления, что нашло отражение в материалах законодательства. Только за вторую половину XVIII – первую половину XIX вв. принимается более 650 законов, регулирующих как внутрицерковную жизнь, определяющих место церкви в государстве и обществе.

Среди законодательных актов особое место занимает «Духовный регламент» 1721 г., согласно которому на архиерея возлагался контроль за деятельностью подчиненных ему духовных правлений и других подведомственных учреждений (ПСЗРИ-1. 3718, 1952). Регулирующее значение регламент сохранял вплоть до конца синодального периода, хотя в него и вносились определенные изменения. Так, в 1797 г. синодальный указ отменил прежде действующие правила Духовного регламента о «заручных выборах» на настоятельские должности. Прошение архиерею об определении на церковные места мог подавать только сам «желающий поступить в священно- церковнослужительский чин» (Доброклонский 2009: 1892).

Не менее значимым законодательным актом является «Устав духовных консисторий», введенный в 1838 г. и утвержденный с исправлениями и дополнениями три года спустя. Это важнейший источник для изучения структуры церковного управления. Он, как отмечал И.К. Смолич, «составил юридическую основу епархиального управления в течение всего последующего периода вплоть до 1917 года» (Смолич 1996: 42). В 1883 г. «Устав духовных консисторий» был издан в измененной редакции, что, по мнению С.И. Алексеевой, повышало эффективность и самостоятельность аппарата консистории (Алексеева 2003: 77). Согласно «Уставу», консистория совместно с архиереем наблюдала за состоянием паствы и соблюдением духовенством своих обязанностей, собирала сведения и составляла справки о лицах, желающих занять священно- и церковнослужительские места (Устав... 1883: 30).

Полномочия органов церковной власти определялись и нормировались также высочайшими повелениями, мнениями Государственного совета, циркулярными указами, высочайше утвержденными инструкциями и другими законодательными актами,

включенными в «Полные Собрания законов Российской империи». Среди них, в частности, следует назвать «Инструкцию благочинным церквей» (1858 г.), «Инструкцию церковным старостам» (1808 и 1890 гг.), «Инструкцию настоятелям церквей» (1901 г.), «Положение о приходских попечительствах» (1864 г.) и др.

В частности, согласно «Инструкции настоятелям церквей», настоятель пользовался «некоторыми особыми правами» по отношению к низшим членам причта и другим лицам, подведомственным церкви: «просфорне и служащим при церкви и домах церковных, есть ближайший и непосредственный начальник и по отношению к заштатным священно- и церковнослужителям, вдовами и сиротам, церковью призреваемым, попечитель и наблюдатель» (Инструкции... 1913: 1). Однако на Тобольском Севере с его немногочисленным населением в непосредственном подчинении настоятеля, как правило, находился лишь один псаломщик, просфорня (обычно – жена священника или псаломщика), трапезник, иногда церковный сторож. Вышедшее за штат духовенство предпочитало выезжать за пределы региона. Было признано «считать неудобным», если священник и псаломщик являются отцом и сыном, поэтому последнего обычно переводили в другой приход. Причт обязан был выполнять распоряжения настоятеля «под опасением за неисполнение законной ответственности». Священник также разбирал конфликты, в которые оказывались вовлечены низшие члены причта.

В систематизированном, удобном для использования виде касающиеся всех звеньев церковного управления действующие законодательные акты были изданы Т. Барсовым (Сборник... 1885). С определениями, указами Св. Синода можно также ознакомиться на страницах «Тобольских епархиальных ведомостей» (см., например: О разрешении... 1882: 159–160; Указы Его Императорского Величества... 1887: 43–51 и др.).

В целом эта группа источников позволяет установить как саму структуру церковного управления, так и основные параметры, в рамках которых действовали основные учреждения и должностные лица.

Следующая, и наиболее значимая для раскрытия темы группа источников – делопроизводственная документация – сосредоточена преимущественно в двух архивах: ГБУТО ГА в г. Тобольске

и РГИА. Рассматриваемые документы появились в процессе делопроизводства ряда церковных учреждений: духовной консистории, духовных правлений, благочиний, приходов. Их содержание помогает лучше понять общие принципы их взаимоотношений друг с другом, а также многие особенности функционирования.

В конце XIX – начале XX вв. к числу «присутственных мест» – адресатов рассылки исходящей документации – относились *Тобольский епархиальный училищный совет и его уездные отделения; духовные учебные заведения: Тобольская духовная семинария, мужские епархиальные училища в Тобольске и Кургане, Тобольское епархиальное женское училище; Тобольское епархиальное попечительство о бедных духовного звания, при нем Касса взаимной помощи духовенства; Комиссия эмеритальной кассы; Комитет епархиального свечного завода; епархиальное Братство св. вмч. Дмитрия Солунского, типография и книжный склад при Братстве; Тобольский отдел Императорского Православного Палестинского общества; Комиссия Тобольского епархиального съезда духовенства; Тобольский комитет Православного миссионерского общества; Попечительство о нуждах Тобольского кафедрального собора; редакция Тобольских епархиальных ведомостей; настоятели и настоятельницы монастырей, благочинные; духовные миссии* (Дунин-Горкавич 1904: 13). Названные учреждения играли немаловажную роль в епархиальном управлении. Их деятельность прямо или косвенно была связана с системой церковных учреждений и духовенством Тобольского Севера.

В соответствии с функциональным предназначением делопроизводственную документацию можно разделить на несколько основных групп.

Большой интерес представляет комплекс *организационно-распорядительных* документов, исходящих непосредственно от Тобольской духовной консистории, которой принадлежало ключевое место в системе органов местного церковного администрирования. Как орган надзора консистория направляла рапорты и доношения в Св. Синод, духовным правлениям и «всем должностным лицам епархиального ведомства» давала указы и распоряжения (Устав... 1883: 154), в губернские присутственные места и

светские учреждения посылала сообщения (ст. 364) и получала от них отношения (Устав... 1883: 127).

Особенностью дореволюционного законодательства, как известно, являлось мелочное регулирование самых различных вопросов, в том числе относящихся к деятельности РПЦ. Поэтому многие организационно-распорядительные документы поступали в виде законодательных актов, утвержденных верховной властью: уставы, инструкции, правила и др. Как следствие, данная группа документации представлена ограниченным массивом, включающим уставы общественно-религиозных организаций (братств, попечительств), указы о назначениях, перемещениях и награждениях приходского духовенства, локальных административно-территориальных и организационных изменениях.

В качестве примера можно привести резолюцию епископа Афанасия (Протопопова) от 10 декабря 1840 г., утверждавшую предложение членов консистории об упразднении некогда самостоятельного Сургутского духовного правления, о передаче пяти приходов Сургутского благочиния (в то время Сургутский край составлял комиссарство Березовского уезда) под управление Березовского духовного правления. Указ о начале административных преобразований, поступивший из консистории в Березовское духовное правление, был разослан в приходы Сургутского края (ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 16. Д. 271. Л. 285–286). В данном случае епархиальная администрация, руководствуясь законодательными актами¹, добивалась совпадения границ округов с границами духовных правлений, чтобы иметь возможность в случае необходимости оперативно взаимодействовать с учреждениями гражданской администрации.

Протокольная документация включает преимущественно журналы заседаний ТДК, духовных правлений, попечительства о бедных духовного звания, епархиальных съездов духовенства, некоторых светских органов, например, Главного управления Западной Сибири (РГИА. Ф. 170. Оп. 4. Д. 289. Л. 2–22), и отражает ход обсуждения вопросов церковного управления на заседаниях коллегиальных учреждений.

¹ По Высочайшему указу от 16 октября 1799 г. границы епархий должны были соответствовать границам одноименных губерний.

В журналах ТДК¹ нередко почти полностью воспроизводились рапорты, поступавшие от благочинных, приходского духовенства, не сохранившиеся в подлинниках. Кроме того, часто приводятся биографические данные о различных священно- и церковнослужителях, чья деятельность разбиралась в консистории. Аналогичные сведения содержатся и в протоколах ТДК².

Духовное правление было коллегиальным учреждением, на заседаниях которого заслушивались присланные указы, распоряжения, доклады и сообщения его членов. К сожалению, журналы Березовского и Сургутского духовных правлений до настоящего времени не сохранились. Однако об их содержании можно судить по косвенным данным. По итогам обсуждения принимались соответствующие решения, касавшиеся вопросов, которые находились в компетенции правления. Об этом свидетельствуют формулировки исходящих документов некоторых приходов (см.: ГУТО ГА. Ф. И-704, И-716, И-189). Например, 11 января 1842 г. в сургутскую Троицкую церковь поступил указ Березовского духовного правления (далее – БДП) за подписью «второприсутствующего» священника И. Карпова, где отмечалось, что «слушав отзыв» своего члена, БДП считает необходимым напомнить о предоставлении ведомости о собранных в предыдущем году пожертвованиях, дабы ее «приобщить к прочим для общего отчета» и чтобы священно-, церковнослужители данную ведомость высылали ежегодно в декабре (ГУТО ГА. Ф. И-189. Оп. 1. Д. 17. Л. 10–11).

Одной из форм контроля за положением дел на местах, которую архиереи считали едва ли не одной из главных своих обязанностей, являлись инспекционные поездки по приходам, своего рода «обзоры епархии». По их результатам принимались меры по устранению обнаруженных недостатков – наказывались нерадивые, поощрялись наиболее энергичные и деятельные, выдавались разрешения на строительство и ремонт церквей, открывались новые приходы.

¹ Журналы сохранились за 1768–1771, 1792, 1795–1917 гг. См.: ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 14.

² Протоколы сохранились за 1798–1812, 1815–1817, 1842, 1845–1917 гг. См.: ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 13.

Во время инспекционных поездок составлялись путевые журналы, где излагались общие впечатления, наблюдения, выводы и пожелания епископа и сопровождавших его лиц. Владыка обращал внимание, в частности, на внешний вид церквей, характеризовал процесс строительства или переустройства храма, отмечал такие моменты, как обеспечение различными предметами, благоустройство сельского кладбища, выполнение служебных обязанностей членами причта, состояние церковного делопроизводства, приходской общины, нравственное поведение клириков и паствы, распространение и степень влияния нехристианских учений и старообрядчества, качество преподавания в церковно-приходских школах, знание Закона Божьего учащимися и многие другие.

Анализируя журналы, мы можем проследить отношения между епископом и подчиненным ему духовенством, охарактеризовать управленческий механизм. Нередко епархиальный архиерей давал оценки организационных и иных способностей священников, сообщал о предварительных наметках по назначению и перемещению членов причта. Однако некоторые параграфы журнала содержат лишь сухую статистику, формальное описание увиденного без какого-либо осмысления.

Наиболее информативным источником следует признать «Дневной дорожный журнал» епископа Варлаама (Успенского) за 1865–1866 гг., содержащий подробное описание поездки архипастыря: даты посещения населенных пунктов, сведения о проведенных богослужениях и молебнах, о ходе и результатах осмотров и ревизий церковного имущества и документации, оценки профессиональных качеств приходского духовенства (ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 788. Л. 122–123).

О том, что аналогичные источники создавались и ранее, свидетельствует А.И. Сулоцкий. По его сообщению, во время своего путешествия архиепископ Евгений (Казанцев) вел журнал, копия с которого из каждого города отправлялась в Св. Синод (Сулоцкий 2000: 245).

В дальнейшем подобного рода документы сменили «Путевые журналы», носившие, как правило, более формальный характер. В «Журналах» начала XX в. обращается внимание на общее состояние прихода и личные качества священно- и церковнослужителей, внешний облик храмов, приводится характеристика

практически каждого настоятеля обозреваемых церквей с «отметками о поведении и неисправности», наложении взысканий и поощрений и др. (ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 18. Д. 126. Л. 34–54).

Епархиальному архиерею вменялось в обязанность также посещение сельских церковно-приходских школ, поощрение наиболее ревностных в деле просвещения священников. Исчезает информация о поездке как таковой с бытовыми подробностями и хронологией происходивших в ее ходе событий.

«Путевые», как и «дневные дорожные», журналы предназначались для передачи в ТДК с целью принятия соответствующих мер для исправления обнаруженных упущений и недостатков.

В фонде ТДК ГУТО ГА в г. Тобольске сохранилось несколько дел об организации общепархиальных съездов духовенства Тобольской епархии за отдельные годы (1876, 1893 и др.), хотя единого делопроизводственного комплекса данного церковного учреждения сформировано не было (ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 1636, 1646, 1215).

Ценность источника состоит в наличии информации о порядке избрания депутатов, механизмах выработки управленческих решений, касавшихся преимущественно финансовых вопросов. Журнальные постановления общепархиальных съездов, переписка с консисторией относительно принятых решений и условий их реализации позволяют проследить степень общественной активности приходского духовенства, выявить степень участия в решении управленческих вопросов, уровень компетенции съезда в целом. Управление на Тобольском Севере данными съездами рассматривалось, как правило, в контексте двух вопросов: деятельность православных миссий и увеличение финансирования местных приходов.

В начале XX в. журналы епархиальных съездов духовенства Тобольской епархии стали регулярно публиковаться на страницах ТЕВ или отдельными брошюрами (см.: Общепархиальный... 1883; Журнальные... 1884; Журналы... 1887; Журналы... 1896; Журнал... 1899; Журнал... 1902; Журналы... 1911 и др.).

Большое значение имеет отчетная документация – полугодовые рапорты священников, благочинных, годовые епархиальные, по результатам инспекционных поездок архиереев и уполномоченных ими лиц. В частности, следует выделить подробные

полугодовые ведомости или рапорты благочинных «О благосостоянии церквей и приходов», поступавшие на имя епархиального архиерея и отложившиеся в фонде ТДК (см., напр.: ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 1523. Л. 333–336 об).

В июле и январе каждого года благочинные доносили о состоянии вверенных их попечению приходских общин. Тобольские архиереи были заинтересованы в своевременной и обстоятельной информации от благочинных округов, по которой формировалось определенное представление об их нуждах, «потребностях и недостатках», что впоследствии находило отражение в «донесении Преосвященного о состоянии епархии» Св. Синоду (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1698; Циркулярные указы 1913: 74–79; ТЕВ. 1892: 74). Через официальный отдел ТЕВ консистория напоминала благочинным о скорейшем предоставлении отчетных сведений (От Тобольской... 1916: 27).

Документ состоит, как правило, из нескольких частей. Первая посвящена характеристике приходских церквей. Для каждой из них приведены название, количество престолов, численность причта по штату и фактическая, численность прихожан мужского и женского пола, расстояние до центра благочиния. Далее речь идет о состоянии внутреннего убранства и внешнего вида отдельных церквей – характеризуются выявленные в ходе инспекционных поездок недостатки и указываются меры, принимаемые для их исправления. Следующий раздел рапортов содержит информацию о приходском духовенстве. Благочинные также отмечали, насколько часто посещаются инородческие юрты (если таковые имеются), сколько функционирует церковно-приходских школ и каков в них уровень преподавания. Здесь же указывались проступки духовенства, недочеты в ведении приходской документации.

Третий раздел рапорта (иногда он объединяется со вторым) посвящен пастве – ее численности, религиозно-нравственному состоянию; упоминаются крупные пожертвования прихожан на нужды церкви.

Данные документы могут представлять интерес и замечаниями, пометами, которые иногда делал на полях или в самом тексте епархиальный архиерей. Заметки могли касаться поощрения или наказания священно- и церковнослужителей, упомянутых

в рапорте, содержать требования устранить «нестроения» приходской жизни – отремонтировать храм, привести в надлежащий вид церковную утварь и т.п.

Несомненный интерес для изучения церковного управления представляют *рапорты приходских священников*. Они составлялись на имя благочинных каждые полгода примерно по такой же форме, по какой сами благочинные отчитывались перед епархиальным архиереем. Священник обязательно сообщал обо всех своих поездках по приходу в течение отчетного периода, о происходивших во время этих поездок встречах с прихожанами, об их религиозно-нравственном состоянии, необычных событиях и т.п. Эти документы ярко свидетельствуют о формах и методах работы приходского духовенства среди крестьян и новообращенных аборигенов.

Главной проблемой является то обстоятельство, что полугодовые рапорты как благочинных, так и приходских священников сохранились в незначительном количестве и только за отдельные промежутки времени. Часть рапортов находится в настоящее время в фондах благочиний. Следует отметить, что в ГУТО ГА в г. Тобольске имеется 50 дел по фондам всего лишь четырех из 30 благочиний Тобольской епархии, в том числе – Сургутского (Ф. И-191), 3-го Березовских градских и окружных церквей (Ф. И-708).

Интерес при раскрытии темы представляют ежегодные отчеты тобольских епархиальных архиереев, сохранившиеся с 1880-х по 1916 гг. Этот исторический источник можно обнаружить в фонде канцелярии Синода (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1422, 1592, 1646, 1698, 1751, 1809, 1869, 1927, 2001, 2061, 2120, 2180, 2361, 2488, 2736 и др.).

Конечно, архиерейские отчеты во многом являются вторичным источником по отношению к вышеперечисленной документации тех учреждений, которые предоставляли сведения в ТДК. Но, во-первых, отчеты правящих архиереев восполняют те лакуны, которые существуют при утрате первичных документов. Во-вторых, они были написаны от первого лица – епархиального архиерея, что требовало от него изложения собственного видения сложившейся в епархии ситуации, подробностей о «достойных

внимания» или новых событиях, формулировок предложений по решению возникающих проблем.

Отчеты включают 10 разделов. Их унификация оставляла очень мало места для характеристики отдельных районов епархии. Поэтому сведения о приходах Тобольского Севера, как правило, носят фрагментарный характер и чаще встречаются в разделах «Обозрение епархии», «Паства», «Духовенство».

В частности, в разделе «Духовенство» внимание обращается на особые условия благочиннического надзора, связанного с обширностью церковных округов, разбросанностью малочисленных инородческих селений, неразвитостью путей сообщения. Соответственно называются меры, предпринимаемые епархиальной властью для того, чтобы облегчить исполнение духовенством возложенных на него задач. Так, в одном из годовых отчетов епископ Антоний (Каржавин), отмечая все тяготы поездок благочинных Березовского, Сургутского уездов, пришел к выводу, что «если бы о.о. (отцы. – *О.Ц.*) благочинные этих уездов точно исполняли требование Инструкции¹ о двух кратности в год посещения всех приходов, то им почти все время пришлось бы быть в разъезде» (РГИА. 796. Оп. 442. Д. 2361). Поэтому преосвященный ограничил обязанности благочинного одной поездкой.

Этими же объективными причинами в отчетах объясняются «медленность исполнения распоряжений епархиальной власти» (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2362). Здесь же приводятся сведения о назначениях и перемещениях благочинных, отмечаются «особенно усердные и исправные».

Вопросы управления противоязыческими миссиями отражены в разделе «Паства», где приводятся оценки деятельности Обдорской и Сургутской (до 1897 г.) миссий. Авторы также говорят о «большом влиянии» и авторитете духовенства среди коренного населения Тобольского Севера (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2180. Л. 2).

В разделе «Обозрение епархии» указываются меры, предпринимаемые епархиальной властью для благоустройства храмов и причтовых построек: «В уездах Березовском и Сургутском жители приглашаются мною к устройству теплых молитвенных домов,

¹ Инструкция благочинным Тобольской епархии, составленная консistorией в 1888 г., состояла из 22 пунктов.

с пристройкой к ним алтарей, дабы удобно было совершать в них Божественную Литургию на переносных престолах. Кроме того, по моему поручению, для облегчения постройки таких молитвенных домов Епархиальным Архиереем составлены примерные их чертежи и строительные сметы...», – отмечалось в отчете преосвященного Антония за 1902 г. (РГИА. Ф. 796. Оп. 440. Д. 1210. Л. 9 об.).

Недостатком отчетов является то, что данные в них приведены суммарно. Поэтому трудно составить достаточно полное представление о положении дел на территории отдельных административных единиц, входивших в состав епархии. Приводимые оценки и характеристики часто поверхностны или же слишком лапидарны. Некоторые части разделов или даже целые разделы заполнялись формально, по шаблону. Поэтому отдельные предложения, абзацы дословно повторяются в отчетах на протяжении многих лет. Несмотря на наличие важной статистической информации, интересных примеров и характеристик данный вид документов нельзя признать в полной мере объективным источником. Авторы старались подчеркнуть, что ими делалось все необходимое для организации эффективного управления подведомственной епархии. Тем не менее, отчеты являются весьма важным и интересным источником по истории РПЦ в Тобольской епархии во второй половине XIX – начале XX вв.

Большой массив разнообразной информации (в первую очередь статистической) содержится в различного рода *епархиальных справочных изданиях* (Расписание...; Тобольский епархиальный адрес-календарь... 1884; 1895; 1897; 1901; 1903; Справочная книга... 1908; 1913).

Справочники данного типа выпускались, начиная с 60-х гг. XIX в., практически во всех епархиях РПЦ по стандартному образцу. В качестве примера можно привести «Справочную книгу по Тобольской епархии на 1908 год». Она включает 4 отдела и многочисленные приложения. В третьем отделе (напечатанном в виде таблицы) приводятся списки благочинных, сведения о церквях, причтах, приходах по уездам епархии, а также единоверческими церквям, монастырям. О каждом из приходов сообщается краткая информация: название, время постройки, наличие земли, штаты, состав причта (возраст, уровень образования, награды),

жалованье, получаемое из казны и из других источников, численность прихожан мужского и женского пола, расстояние до ближайшей церкви, благочиния, уездного города, духовной консистории. Четвертый отдел включает список церковно-приходских школ и школ грамоты. Приложения интересны различной руководящей документацией, к которой относятся инструкции настоятелям церквей, церковным старостам, правила ведения приходно-расходных книг, положения о приходских попечительствах, правила «о местных средствах содержания православного приходского духовенства и о разделе этих средств между членами причтов», распоряжения епархиального начальства об участии благочинных в епархиальных съездах, уставы православных общественно-религиозных организаций и др.

На основании подобных справочников можно составить представление о границах административно-территориальных единиц РПЦ (епархия, благочиние, приход), составе духовенства епархии в определенный временной срез, что удобно для различных статистических подсчетов, выяснения динамики численности духовенства и прихожан, учебных заведений, подчиненных духовному ведомству, уровне материальной обеспеченности причта и др.

Следующая группа объединяет делопроизводственную документацию, содержащую *характеристики должностных лиц*. К их числу следует отнести формулярные списки, а также данные клировых ведомостей.

В фондах ТДК, некоторых церквей (всего же в ГУТО ГА в г. Тобольске содержатся фонды 2-х соборов и 53 церквей) хранятся клировые ведомости, включающие обобщающую информацию о приходе. Они составлялись ежегодно священниками и должны были отсылаться благочинному не позднее 15 января следующего года. Клировые ведомости состояли из трех отдельных частей – ведомости о церкви, о причте, о прихожанах. Единая стандартная форма документа, его ежегодное заполнение делают клировые ведомости ценным источником по изучению приходского духовенства. В соответствующем разделе ведомости приводятся достаточно подробные сведения о происхождении, возрасте, служебных перемещениях, наградах и взысканиях всех членов причта. Некоторые из клировых ведомостей уже

опубликованы (см.: Западная Сибирь... 1998: 157–176; Православные приходы... 2004: 342–348, 388–390).

Самой многочисленной группой документов является *переписка*. В частности, следует выделить документы, связанные с подготовкой и ходом архиерейских поездок. Духовная консистория обменивалась информацией, с одной стороны, с канцелярией обер-прокурора, с другой – с духовными правлениями и благочинными. В вышестоящие учреждения отправлялись уведомления об отъезде и приезде владыки в епархиальный центр, о размере потраченных сумм. О предстоящем прибытии архиерея в Березов, Сургут и Кондинский Свято-Троицкий монастырь информировались местные благочинные, сообщавшие впоследствии о подготовительных мероприятиях к приему инспекции. Велась соответствующая переписка и со светскими властями: губернатором, земскими заседателями, казенной палатой (см., напр.: ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 788. Л. 24–26, 44–45, 61, 81). Вопросы, связанные с планированием и финансированием поездки, обсуждались в ТДК. Изучение переписки между консисторией и казенной палатой позволяет утверждать, что решение финансовых вопросов служебной командировки возлагалось на ключаря кафедрального собора. Так, сопровождавшему епископа Евсевия (Гроздова) в Сургутский уезд протоиерею Е. Фениксову предписывалось «выдать прогонных денег под расписку 1137 руб. 60 коп., особую тетрадь для записи приходно-расходных денег по поездке для обозрения церквей» (см., напр.: ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 18. Д. 795. Л. 140 об.). Протоиерей, руководствуясь Уставом Духовной Консистории (ст. 332) и определенной Св. Синодом сметой о «прогонном кредите» (п. 3, ст. 1), Высочайшим указом от 14 апреля 1841 г. (Сборник... 1885: 101–112), вносил в «шнуровую книгу» данные о пройденном пути, расходе указанной суммы, в случае передвижения на лошадях – предоставлял расписки ямщиков о полученном вознаграждении (ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 776. Л. 10).

Часть переписки ТДК и духовных правлений, благочинных связана с заполнением вакансий в приходах и других епархиальных учреждениях. Прощения потенциальных кандидатов и резолюции на них преосвященных дают возможность анализировать факторы, определяющие мотивы назначений и перемещений на

священно- и церковнослужительские места. Например, причиной перевода звонаря Тобольского Софийско-Успенского собора В. Попова в 1821 г. в штат канцелярских служащих БДП в 1827 г. стала необходимость быть рядом с престарелой матерью – вдовой (ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 9. Д. 429. Л. 1–3 об.).

Ряд дел, хранящихся в фонде ТДК, посвящен истории возведения отдельных церквей и часовен: это переписка между благочинным и консисторией по вопросам выделения или поиска средств на строительство, наем подрядчика, приобретения и доставки необходимого материала, акты осмотра возведенного храма и др. Все перечисленные вопросы находились в ведении приходского священника, который обязывался принимать соответствующие управленческие решения, с тем чтобы храм был построен и начал действовать в установленные сроки.

Огромное значение для изучения рассматриваемой проблемы имеют *материалы периодической печати*, прежде всего, «Тобольских епархиальных ведомостей». Это выходившее раз в две недели издание, появившееся в 1882 г., содержит богатейший материал по самым различным сторонам жизни РПЦ в Зауралье в целом и о системе управления в частности. Издание делилось на «официальную» и «неофициальную» части. В первой помещались законодательные акты, важнейшие решения епархиальной власти, отчеты ряда церковных учреждений: высочайшие манифесты, указы и распоряжения гражданского правительства, указы Св. Синода по епархиальному ведомству и духовно-учебной части, сведения о наличии вакантных мест в приходах епархии, о назначениях, перемещениях, награждениях священно- и церковнослужителей, отчеты о деятельности Тобольского комитета православного миссионерского общества, епархиального попечительства о бедных духовного звания, о состоянии духовных училищ. Например, в двух номерах за 1897 г. публиковались объявления о наличии «праздной вакансии» в Обдорской миссии, описывались условия, в которых должен был служить потенциальный кандидат: размеры доходов и их источники, наличие квартиры и др. (От Тобольской... 1897: 51–52).

Не меньший интерес представляет «неофициальный» отдел, материалами которого отчасти восполняется недостаток источников личного происхождения. С 1894 г. путевые заметки

сопровождавших во время инспекций архиерея лиц стали публиковаться на страницах «Тобольских епархиальных ведомостей» (см., напр.: Прот. М. Л-ф. 1896; Тутолмин 1911; Поездка... 1911; Макаров 1915).

В этом случае описание поездки подвергалось литературной обработке, нередко носило характер путевых бытовых и этнографических зарисовок, включало иногда даже отрывки из поучений епископа, произнесенных при встречах с прихожанами. От путевых журналов их отличает более свободная форма изложения, а также стремление автора «сгладить углы», избежать каких-либо критических замечаний в адрес приходского духовенства, по видимому, чтобы не поставить под сомнение его квалификацию и морально-нравственный авторитет.

Уточнению датировки перемещений владыки по епархии способствуют помещенные в ТЕВ официальные объявления, расписания «Служений Архипастыря», в том числе сообщавшие о времени и месте проведения молебнов, божественных литургий и всенощных бдений в населенных пунктах Обского Севера (см.: Епархиальные известия 1910: 193–195).

Своеобразные «хроники» повседневной деятельности приходского духовенства также изредка находили отражение в официальном издании епархиальных властей. Иногда авторы из числа духовенства пытались составить аналитический обзор религиозно-нравственного состояния прихожан, выяснить причины «оскудения духовной стороны инородцев», предложить систему мер по улучшению их религиозного быта (см., напр.: Голошубин 1895; Соколов 1909; Козлов 1911).

Однако в первую очередь данные материалы представляют интерес непосредственными наблюдениями очевидцев, на протяжении ряда лет участвовавших в повседневной жизни северных приходов. С достаточной степенью регулярности появлялись очерки, заметки, отчеты, связанные с деятельностью противоязыческих миссий, прежде всего Обдорской (см., напр.: П.Н.С. 1897).

Еще одним жанром источников являются биографические жизнеописания, изложенные в материалах, посвященных юбилеям священнослужителей, и некрологи (см., напр.: Боголепов 1885).

Из других изданий, на страницах которых можно найти данные об отдельных элементах системы церковного управления на Тобольском Севере, следует указать материалы, публиковавшиеся в журнале «Миссионер» (см., напр.: Миссионерское путешествие... 1875; Сургутская православная миссия... 1875).

Следующая группа – источники личного происхождения. Это в первую очередь дневники И.С. Шемановского – настоятеля Обдорской миссии, по инициативе которого было создано Обдорское миссионерское Братство во имя св. Гурия. Результатом обработки полученных в ходе многолетней службы впечатлений явилась серия дневниковых очерков (Иринарх 1903; 1905, и др.), изданных в «Православном благовестнике» в 1903–1905 гг.¹ Позднее, в 1907–1911 гг. в том же журнале вышли путевые заметки «В дебрях крайнего северо-запада Сибири». В очерках и заметках И.С. Шемановский делится своими наблюдениями за жизнью «инородцев» Обдорского края, рассказывает о повседневной деятельности священника-миссионера.

Все охарактеризованные источники позволяют осветить со значительной полнотой многие стороны организации церковного управления на севере Тобольской епархии в рассматриваемый период, прежде всего, формы и методы функционирования различных элементов этого управления, их эволюцию и порядок взаимодействия друг с другом.

Литература

Алексеева С.И. 2003. Святейший Синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России 1856–1904 гг. Санкт-Петербург: Наука.

Боголепов М. 1885. Пятидесятилетний юбилей службы в священном сане // ТЕВ. Отд. неофиц. 1, 12–22.

ГАТомО. Ф. Ф-170. Оп. 4. Д. 289.

Голошубин И., свящ. 1895. От Березова до Обдорска (Из путевых записок бывшего благочинного церковью Березовского округа) // ТЕВ. Отд. неофиц. 3, 42–47; 5, 90–95.

¹ Журнал «Православный благовестник» издавался в Москве с 1893 по 1917 гг.

ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 9. Д. 429; Оп. 11. Д. 776, 788, 1636, 1646, 1215, 1646, 1215, 1523; Оп. 16. Д. 271; Оп. 18. Д. 126, 795; Ф. И-189. Оп. 1. Д. 17.

Доброклонский А.П. 2009. Руководство по истории Русской церкви // История Русской церкви: классические исследования. [Электрон. ресурс]. Директмедиа паблишинг. CD-ROM.

Дунин-Горкавич А.А. 1904. Справочная книжка Тобольской губернии на 1904 год. Тобольск: Губернская тип.

Журналы епархиального съезда депутатов от духовенства и церковных старост Тобольской епархии 1910 года. 1911. Тобольск: Тип. епарх. Братства.

Журнал Тобольского общеeparхиального съезда духовенства. 1899 // ТЕВ. Отд. офиц. 4, 59–73.

Журналы общеeparхиального съезда духовенства Тобольской епархии. 1896 // ТЕВ. Отд. офиц. 20, 232–237; 21, 244–260; 22, 272–284.

Журнал Тобольского епархиального съезда духовенства 1901 года. 1902 // ТЕВ. Отд. офиц. 4, 41–71; 6, 114–123.

Журналы общеeparхиального съезда духовенства Тобольской епархии, бывшего в декабре 1887 г. 1888 // ТЕВ. Отд. офиц. 1–2, 6–18; 3–4, 29–40; 5–6, 51–61.

Журнальные постановления общеeparхиального съезда. 1884 // ТЕВ. 1884. Отд. офиц. 8, 60–65.

Западная Сибирь: история и современность: Краеведческие записки. 1998. Нижневартовск: ЦГБ. Вып. 1, 157–176.

Епархиальные известия. 1910 // ТЕВ. Отд. офиц. 17, 193–195.

Из клировых ведомостей. 1998 // Западная Сибирь: история и современность: Краеведческие записки. Нижневартовск: ЦГБ, 157–176.

Инструкция благочинному церковей. 1885 // Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного исповедания / Сост. Т. Барсов. Т. 1. Санкт-Петербург. Приложение к ст. 653. С. XLVIII–LXI.

Инструкции настоятелям церковей. 1913 // Справочная книга Тобольской епархии на 1913. Тобольск: Тип. епарх. Братства, 1–6.

Инструкции церковным старостам. 1913 // Справочная книга Тобольской епархии на 1913. Тобольск: Тип. епарх. Братства, 6–15.

Иринарх, иер. 1903. Из Обдорской миссии // Православный благовестник 1, 22–25.

Иринарх, иер. 1905. Из Обдорской миссии // Православный благовестник 10, 73–77.

Козлов З. 1911. Об инородческом севере // ТЕВ. Отд. неофиц. 6, 123–127.

Козлов З. 2007. Описание прихода села Чемашевского Березовского уезда, составленное священником Зосимой Козловым // Подорожник: краеведческий альманах 8 / Ред.-сост. В.К. Белобородов. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 48–53.

Макаров М., *свящ.* 1915. Посещение Его Преосвященством, Преосвященным Варнавою, Епископом Тобольским и Сибирским Северного края // ТЕВ. Отд. неофиц. 36, 549–551; 38, 577–578; 46–47, 749–751.

Миссионерское путешествие преосвященного Ефрема, епископа Березовского в 1873 году. 1875 // Миссионер (еженедельное издание Православного миссионерского общества) 22, 172–174.

О разрешении Св. Синодом рукоположения в священники не окончивших курс в духовных семинариях. 1882 // ТЕВ. Отд. офиц. 14, 159–160.

Общепархиальный съезд духовенства в г. Тобольске в декабре 1883 г. 1884 // ТЕВ. Отд. неофиц. 5, 100–114; 6, 123–139.

От Тобольской духовной консистории. 1916 // ТЕВ. Отд. офиц. 3, 27.

От Тобольской духовной консистории о праздной вакансии миссионера в Обдорской миссии. 1897 // ТЕВ. Отд. офиц. 1–2, 6; Отд. офиц. 3, 51–52.

Поездка его Преосвященства, Преосвященнейшего Евсевия, Епископа Тобольского и Сибирского, для обозрения церковей Сургутского и Тобольского уездов. 1911 // ТЕВ. Отд. неофиц. 21, 487–495.

Положение о приходских попечительствах при православных церквях. 1913 // Справочная книга Тобольской епархии на 1913. Тобольск: Тип. епарх. Братства, 25–31.

П.Н.С. Двадцатипятилетие Тобольского епархиального комитета Православного Миссионерского Общества. 1897 // ТЕВ. Отд. неофиц. 7, 111–131.

Православные приходы Березовского края в XIX – начале XX века (материалы по истории местных сообществ Азиатской России). 2004 / Сост., вступ. ст. и коммент. С.В. Турова. Тюмень: «Вектор Бук».

Прот. М. Л-ф. 1896. Поездка Преосвященного Агафангела в г. Сургут и далее по рр. Ваху и Югану // ТЕВ. Отд. неофиц. 17, 391–395; 18, 417–420; 19, 443–447; 20, 453–457.

ПСЗРИ-1. № 3718.

ПСЗРИ-2. № 1952.

РГИА. Ф. 796. Оп. 440. Д. 1210; Оп. 442. Д. 1422, 1592, 1646, 1698, 1751, 1809, 1869, 1927, 2001, 2061, 2120, 2180, 2361, 2362, 2488, 2736.

Расписание городских и сельских приходов, церковей и причтов Тобольской епархии. Б. м., б. г.

Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного исповедания 1885 / Сост. Т. Барсов. Санкт-Петербург. Т. 1. 664 + CLXXVIII с.

Смолич И.К. 1996. История Русской Церкви. 1700–1917. Кн. XVIII. Ч. I. Москва: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря.

Соколов А. 1909. Краткая характеристика инородческого прихода в Низовом крае // ТЕВ. Отд. неофиц. 6, 427–433.

Справочная книга по Tobольской епархии на 1908 год. 1908. Tobольск: Тип. епарх. Братства.

Справочная книга по Tobольской епархии к 1 сентября 1913 года. 1913. Tobольск: Тип. епарх. Братства.

Сулоцкий А.И. 2000. Сочинение: В 3 т. / Под ред. В.А. Чупина. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики. Т. 2: О сибирском духовенстве.

Сургутская православная миссия, Tobольской епархии, в 1873 году. 1875 // Миссионер. 6, 44–46.

Tobольский епархиальный адрес-календарь. 1884. Tobольск: Изд-во Tobольского епарх. Братства.

Tobольский епархиальный адрес-календарь, изданный по распоряжению Tobольского епархиального начальства, на 1895 г. 1895. Tobольск: Изд-во Tobольского епарх. Братства.

Tobольский епархиальный адрес-календарь на 1897 год. 1897. Tobольск: Изд-во Tobольского епарх. Братства.

Tobольский епархиальный адрес-календарь на 1901 год. 1901. Tobольск: Изд-во Tobольского епарх. Братства.

Tobольский епархиальный адрес-календарь на 1903 год. 1903. Tobольск: Изд-во Tobольского епарх. Братства.

Тутолмин Г. Третья поездка для обозрения церковей Преосвященнейшего Евсевия, епископа Tobольского и Сибирского (с 25 янв. по 10 фев. 1911 г.). 1911 // ТЕВ. Отд. неофиц. 12, 253–273; 13, 281–285; 14, 289–299.

Указы Его Императорского Величества, Самодержца всероссийского, из Святейшего правительствующего Синода. 1887 // ТЕВ. Отд. офиц. 5–6, 43–51.

Устав духовных консисторий. 1883. Санкт-Петербург: Синодальная типография.

Циркулярные указы и распоряжения, собранные П.С. Антоновым и изданные под ред. секретаря Томской Духовной Консистории за 16 лет (с 1898 по 1 ноября 1913 г.). 1913. Томск: Т-во «Печатня С.П. Яковлева».

Список сокращений

- БДП – Березовское духовное правление
ГАТомО – Государственный архив Томской области
ГУТО ГА в г. Тобольске – Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»
ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи
РГИА – Российский государственный исторический архив
РПЦ – Русская Православная церковь
ТДК – Тобольская духовная консистория
ТЕВ – Тобольские епархиальные ведомости

Глава 4

ДОКУМЕНТИРОВАНИЕ НАГРАЖДЕНИЯ ОРДЕНАМИ СЛУЖАЩИХ ДУХОВНЫХ КОНСИСТОРИЙ (НА МАТЕРИАЛАХ ТОБОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ)

Аннотация. В главе раскрываются особенности наградной системы Русской Православной церкви на примере поощрения орденами служащих духовных консисторий. Рассматриваются документы, сопровождавшие процесс награждения служащих в Тобольской духовной консистории, хранящиеся в Государственном архиве Тюменской области в г. Тобольске. Архивные материалы дают возможность проследить процедуру награждения от фиксации в журнале консистории записи о решении по поводу поощрения столоначальников, подачи епархиальным начальством представлений обер-прокурору на каждого кандидата до квитанции об уплате взноса за выданный орден.

Ключевые слова: Русская Православная церковь, ее наградная система, Тобольская епархия, Тобольская духовная консистория, ее служители, ордена св. Станислава и св. Анны.

В последние годы с заметным повышением роли Русской Православной церкви (далее – РПЦ) в общественной жизни нашей страны значительно возрос научный интерес к проблеме статуса православного духовенства в Российской империи, когда после коренной церковной реформы в истории РПЦ наступил синодальный период (1700–1917 гг.), характеризовавшийся тесным сближением государственных и церковных структур. Ученые указывают на возникновение и в настоящее время подобного сближения, поощряемого властью и частью российского общества.

РПЦ имеет свою собственную наградную систему, которую активно использует для поощрения не только духовных, но и светских лиц, оказывающих разнообразную поддержку церковным структурам. В то же время светская власть отмечает правительственными и ведомственными наградами священнослужителей, имеющих определенные заслуги в общественной жизни (прежде всего, в духовно-просветительской сфере), что, по мнению

А.Н. Лушина, повышает социальный статус православного духовенства и включает его в современную российскую элиту. Как утверждает исследователь, это соответствует отечественным историческим традициям, сложившимся еще в XVIII в. (Лушин 2013: 37).

Система наград, существовавшая в Российской империи, неоднократно рассматривалась в публикациях отечественных историков. Например, Т.Л. Курас, анализируя практику награждения орденами членов судебных палат в Российской империи, пришел к выводу о том, что ордена имели существенное значение и являлись наградой за тяжелый труд, а также одним из эффективных средств воздействия самодержавия на работу судебных палат. Можно считать, что такой вид поощрения являлся результативным средством влияния и на учреждения РПЦ (Курас 2010: 110–114). По мнению Е.В. Зубова, вторая половина XIX – начало XX вв. характеризовались формализацией процедуры представления к наградам, что стало следствием трактовки государственной службы как особого отношения между чиновником и государством. Верховная власть в это время стремилась упорядочить наградную практику, но добиться этого не удалось вследствие ведомственного характера организации управления и сосредоточения права представления к наградам в руках министров (Зубов 2009: 13–16).

Исследователей, посвятивших свои работы анализу системы награждения духовенства, немного. Так, А.Н. Лушин рассмотрел вопрос о повышении социального статуса православного духовенства в Российской империи посредством награждения орденом, который доставлял дворянское достоинство, благодаря чему высшее духовенство последовательно включалось в состав российской элиты (Лушин 2013: 37–39).

Значение наград в системе государственного поощрения и наказания населения нередко рассматривают также социологи, например, П.А. Сорокин (Сорокин 1999) и А.Н. Малинкин (Малинкин 2013), которые подчеркивают прямую зависимость между интенсивностью наказаний и награждений в любом обществе. По допущению же А.В. Калашниковой, данное заключение применимо только к государственным объединениям в период стабильности (Калашникова 2015: 156–159).

В дореволюционной России система чинов, званий, орденов и иных наград являлась одним из важнейших средств организации государственной службы. 24 января 1722 г. был введен «Табель о рангах всех чинов воинских, статских и придворных, которые в каком классе чины...» (который не включал священнослужительские саны) (Курас 2010: 110). Помимо чинов, к важнейшим видам наград относились ордена (в соответствии с «Уставом о службе по определению от правительства», действовавшим в XVIII – начале XX столетий). Из всех видов наград ордена наиболее соответствовали этому понятию. Они являлись в первую очередь знаками принадлежности к орденской корпорации, что качественно отличало их от всех прочих наградных знаков (Шепелев 1999: 131–132).

Однако при применении системы награждений в первой половине XVIII в. духовенство было обойдено стороной и, мало того, пережило достаточно трагическую полосу пренебрежительного отношения со стороны светской власти и части высшего дворянства, близкого к Петру I. Такое отношение начало меняться в лучшую сторону во второй половине XVIII в., когда была признана важная идеологическая и просветительская роль РПЦ. Теперь монархи достойно награждали отличившихся на духовном поприще священнослужителей, доставивших несомненную пользу Отечеству (Лушин 2013: 37).

Награждение орденами производилось, как правило, «в порядке постепенности» – сначала младшими, затем старшими. Дважды орденом одного достоинства не награждали. Ордена делились на степени старшинства или имели особые знаки, обозначающие высшее достоинство ордена. К середине XIX в. сложилась следующая иерархия орденов: Святого Андрея Первозванного, Святого Георгия I степени, Святого Владимира I степени, Святого Александра Невского, Белого Орла, Святого Георгия II степени, Святого равноапостольного князя Владимира II степени, Святой Анны I степени, Святого Станислава I степени, Святого Георгия III степени, Святого Владимира III степени, Святой Анны II степени, Святого Станислава II степени, Святого Георгия IV степени, Святого Владимира IV степени, Святой Анны III степени, Святого Станислава III степени. Хотя ордена не были формально приравнены к классам «Табели о рангах», возможность получения

ордена связывалась с классом чина награждаемого. Кроме того, награждение орденом обычно сокращало срок выслуги следующего чина. В результате орденские знаки давали возможность более точно судить о ранге чиновника в зависимости от того, получил ли он уже ордена, которые можно было получить, находясь в его чине. Так, высшие ордена могли даваться только лицам, принадлежащим к чинам I–III классов; ордена Белого Орла, Святого Владимира II степени и Святой Анны I степени – к чинам не ниже IV класса; ордена Святого Станислава I степени и Святого Владимира III степени – не ниже VI класса. Соотношение значимости семи высших гражданских чинов и существовавших орденов условно можно представить следующим образом: чину действительного тайного советника соответствовали ордена Святого Андрея Первозванного, Святого равноапостольного князя Владимира I степени, Святого Александра Невского с бриллиантами; чину тайного советника – ордена Белого Орла, Святого равноапостольного князя Владимира II степени, Святой Анны I степени, Святого Станислава I степени; чину действительного статского советника – орден Святого Владимира III степени; чину статского советника – орден Святого Владимира IV степени; чину надворного советника – Святой Анны II степени, Святого Станислава II степени; чину титулярного советника – Святой Анны III степени; чину губернского секретаря – Святого Станислава III степени (Шепелев 1999: 352).

По закону существовало два рода ограничений числа орденских наград. Одно из них – межнаградный срок, ранее истечения которого нельзя было ходатайствовать о следующей награде, другое – установленные максимальные нормы ежегодных наград для разных ведомств, т.е. количество возможных наград по отношению к общему числу служащих (Шепелев 1999: 348–349).

Общий межнаградный срок составлял три года. Но для представления к высшим орденам он увеличивался и составлял для орденов Святой Анны I степени и Святого Владимира II степени четыре года, для Белого Орла и Святого Александра Невского – пять лет. Лишь за «выдающиеся отличия» межнаградный срок мог сокращаться (Курас 2010: 112).

Награждение орденами стало необходимым компонентом успешной служебной карьеры примерно с начала 1840-х гг. (Зубов 2009: 13).

В последней трети XIX – начале XX вв. происходили изменения в наградной практике. В исторической науке зачастую принято связывать период контрреформ с царствованием Александра III. Но пересмотр преобразований, осуществленных в 60-х гг., начался еще при жизни их инициатора – Александра II. В то же время происходил неоднократный пересмотр перечня наград. Последнее в оценке правящих кругов должны были обеспечить оптимальное сочетание двух начал, на которых строилась государственная служба с начала XVIII в., – заслуги и выслуги. Созданная система оказалась далекой от совершенства, поэтому ее изменение продолжалось и в середине следующего века. В 1874 г. последовала очередная реорганизация, и в основу наградной системы было положено отношение общего числа служащих в данном ведомстве к выделяемому ежегодно количеству наград. Такая практика, с одной стороны, позволяла увеличивать число награжденных по мере роста общего числа служащих, а с другой стороны, приводила к девальвации значения ордена. Правда, она применялась только при получении так называемых «обычных наград». В целом по стране соотношение числа награжденных и числа служащих составляло 1:20. Но при этом нужно учитывать, что в пределах ведомства соотношение могло дифференцироваться в зависимости от уровня учреждения. Для местного уровня оно составляло 1:40, а для центрального – 1:20. Самая высокая норма наград действовала, как это ни покажется странным с позиций сегодняшнего дня, в учебных заведениях, где она составляла 1 награду на 8 служащих. Установленная в 1874 г. норма 1:20 действовала только в таких ведомствах, как собственная Канцелярия по учреждениям императрицы Марии, Государственная канцелярия, Канцелярия Комитета министров, Министерство иностранных дел. К концу XIX в. ситуация существенно изменилась. При сохранении прежней нормы наград количество награжденных в тех же учреждениях значительно возросло вследствие общего роста числа работников (Зубов 2009: 13–14).

При поощрениях «за выдающиеся отличия» согласно порядку, установленному в 1874 г., использовалась фиксированная норма,

не зависевшая от числа служащих. В среднем одна награда в этой категории полагалась на 304 служащих, но расхождения по отдельным ведомствам достигали весьма значительных размеров. Так, наибольшее количество наград в абсолютном выражении устанавливалось для Министерства внутренних дел – 100, а наименьшее – для Министерства народного просвещения – 11, ведомства православного исповедания и Государственного контроля – по 8. В то же время в самом выигрышном положении при получении наград «за выдающиеся отличия» оказывалось Министерство путей сообщения, в котором 1 награда приходилась на 72 служащих, а в наихудшем – служащие по министерству финансов, где 1 награда приходилась на 812 чиновников (Зубов 2009: 14–15).

Такой подход к награждению за особые отличия первоначально не встречал возражений и признавался приемлемым, но постепенно, по мере роста числа служащих, все чаще звучали предложения увеличить норму выделяемых наград, несмотря на то, что планирование «выдающихся отличий» не представлялось возможным и, следовательно, отсутствовали какие бы то ни было основания для подобных требований. В 1876 г. первым с таким ходатайством обратился министр внутренних дел, а за ним и другие министры. Некоторые из этих прошений были удовлетворены, хотя без ожидаемых результатов. К концу века доля наград оставалась недостаточной. В 1892 г. для регулирования награжденной практики был создан специальный Комитет в целях рассмотрения представлений к высочайшим наградам, вступили в действие разработанные им «дополнительные правила о наградах», которыми вводилась более четкая связь орденов с чинами. Так, п. 12 запрещал награждение орденами Станислава и Анны II степени лиц, состоящих в должностях и чинах ниже VIII класса. Орденом св. Владимира 4-й степени не могли награждаться лица, занимающие должности ниже VII класса и состоящие в чинах ниже надворного советника. Подобные ограничения устанавливались для всех орденов и разных их степеней (Зубов 2009: 15).

Традиция награждения орденами за выдающиеся заслуги перед отечеством была введена Петром I, который, «полагая основание просвещению России и устройству различных частей ее управления, в 1698 г. установил чин кавалерский во имя Св. Апостола

Андрея Первозванного, крещением первоначально пределы наши просветившего, и надписями сему кавалерскому ордену присвоенными ознаменовал, что *вера* к Богу и *Верность* к Государю суть главные свойства и заслуги к достижению такого знака отличия» (текст выделен курсивом автором закона). Екатерина I в память о Прутском походе 1711 г. учредила в 1714 г. Орден Св. Великомученицы Екатерины, предназначавшийся для женщин за добродетель, «предписав любовь к отечеству главнейшей заслугой». Петр I при подготовке похода в Персию планировал установить в награду за подвиги Орден Кавалерский Св. князя Александра Невского, «благочестием и мужеством знаменитого». Смерть монарха помешала учреждению этого ордена, однако Екатерина II исполнила намерение супруга и ввела орден в 1725 г. «в воздаяние трудов для отечества подъемлемых» (ПСЗРИ 1830е: 569).

Пожалование кавалерским российским орденом причислилось к доказательствам дворянства «Грамотой на права, вольности и преимуществ благородного российского дворянства» Екатерины II от 21 апреля 1785 г. (ПСЗРИ 1830с: 354).

Император Павел I, который очень благожелательно относился к РПЦ и высоко оценивал ее роль в государственной жизни, законодательно закрепил награждение духовных лиц орденами Российской империи, которые носили на облачении вне храма в торжественные дни (Лушин 2013: 38). Установление о российских императорских орденах от 5 апреля 1797 г. определило общий статус орденов и разделило их на классы: 1-й класс – Св. Апостола Андрея Первозванного, 2-й класс – Св. Великомученицы Екатерины, 3-й класс – Св. Александра Невского, 4-й класс – Св. Анны, зафиксировав внешний вид каждого ордена и «орденского одеяния», степени орденов и должности при каждом из них. Согласно установлению, именоваться верховными начальниками или гроссмейстерами Российского кавалерского ордена могли только императоры. Документ закрепил право духовенства на получение орденов (наравне с военными, гражданскими и придворными служащими) (ПСЗРИ 1830е: 570–572). Канцелярия, архив и казна Ордена должна была храниться только в царском дворце (ПСЗРИ 1830е: 587).

Примечательно, что с пожалованием ордена священнослужители (исключая лиц монашеского звания) возводились в дворянское

потомственное достоинство (Российские императорские и царские ордена... 1901: 10). Историк РПЦ Н.М. Никольский данную привилегию духовенства расценивал как результат службы не только церковной, но и государственной, полагая, что представители духовенства превратились тем самым в государственных должностных лиц (Никольский 1983: 205).

Духовное начальство обязывалось указом Синода от 19 января 1800 г. извещать Орденский капитул (присутственное место, заведующее рассылкой орденов и грамот от Высочайшего Имени) (Попов 1907) о подведомственных лицах, награжденных орденами, с указанием даты и знаков ордена (ПСЗРИ 1830f: 17–18).

Грамоты на ордена подписывал правящий император и канцлер Капитула российских орденов. Форму подписи во время отсутствия последнего определил указ Александра I от 15 августа 1818 г.: вместо ранее употреблявшихся в таких случаях слов «за отсутствием Канцлера» стали указывать только чин (должность) подписывающего грамоту лица (ПСЗРИ 1830j: 457–458).

В 1821 г. решился вопрос о возможности оформления крепостных грамот на имения духовных лиц, «присвоенных» к дворянству. Из рапорта министра духовных дел и народного просвещения Сенат узнал о сложившейся ситуации. Многие духовные лица, сопричисленные к ордену Св. Анны II степени и получившие вследствие этого грамоты на дворянское достоинство, являлись в Палаты гражданского суда для оформления на свое имя купчих грамот на дворовых людей и на целые недвижимые имения с крестьянами. Однако из-за того что духовные лица были только сопричислены к названному ордену, Палата, не имея определенного постановления и не решаясь распространить на этих лиц права, присвоенные дворянству, запросила на этот счет разрешения. Прокурор Саратовской губернии писал министру юстиции о том, что оформление крепостных грамот на основании указов от 4 декабря 1796 г. и 11 июня 1819 г. не может быть позволено духовным лицам, сопричисленным к ордену Св. Анны II степени. Законами же приписывалось: по указу от 22 февраля 1784 г. каждый, независимо от «рода или закона», имеет право пользоваться преимуществами от наград за личные или его предков заслуги, а от 4 декабря 1796 г. – чтобы правительственные учреждения не вводили в дворяне и не выдавали грамот лицам, не имеющим такого

преимущества, присвоение последнего зависело только от самодержца; от 11 июня 1814 г. – что никто из «личных» дворян (регистраторов, протоколистов, секретарей, титулярных советников и прочих, не в 8 классе по гражданской службе состоящих и не от действительного дворянства происшедших чинов) не мог приобретать крестьян и дворовых людей, следовательно, и крепостных актов не мог совершать, за исключением земли, приобретение которой в собственность по указу от 12 декабря 1801 г. разрешалось всем лицам свободного состояния (ПСЗРИ 1830к: 886).

Рассмотрев это дело, министр духовных дел и народного прощшения нашел, что выражение «повелеваю сопричислить к ордену», послужившее Палате гражданского суда поводом к донесению в Сенат, введено в грамоты, выдаваемые духовным лицам, вместо употреблявшейся прежде фразы «жалую кавалером» только потому, что первую посчитали приличнее, нежели слово «кавалер», в прямом смысле означающее «рыцарь», и, следовательно, такое изменение выражений не могло произвести никакого влияния на преимущества, дарованные российским орденом. Министр вынес заключение, что «по силе» 92-й статьи Дворянской грамоты, указа от 22 февраля 1784 г. и указа Сената от 21 октября 1815 г. должны быть допущены к «совершению крепостей» на правах, присвоенных дворянству, те лица духовного ведомства, кто, будучи сопричисленными к ордену Св. Анны II степени и другим российским орденам, получили вследствие этого дворянские грамоты. Сенат признал данное мнение верным 12 октября 1821 г. (ПСЗРИ 1830к: 886).

Согласно п. 9 «Правил для искоренения преступлений» 22 декабря 1823 г. священнику, подверженному запрещению священнослужения, заключению в монастырь или определенному в причетническую должность, не позволялось до разрешения Синода носить знаки ордена, к которым он был сопричислен. Священник подтверждал ознакомление с этим правилом подпиской. В случае если благочинный видел «благонадежность его к исправлению», он обязывался обратиться с «мнением» к Синоду о сохранении знака отличия, а Синод, в свою очередь, запрашивал разрешение монарха (ПСЗРИ 1830л: 1340–1341).

Статья 28-я IX тома Свода законов Российской империи издания 1832 г. прямо указывала на то, что лица духовного звания,

сопричисленные к кавалерам орденов всех степеней, получают потомственное дворянство, передаваемое своим детям (Рикман 1992: 26).

Духовные лица, по собственному желанию сложившие с себя священнический сан, имели права сохранить полученный орден, что подтверждало распоряжение от 28 июня 1833 г. (ПСЗРИ 1844: 379–381).

Лица, награжденные орденами, имели право на получение знака отличия беспорочной службы с выходом в свет «Устава о знаке отличия беспорочной службы для военных и гражданских чиновников» (10 марта 1837 г.) (ПСЗРИ 1838: 152).

Порядок снятия орденов со священников за преступления был установлен Уставом духовных консисторий от 27 марта 1841 г.: при лишении духовного лица священнического сана и низведении навсегда в причетники Синод обязывался спрашивать Высочайшего разрешения о снятии знака отличия с данного церковника (ст. 187, п. 2, примечание 3) (ПСЗРИ 1838: 244).

Правила ношения орденов определяли указы Николая I от 4 января 1843 г. (ПСЗРИ 1844: 4), 20 августа 1845 г. (ПСЗРИ 1846: 1040–1041) и 26 февраля 1846 г. (ПСЗРИ 1847: 282).

До июля 1845 г. лица духовного звания получали права дворянства при награждении орденом любой степени (кроме ордена Св. Станислава), а с указанного времени личное дворянство давалось священнослужителям при пожаловании орденом Св. Анны II и III степеней. В статусе ордена Св. Анны конкретно указано, что им могут быть награждены священники (иереи и протоиереи), исполнившие с особенным усердием непрерывно в течение 12 лет должности благочинных, членов духовных консисторий и духовных правлений, правлений духовных семинарий, а также священники, прослужившие 25 лет в народных училищах. Кроме того, к награжденным указанным орденом причислялись диаконы, находившиеся на военной службе с выслугой не менее 35 лет (Лушин 2013: 39).

Александр II, заметив, что в грамотах и указах на ордена, подаваемые Капитулу, последние титулуются различно, велел 12 августа 1856 г. русские ордена именовать императорскими, а Белого Орла и Св. Станислава – императорскими и царскими, причем

все грамоты и указы оформлять исключительно на установленных бланках (ПСЗРИ 1857: 684).

9 августа 1855 г. была дополнена форма списка лиц, представляемых к наградам. Теперь следовало о каждом кандидате «показывать», имеет ли он какие-либо ордена или знаки отличия (ПСЗРИ 1856: 540).

31 июля 1859 г. Александром II были законодательно закреплены правила награждения по службе (ПСЗРИ 1861: 745–756). Согласно § 1–2 1-го отделения «Общих правил» «Положения о наградах по службе», «верные, истинные слуги Отечества имеют надеяться на особенное Монаршее благоволение и милость, и во всех случаях, по испытанной верности и искусству, ожидать соразмерной заслугам награды» (Свод Законов Том III Устав Службы по определению от прав. ст. 1134, 1857 г.); «суждение о трудах и достоинствах каждого служащего принадлежит его начальству, а потому никто не может сам просить о награждении его за службу, но, в случае отличия, должен ожидать удостоения к награде от начальства, которое представляет о том по установленному порядку» (Свод Законов Том III Устав Службы по определению от прав. ст. 1142, 1143). В § 3 указано, что начальники были обязаны представлять к награждению лиц, отличающихся особенным усердием и «оказавших действительные заслуги». Однако они должны были «воздерживаться от всяких пристрастных представлений» и не просить о награде их подчиненных «без истинных заслуг и достоинств, а соблюдать возможную в числе и степени наград умеренность», имея в виду, что только одна выслуга лет и прямое исполнение служебных обязанностей не могут служить основанием ходатайства о награде (Свод Законов Том III Устав Службы по определению от прав. ст. 1135, 1137) (ПСЗРИ 1861: 745–746).

Анализ архивных материалов позволил выяснить, что служители Тобольской духовной консистории (далее – ТДК) во второй половине XIX – начале XX вв. награждались тремя орденами: св. Анны, св. Владимира и св. Станислава, причем чаще всего последним.

Орден Святой Анны

Орден Св. Анны был учрежден в 1736 г. герцогом шлезвиг-голштейнским в память о своей супруге – дочери Петра I. Первые буквы слов «Анна – императора Петра дочь» послужили началом латинских слов орденского девиза: «Любящим правду, благочестие и верность» (Курас 2010: 113).

Знак отличия св. Анны был утвержден Павлом I 12 ноября 1796 г. и выдавался в награду поначалу исключительно военным лицам – унтер-офицерам и рядовым, выслужившим беспорочно 20 лет (ПСЗРИ 1830е: 5). Орден был введен в число российских наград в апреле 1797 г., разделен тогда на три степени с установлением формы орденских знаков и одеяния (ПСЗРИ 1830е: 569–572). Четвертая степень ордена была добавлена в 1815 г. (ПСЗРИ 1830i: 267).

Орден Св. Анны I степени соответствовал чину не ниже IV класса. Его место в системе российских орденов было достаточно весомым, в иерархии он находился после ордена Св. Владимира II степени. В связи с этим награждение данным орденом ценилось высоко. Что касается ордена Св. Анны II степени, он соответствовал невысокому чину надворного советника (Курас 2010: 113).

На основании § 49 Статуса Ордена св. Анны по Духовному званию, к данному ордену следовало причислять: 1) обративших в православную веру из нехристианских религий значительное число людей, 2) обративших к Церкви значительное число раскольников, в особенности иудеев, малаканов, духоборцев, перекрещенцев (считавшихся участниками особо «упорнейших и вреднейших сект»), 3) за долговременное отличное исправление, сверх должности, многих других, не приносящих жалованья должностей, например, присутствующих консисторий, дикастерий, духовных правлений, благочинных и духовных депутатов. Но поскольку в первых двух статьях не объяснялось, какое именно число людей, обращенных в православную веру и к Церкви, понимать под словом «значительное», а в последней статье не определено время службы, то, по мнению Капитула Российских орденов, могли возникнуть проблемы при решении о награждении названным орденом. На просьбу в докладе Капитула Российских орденов определить количество обращенных в православную веру или к Церкви и

продолжительность времени службы Николай I 17 декабря 1829 г. ответил: «не менее 100 человек», «не менее 5 лет» (ПСЗРИ 1830m: 872–873).

Новый рисунок знака отличия для ордена Св. Анны Николай I утвердил 21 ноября 1831 г. (положение обнародовано 24 ноября) (ПСЗРИ 1832: 220) (рис. 1). Однако через 2 года, 16 июля 1833 г., данный знак был снова изменен (рис. 2) (ПСЗРИ 1834: 420).

Рис. 1. Официальный знак ордена Св. Анны 1831 г.

Рис. 2. Официальный знак ордена Св. Анны 1833 г.

Когда статус ордена Св. Анны обновился (22 июля 1845 г.), основания для награждения им священнослужителей стали следующими: обращение к церкви не менее 100 человек или 12 лет непрерывной службы в должности благочинного (для священников или протоиереев) (ст. 631 Учреждения орденов Свода законов 1857 г.) (ПСЗРИ 1846: 559–566). По указу от 4 января 1858 г., получить ордена Св. Анны III степени (ст. 581, п. 3, 6, 20 и 24 Учреждения орденов по XIX Продолжению) стало возможно по письменным определениям без баллотирования (ПСЗРИ 1860: 2–3). 31 октября 1872 г. мнением Государственного совета, утвержденным Александром II, был изменен п. 20 ст. 581 Учреждения орденов (Свод Законов Т. I). Отныне протоиерей или священник мог получить орден Св. Анны III степени, исправляя с особенным усердием непрерывно 12 лет обязанности не только благочинного, но и члена духовной консистории, духовного правления, епархиального попечительства о бедных духовного звания, правления семинарии или духовного училища (ПСЗРИ 1875: 895).

Форма для представления в Сенат списка лиц, намеченных к награждению орденом Св. Анны, была утверждена Николаем I 24 марта 1846 г. До издания нового статуса ордена Св. Анны списки кандидатов отправляли в Сенат, а после его утверждения доставляли в Капитул орденов для рассмотрения его в Кавалерской думе. Однако к 1846 г. на основании новоизданных статусов названных орденов подобные сведения поступали, минуя Сенат, сразу в Капитул орденов в разном оформлении (т.к. не имелось установленной формы); некоторые ведомства отличия лиц указывали в самих представлениях, другие – в прилагаемых именных списках или кратких записках. По этой причине заслуги часто объяснялись неудовлетворительно, и Капитулу приходилось вести переписку с ведомствами с целью получения дополнительных сведений, медленное представление которых мешало Капитулу вовремя подать их в Кавалерскую думу. Во избежание перечисленных неудобств было решено утвердить общую для всех ведомств форму представления кандидатов для награждения орденами Св. Анны и Св. Владимира, которая заменила прошлые представления и краткие записки (ПСЗРИ 1847: 382–383).

Правила о порядке рассмотрения кавалерскими думами ордена Св. Анны представлений о награждении этим орденом за особые

отличия установлены Сводом учреждения орденов 1857 г. Положительное решение о награждении орденом Св. Анны III степени выносилось в случае одобрения кандидата не менее 9/10 части всех членов думы, участвовавших в голосовании, а за военные подвиги – не менее 2/3 посредством гласного обсуждения. С целью приведения к единообразному способу рассмотрения представлений со 2 декабря 1866 г. стали применять гласное обсуждение и в случаях награждения за особые отличия. Этим же распоряжением была изменена ст. 142 Учреждения орденов: представления, вносимые начальством в Кавалерские думы о награде орденами за особые отличия, теперь должны были содержать не только повторение общих выражений, употребляемых в Статусах орденов для обозначения отличий, а подробное, ясное и определенное изложение самих действий, составляющих эти отличия (ПСЗРИ 1868: 329–330).

Орден Святого Равноапостольного князя Владимира

Данный орден был установлен Екатериной II 22 сентября 1782 г. в честь 20-летия царствования императрицы. Право пожалования орденом Св. Владимира имели те, кто «не только должности на них возложенные исправляли во всех случаях по долгу их звания, присяги и чести, исполняя установленные узаконения письменно или словесно, не изречениями едиными, но самым делом, но сверх того отличились особливим радением в деле им вверенном, продолжительным прилежанием, искусством в порученной чести, и способностью личной делом доказанной, либо же полезным добрым советом по делу, к которому призваны», прослужив при этом 35 лет «неотлучно и беспорочно». Были определены 4 степени данного ордена и знаки отличия (ПСЗРИ 1830б: 671–672). 28 сентября 1782 г. вышло распоряжение об исполнении и силе действия ордена Св. Владимира со времени его учреждения 22 сентября 1782 г. (ПСЗРИ 1830б: 685–686).

21 января 1790 г. Сенат продублировал вышедшие ранее распоряжения. Так, 30 января 1787 г. Герольдия посредством указов Сената объяснила правила представления кандидатов к награждению, убеждая подробно расписывать причины выдвижения каждого кандидата. Например, при «приведении в порядок упущенной части» следовало пояснить, когда и из-за чего или кого

произошли эти «упущения», указать те «встретившиеся затруднения, которые представляемый мог преодолеть своим отличным речением, и тем удержал законный порядок, клонящийся без того его рачения к разрушению»; при описании «отличного искусства и личной способности» надлежало указать, «в чем состоит искусство и личные способности, и в каком случае или деле употреблены оные в пользу службы, также из подчиненных, в ком возбудил искусство и в каком роде дел кого к службе приуготовил, и от тех приуготовленных если какие по службе успехи, и о всем представлять ясно, подробно, наблюдая, чтобы недостатка в доказательствах не было». Екатерина II 5 октября 1789 г. велела Кавалерской думе при рассмотрении докладов и списков кандидатов на награждение орденом Св. Владимира, отсылаемых впоследствии к императрице, «самым прилежным образом разбирать», достойны ли они этой награды согласно статусу ордена (ПСЗРИ 1830d: 108–109).

29 мая 1802 г. Сенат подтвердил прошлые указы о том, чтобы «отличные подвиги чиновников изображали и возвышали не собранием слов, но описывали бы их самые дела, соединяющиеся с этими обстоятельствами, и те случаи, в которые чиновник, шествуя неуклонно по стезям правосудия, и деятельным рдением о Государственном хозяйстве обратил на себя особое внимание своего начальства». При награждении за 35-летнюю службу следовало подробно расписать время поступления в классы, все перемещения по службе с указанием точных дат. Указ напоминал, что чиновники могут просить о награде только через представления своих начальников, которые необходимо было присылать в Сенат к 1 августа каждого года (ПСЗРИ 1830g: 156–157).

До 1 марта 1806 г. Синод представлял списки кандидатов к награждению орденом Св. Владимира на рассмотрение в Сенат вместе с другими присутственными местами. Александр I ради справедливости разрешил Синоду наравне с Сенатом подавать эти списки непосредственно в Орденскую думу (ПСЗРИ 1830b: 112).

Орден Святого Станислава

Этот орден Царства Польского – Св. Станислава (считавшегося покровителем Польши) – появился в 1765 г. (Курас 2010: 113). К числу российских императорских орденов он был причислен

17 ноября 1831 г. (ПСЗРИ 1832: 216), через месяц установили рисунок печати данного ордена для грамот (рис. 3) (ПСЗРИ 1832: 328). Формы грамот, выдаваемых к ордену (рис. 4, 5), и рисунки знака ордена I (рис. 6), II (рис. 7), III и IV степеней (рис. 8) были установлены 19 декабря 1831 г. В примечаниях к форме грамот указывалось, что данные грамоты с подписью монарха следовало министру отсылать в Орденский капитул для «контросигнирования» канцлером российских орденов и приложения орденской печати и возвращать к министру вместе с орденскими знаками «для доставления по принадлежности». К распоряжению прилагалась также форма указа «на пожалование Польского Ордена св. Станислава 3-й и 4-й степени». Данный указ должен был быть «контросигнирован» тем министром, который подносил его к Высочайшему подписанию (ПСЗРИ 1832: 329–330). Описание знаков отличия вышеозначенных орденов были утверждены 30 декабря 1831 г. (ПСЗРИ 1832: 355–356).

Рис. 3. Печать Императорского и Царского ордена св. Станислава 1831 г.

Ордена Св. Равноапостольного князя Владимира, Св. Анны и Св. Станислава до 1845 г. предоставляли кавалерам всех степеней права потомственного дворянства. После обновления статусов орденов 22 июля 1845 г. за ордена Св. Анны I степени

и Св. Равноапостольного князя Владимира всех степеней были предоставлены права потомственного дворянства, а за ордена Св. Анны II, III и IV степеней – личного дворянства. 28 июня 1855 г. Александр II признал необходимым приравнять орден Св. Станислава как младший российский орден к ордену Св. Анны в отношении приобретения прав дворянства (ПСЗРИ 1856: 456–457).

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ
МЫ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,
ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ
ВСЕРОССИЙСКІЙ, ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ,
и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему, чинъ, должность и имя Кавалера.

Во вниманіи къ ревностной службѣ вашей и отличнымъ трудамъ; понесеннымъ при исполненіи и проч., Всемилостивѣйше пожаловали Мы васъ Кавалеромъ Императорскаго и Царскаго Ордена Нашею Св. Станислава 1-й или 2-й степени, коего знаки присемъ препровождаю, Повелеваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію. Пребываемъ къ вамъ Императорскою милостию Нашею благосклонны.

Въ Санктпетербургѣ. Декабря дня
1851 года.

Рис. 4. «Форма грамоты на пожалование Польских Орденов Белого Орла и Св. Станислава 1-й и 2-й степени для российских чиновников» 1831 г.

УКАЗЪ Капитулу Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ Орденовъ.

Въ награду ревностной службы такого-то Чиновника и отличія, состоящаго въ томъ-то, Всемилостивѣйше пожаловали Мы его Кавалеромъ Императорскаго и Царскаго Ордена Нашею Св. Станислава 3-й или 4-й степени; въ слѣдствіе чего Повелеваемъ Капитулу выдать сему Кавалеру орденскіе знаки, при установленной грамотѣ.

Годъ, мѣсяцъ и число состоянія указа.

Рис. 5. «Форма указа на пожалование Польскаго Ордена Св. Станислава 3-й и 4-й степени» 1831 г.

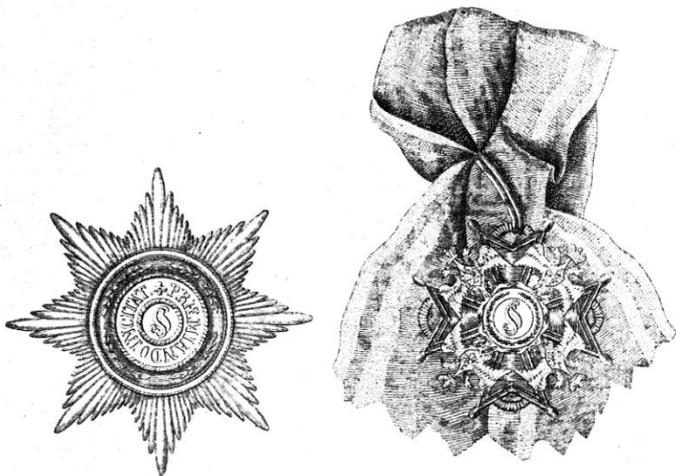

Рис. 6. «Рисунок образцоваго знака ордена Св. Станислава 1-й степени» 1831 г.

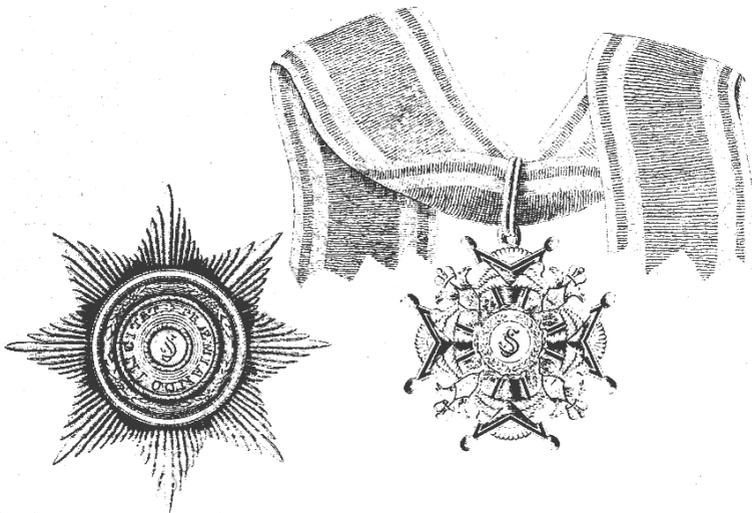

Рис. 7. «Рисунок образцового знака ордена
Св. Станислава 2-й степени» 1831 г.

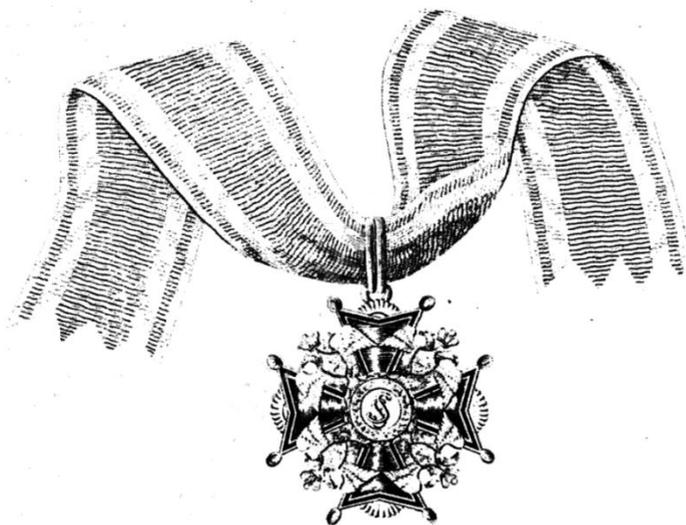

Рис. 8. «Рисунок образцовых знаков ордена
Св. Станислава 3-й и 4-й степени» 1831 г.

Предусматривалось, что орден мог даваться не только за служебные, но и другие общепользные заслуги. Орден Св. Станислава I степени вручался при наличии чина не ниже VI класса. В системе российских орденов этот орден находился после орденов Белого Орла, Св. Владимира II степени и Св. Анны I степени (Курас 2010: 113).

Николай I не желал причислять духовенство к ордену Св. Станислава «для соблюдения постепенности в наградах», о чем 23 декабря 1831 г. сообщил статс-секретарь А.С. Танеев канцлеру Российских Императорских и Царских орденов (ПСЗРИ 1833: 2–3).

Старшинство ордена св. Анны I степени относительно ордена св. Станислава I степени было установлено Сенатом 21 января 1832 г. (ПСЗРИ 1833: 24–25).

Николай I, обновив статус ордена Св. Станислава 28 мая 1839 г. (ст. 631 Учреждение орденов Свода законов 1857 г.) (ПСЗРИ 1840: 514–515), тогда же упразднил IV степень данного ордена (ПСЗРИ 1840: 513–514).

После восстановления ордена Св. Станислава Александр II 18 мая 1856 г. приказал, чтобы лица, имеющие орден Св. Анны за отличия по службе, могли получить орден Св. Станислава тех же степеней (ПСЗРИ 1857: 300), а 12 июня 1857 г. монархом было сделано уточнение, что имеющим орден Св. Анны II степени следует выдавать орден Св. Станислава II степени с короной (ПСЗРИ 1858: 537). Это было подтверждено правилами награждения по службе 31 июля 1859 г., которыми также установлено, что лицам, имеющим орден Св. Анны III степени, разрешалось получить орден Св. Станислава сразу III степени (ПСЗРИ 1861: 752).

Александр II 1 августа 1857 г. изменил текст грамот на ордена Белого Орла и Св. Станислава. Теперь следовало употреблять выражение: «Всемиловейше пожаловали Мы вас кавалером Императорского и Царского ордена Нашего», а в содержании грамот прочих орденов писать: «Всемиловейше пожаловали Мы вас кавалером Императорского ордена нашего» (такого-то) (ПСЗРИ 1858: 661).

3-е отделение «О награждении орденами» «Положения о наградах по службе» установило очередность награждения орденами: Св. Станислава III степени, Св. Анны III степени, Св. Станислава II степени, Св. Станислава той же степени с императорской

короной, Св. Анны II степени, Св. Анны той же степени с короной, Св. Станислава I степени, Св. Анны I степени, Св. Анны I степени с короной (в изменение Свода Законов Том III Устав Службы по определению от прав. ст. 1162) (ПСЗРИ 1861: 752).

При награждении в порядке постепенности перечислялись должности, которым не должны были назначаться ордена определенных степеней: орден Св. Анны I степени – ниже действительного статского советника и должности ниже IV класса, орден Св. Станислава I степени – ниже действительного статского советника и должности ниже V класса, ордена Св. Анны и Св. Станислава II степени – ниже VIII класса или чина (ПСЗРИ 1861: 753).

За отличия, заслуживающие особого внимания, можно было получить старший орден, минуя младшие, так, занимая должности не ниже VIII класса – орден Св. Анны III степени, не ниже VII класса – орден Св. Станислава II степени, не ниже VI класса – орден Св. Станислава II степени с императорской короной, не ниже V класса – орден Св. Анны II степени, не ниже IV класса – орден Св. Анны II степени с императорской короной (в отмену Свода Законов Т. I Учр. Орд. и др. знаков отл. Примечание к ст. 588) (ПСЗРИ 1861: 753–754).

Внешний вид знаков отличия орденов Св. Анны I и II степеней и Св. Станислава II степени был изменен 14 февраля 1874 г. (ПСЗРИ 1876: 202–203).

В ГБУТО «Государственный архив в г. Тобольске» было обнаружено около 100 дел о награждении духовных лиц Тобольской епархии, в том числе 5 дел о награждении служащих ТДК орденами: «О награждении секретаря Тобольской духовной консистории Лебедева орденом святой Анны 3 степени» 1860 г. (ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 11. Д. 674. Л. 1–42), «О награждении служителей Тобольской духовной консистории В. Протасова и П. Пудовикова орденами святого Станислава третьей степени» 1882 г. (ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 11. Д. 1368. Л. 1–26), «О награждении казначея Тобольской духовной консистории П. Пудовикова орденами Станислава и Владимира» 1885 г. (ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 11. Д. 1442. Л. 1–32), «О награждении орденами св. Станислава секретаря Тобольской духовной консистории В. Веселовского и учителей Тобольской духовной семинарии П. Самойлова, И. Ловягина, Л. Знаменского» 1893 г. (ГБУТО ГАТ.

Ф. 156. Оп. 11. Д. 1630. Л. 1–19) и «О награждении столоначальников Тобольской духовной консистории Г. Емельянова, И. Ефремова и А. Бобылева орденами св. Станислава» 1913 г. (ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 18. Д. 1074. Л. 1–24).

В деле из ф. 156 «О награждении служителей Тобольской духовной консистории В. Протасова и П. Пудовикова орденами святого Станислава третьей степени» за 1882 г. содержится 13 документов: протоколы ТДК, формулярные и наградные списки о службе В.И. Протасова и П.А. Пудовикова, рапорты ТДК обер-прокурору Синода о выдвижении кандидатов и получении ордена, рапорт В.И. Протасова о пересылке денег за орден, квитанция об уплате взноса за орден В.И. Протасова, письмо ТДК в Капитул императорских и царских орденов и приказ ТДК (ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 11. Д. 1368. Л. 1–26).

Дело начинается с протокола ТДК (выписи из ее журнала) от 5 октября 1882 г., в котором сообщается, что в начале 1882 г. был создан временный комитет для ревизии приходо-расходных книг и отчетов о суммах за 1881 г., который в журнале о результатах ревизии просил епархиального преосвященного отметить в епархиальных ведомостях «сравнительную редкую исправность и аккуратность по делопроизводству» ТДК «не для поощрения виновников их, а для примера другим». В ответ преосвященный велел консистории немедленно доложить об усердных и опытных чиновниках для представления к наградам, после чего секретарь дал следующий «отзыв»: штат ТДК состоит, кроме секретаря ТДК и секретаря епархиального архиерея, из 7 человек, среди которых выделяются столоначальник 2-го стола коллежский ассесор В.И. Протасов и казначей коллежский ассесор П.А. Пудовиков (на службе соответственно с 1850 и 1844 г.); они «опытностью в производстве порученных им дел обладают вполне достаточно и к исполнению возложенных на них обязанностей относятся с примерным усердием» (Л. 1–1 об.).

Епархиальное начальство подавало представления обер-прокурору Синода 10 ноября 1873 г. и ровно через два года о награждении В.И. Протасова орденом Св. Станислава III степени, но данные представления оставались без одобрения. К такой же награде представлялся и П.А. Пудовиков, но вместо ордена он в 1875 г. был награжден 100 рублями. В итоге ТДК приказала обоих

служащих «за их долговременную и полезную службу» представить к награждению орденами Св. Станислава III степени. Епископ одобрил решение ТДК своей резолюцией 6 октября 1882 г. (Л. 2–7).

За протоколом ТДК в деле помещен формулярный список о службе В.И. Протасова от 16 октября 1882 г., согласно которому он уже имел бронзовую медаль в память войны 1853–1856 гг., а также получал 400 и 200 р. «жалованья» (скорее всего, имеется в виду премия). В документе также отражены ступени его карьерного роста и все должностные перемещения: после окончания Тобольской духовной семинарии служил в ТДК канцелярийским служащим с 3 апреля 1850 г., исправляющим должность столоначальника с 29 июля того же года (утвержден в должности 31 октября 1851 г. «за усердие и исправное прохождение должности»), коллежским регистратором – с 15 января 1855 г., губернским секретарем – с 31 января 1858 г., снова столоначальником – с 1859 г., секретарем – с 13 марта 1860 г., «имел честь приводить в порядок секретную библиотеку архипастыря» в 1862 г., являлся титулярным советником с 10 августа 1864 г., уволен с должности столоначальника и поступил в штат ТДК в 1866 г., управлял 2-м столом ТДК в январе, марте и июне 1870 г., определен исправляющим должность столоначальника 26 июня 1870 г., произведен в коллежские асессоры со старшинством 25 мая 1871 г., утвержден столоначальником 8 ноября 1872 г., из-за отлучки казначея занимал эту должность 4 июня – 4 июля 1874 г. и 12–24 ноября 1875 г., был секретарем 1 июня – 9 июля 1876 г. и совмещал обязанности столоначальника и секретаря в 1878–1882 гг. (Л. 8–9).

Далее приведен формулярный список П.А. Пудовикова от 16 октября 1882 г., согласно которому он имел, как и В.И. Протасов, бронзовую медаль в память войны 1853–1856 гг., а также знак красного креста за труды по сбору пожертвований в пользу больных и раненых воинов, за усердную службу награжден епархиальным начальством 60 руб. в 1862 г. и 100 руб. в 1875 г., семнадцать раз награжден (вместе с остальными чиновниками ТДК) деньгами разных сумм, «жалованья» (видимо, премии) получал 336 руб. 68 коп. и 169 руб. 32 коп. После окончания Тобольской духовной семинарии был в ТДК канцелярским служащим с 1 декабря 1844 г., являлся регистратором со старшинством с 1 декабря

1848 г., столоначальником 3-го стола 5 ноября – 21 декабря 1849 г., письмоводителем (по прошению) с 11 апреля 1849 г., за выслугу лет секретарем со старшинством с 1 декабря 1852 г., исполняющим должность архивариуса с 21 декабря того же года (утвержден в должности 21 июня 1854 г.), секретарем со старшинством с 1 декабря 1856 г., письмоводителем в 1857–1862 гг., помощником секретаря и по совмещению архивариусом с 25 сентября 1869 г., командировался в канцелярию Тобольского губернского присутствия «для улучшения быта православного духовенства» с 3 октября 1869 г., являлся секретарем 10 августа 1864 – 21 июня 1865 гг., титулярным советником с 25 сентября 1869 г., коллежским асессором со старшинством с 25 сентября 1866 г., казначеем консистории «как один из благонадежных чиновников» с оставлением должности архивариуса с 1 июля 1869 г. (Л. 10–15).

В деле также содержатся наградные списки на обоих служащих (Л. 16–19), а следом расположено письмо обер-прокурору Синода тайному советнику К.П. Победоносцеву от 19 октября 1882 г.: «Ввиду исправного и успешного делопроизводства в здешней епархиальной консистории нельзя не ценить труды служащих в оной чиновников и нельзя не поощрить отличающихся из них наградами по достоинству. С этой целью не полагаясь на одну личную свою оценку, я предлагал консистории доставить мне сведения о наиболее усердных и опытных чиновниках ... особенной похвалы из них заслуживают...»; далее следует описание заслуг В.И. Протасова и П.А. Пудовикова, в конце документа есть указание на приложение формулярных и наградных списков этих служащих. Документ, составлявшийся служителем ТДК, редактировал карандашом епископ и велел «переписать» (Л. 20).

Обер-прокурору 22 августа 1883 г. было отправлено письмо (рапорт) о получении и вручении 13 августа 1883 г. ордена В.И. Протасову. Таким образом, процедура длилась почти год – с 6 октября 1882 г. по 13 августа 1883 г. (решение о награждении было принято 15 мая 1883 г.) (Л. 21).

Следующие документы в деле – рапорт В.И. Протасова в ТДК от 23 августа 1883 г. об отправке 15 руб. и оплате за их пересылку 15 коп. (Л. 22), протокол ТДК (выписка из журнала) о слушании рапорта, 25 августа преосвященный написал резолюцию:

«Исполнить», то есть отправить деньги (Л. 23), письмо от 28 августа 1883 г. ТДК в Капитул Российских Императорских и Царских орденов о пожаловании 15 мая 1883 г. ордена и уплате за него 15 руб. (Л. 24), квитанция об уплате от 13 октября 1883 г. (Л. 25), на обороте которой содержится извлечение из правил о выдаче квитанции и приказ ТДК о том, чтобы квитанцию кассы Министерства императорского двора в получении 15 руб. принять к сведению (Л. 26).

В деле отсутствует часть документов о награждении П.А. Пудовикова. Из материалов следующего дела узнаем, что казначей ТДК так и не был награжден в 1883 г., хотя его кандидатура и была одобрена ТДК и обер-прокурором Синода. Его представили к награде еще раз в 1885 г. уже индивидуально.

Он был представлен к награждению орденами Св. Станислава в 1885 г. и Св. Владимира в 1887 г. В деле «О награждении казначея Тобольской духовной консистории П. Пудовикова орденами Станислава и Владимира» содержится 12 документов, в том числе справка об этом коллежском асессоре, три протокола (выписка из журнала) ТДК о слушании справки, доклада и рапорта о представлении его к награждению, доклад секретаря присутствия ТДК, два представления епископа обер-прокурору отдельно на каждый орден, наградной (только об ордене Св. Станислава III степени) и формулярный списки, рапорт П.А. Пудовикова ТДК с просьбой о представлении его к награждению орденом Св. Владимира IV степени за 35-летнюю службу в «классных чинах», письмо обер-прокурора епархиальному преосвященному о пожаловании ордена Св. Владимира IV степени, письмо (рапорт) епископа обер-прокурору о выдаче ордена Св. Владимира IV степени П.А. Пудовикову (Ф. 156. Оп. 11. Д. 1442. Л. 1–32).

Текст справки, протокол ТДК, доклад, формулярный список П.А. Пудовикова 1885 г. повторяют данные о карьере и заслугах казначея ТДК формулярного списка за 1882 г. (Ф. 156. Оп. 11. Д. 1442. Л. 1–2), приложенного к предыдущему представлению, о котором, к удивлению, на этот раз не упоминается. 5 июня 1887 г. ТДК слушала прошение П.А. Пудовикова о представлении его к награждению орденом Св. Владимира IV степени (Ф. 156. Оп. 11. Д. 1442. Л. 26). И только 3 января 1889 г. ТДК получила распоряжение обер-прокурора Синода об одобрении кандидатуры

П.А. Пудовикова от 12 декабря 1888 г. (Ф. 156. Оп. 11. Д. 1442. Л. 30). Ответ обер-прокурору о выдаче ордена был составлен 21 января 1889 г. Таким образом, можно судить о долговременной процедуре получения орденов.

В деле «О награждении столоначальников Тобольской духовной консистории Г. Емельянова, И. Ефремова и А. Бобылева орденами св. Станислава» 1913 г. содержится 16 документов, в том числе протокол ТДК, представление о Г.В. Емельянове и А.Я. Бобылеве обер-прокурору, их наградной список, письмо обер-прокурора архиепископу Варнаве (Накропину), список служащих по Ведомству православного исповедания награжденных за служебные отличия к 6 мая 1914 г., форма о взыскании денег за ордена, квитанция о перечислении денег за ордена, сопровождающие документы к квитанции (рапорт, письма), отчет о сдаче денег ТДК (представление обер-прокурору и отпуск в канцелярию Александровского комитета о раненых). Документы в деле, как и в предыдущих делах, расположены в хронологическом порядке (Ф. 156. Оп. 18. Д. 1074. Л. 1–24).

Первый документ – инициирующий дело – протокол ТДК (выписка из ее журнала) от 27 сентября 1913 г. о представлении к награждению трех ее служителей: «Тобольская духовная консистория имела суждение о награждении чиновников канцелярии консистории. По рассмотрении формулярных списков, духовная консистория достойными ... находит столоначальника 1-го стола консистории Г.В. Емельянова, столоначальника 3-го стола А.Я. Бобылева¹, столоначальника 2-го стола М.Г. Ефремова»². По какой-то причине указания на виды наград были зачеркнуты, скорее всего из-за того, что имелись лишь в конце документа. Ниже справа обозначены возраст и количество отработанных в консистории лет: губернский секретарь Г.В. Емельянов в возрасте 31 года, работающий в ТДК с августа 1907 г., титулярный советник А.Я. Бобылев в возрасте 51 года, служащий с сентября 1906 г., почетный гражданин М.Г. Ефремов в возрасте 54 лет, трудившийся с февраля 1891 г. ТДК приняла решение от имени

¹ Здесь зачеркнут текст «к награждению орденом Станислава 3-й степени».

² Здесь зачеркнут текст «к представлению в первый классный чин».

преосвященного архиерея возбудить перед обер-прокурором Синода ходатайство о награждении столоначальников Г.В. Емельянова и А.Я. Бобылева орденом Св. Станислава III степени и столоначальника М.Г. Ефремова – первым классным чином. По верхнему полю документа уже другим почерком (скорее всего, архиепископом) написано: «Утверждается. Заготовить представление» (Л. 1–1 а об.), и далее за протоколом ТДК следуют два представления, в которых перечислены достоинства служащих и приведено обоснование выдвижения их кандидатур к награждению орденами.

В конце документов указано, что обер-прокурору также отправили наградный список в двух экземплярах (на Г.В. Емельянова и А.Я. Бобылева) и копию их формулярного списка. Оба представления были посланы 4 октября 1913 г. Один из документов подписан епископом Алексием (Молчановым). Тексты представлений имели установленную форму, менялись только фамилии и должности, например, «Столоначальник Канцелярии Тобольской Духовной Консистории, Губернский¹ Секретарь Григорий Васильевич ЕМЕЛЬЯНОВ, в виду многолетней службы и отлично усердного и аккуратного исполнения возложенных на него служебных обязанностей, признается Епархиальным Начальством достойным награждения орденом Св. Станислава 3-й степени. Вследствие изложенного, прилагая при сем наградный список в двух экземплярах и копию формулярного списка² о службе Емельянова, честь имею почтительнейше просить ВАШЕ ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО не признаете ли возможным исходатайствовать ВЫСОЧАЙШЕЕ соизволение на сопричисление Емельянова к ордену Св. Станислава 3-й степени. Призывая на Вас благословение Божие, с совершенным уважением и глубокою преданностью имею честь быть ВАШЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА...» (рис. 9) (Л. 3).

¹ Дописано карандашом «коллежский».

² Зачеркнуто «и копию формулярного списка».

Тобольске
Архив
Тобольск

ВАШЕ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО,

Милостивѣйшій Государь

ВЛАДИМИРЪ КАРЛОВИЧЪ.

Октября 4 - 1913

№ 5788

Столоначальникъ Канцеляріи Тобольско-
ской Духовной Консисторіи, Губернскій
Секретарь Григорій Васильевичъ ЕМЕЛЬЯ-
НОВЪ, въ виду многолѣтней службѣ и отлич-
но усерднаго и аккуратнаго исполненія
возложенныхъ на него служебныхъ обязанно-
стей, признается Епархіальнымъ Началь-
ствомъ достойнымъ награжденія орденомъ
Св. Станислава 3-й степени.

ЕГО ВМСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬ-
СТВУ, Г. Оберъ-Прокурору
Святѣйшаго Синода,
ВЛАДИМИРУ КАРЛОВИЧУ
САБЛЕРУ.-

Вслѣдствіе изложеннаго, прилагая при
семъ наградный списокъ въ двухъ экземпля-
рахъ и копию формулярнаго списка о службѣ
Емельянова, честь имѣю почтительнѣе про-
сить ВАШЕ ВМСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО не
признаете ли возможнымъ исходатайствовать
ВМСОЧАЩЕ соизволеніе на сопрічисленіе
Емельянова къ ордену Св. Станислава 3-й
степени.

Примѣя на Васъ благословеніе Божіе,
съ совершеннымъ уваженіемъ и глубокою пре-
данностью имѣю честь быть

ВАШЕГО ВМСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА

*Служа и награждая
Григорій Васильевичъ
Штольцъ и Сибирскій.*

10

Рис. 9. Представление епископа к награждению столоначальника ТДК обер-прокурору 4 октября 1913 г.

За представлениями в деле расположен «Наградный список столоначальника Тобольской Духовной Консистории к ордену св. Станислава 3-й степени», составленный на обоих кандидатов. В нем указано, что Г.В. Емельянов и А.Я. Бобылев ранее не получали ордена, однако второй имеет уже одну награду – медаль в память о царствовании Александра II (Л. 4–5).

После отправки указанных документов обер-прокурору из его канцелярии 28 июня 1914 г. Тобольский епископ Варнава (Накропин) получил ответ об одобрении кандидатур и просьбу выслать подтверждение об уплате денег за ордена (дата документа 27 мая 1914 г.): «ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР Всемиловейше соизволил, к 6 мая сего года, дню Рождения Его Императорского Величества, пожаловать Высочайшими наградами лиц, значащихся в прилагаемом при сем печатном списке. В таковом Монаршем пожаловании сообщая Вашему Преосвященству, с препровождением орденских знаков, для выдачи по принадлежности, имею честь покорнейше просить Вас, Милостивый Государь и Архипастырь, а) ныне же сделать распоряжение об истребовании, согласно указанным на обороте сего статьям закона, от пожалованных, в установленный срок, следующих с них денег с тем, чтобы деньги за ордена были внесены, по прилагаемой при сем форме, в кассу Министерства Императорского Двора или непосредственно, или же через местное Казначейство, а за медаль, по таковой же форме, в местные Казначейства» и б) затем уведомить, когда, в какое Казначейство и под какой № квитанции внесены взыскиваемые деньги...» (рис. 10). Документ подписан обер-прокурором В.К. Саблером, а, видимо, его товарищем или служащим канцелярии (Л. 6).

ВЪДОМСТВО
ПРАВОСЛАВНАГО
ИСПОВѢДАНІЯ.

КАНЦЕЛЯРІЯ
ОБЕРЪ-ПРОКУРОРА
СВЯТЫЙШАГО СИНОДА.

ОТДѢЛЕНІЕ I.
СТОЛЪ I.

27 Мая 1914 г.
№6633

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
КАНЦЕЛЯРИЯ
МОСКВА
20-ИЮН-1914
СТОЛЪ I
В.Д.М.

Его Преосвященству
Варнаву, Епископу
Модовскому.

6

28 Мая 1914

№ 88433 Кожемякин

Милостивый Государь и Архиепископ.

Е. В. Варнава

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ Всемилостивѣйше соизволяетъ, въ 6 Мая сего года, дню Рождения Его Императорскаго Величества, пожаловать Высочайшимъ наградами лицъ, значащихся въ прилагаемомъ при семъ печатномъ спискѣ.

О такомъ Монаршемъ пожалованіи сообщая Вашему Преосвященству, съ препровожденіемъ орденскихъ знаковъ, для выдачи по принадлежности, имѣю честь покорнѣе просить Васъ, Милостивый Государь и Архиепископъ, а) нынѣ же сдѣлать распоряженіе объ истребованіи, согласно указанному на оборотѣ сего статьи закона, отъ пожалованныхъ, въ установленный срокъ, слѣдующихъ съ ними денегъ съ тѣмъ, чтобы деньги за ордена были внесены, по прилагаемой при семъ формѣ, въ кассу Министерства Императорскаго Двора или непосредственно, или же черезъ мѣстное Казначейство, а) въ медали, по таковой же формѣ, въ мѣстномъ Казначействѣ для обращенія ихъ «въ доходъ Государственнаго Казначейства» и б) затѣмъ увѣдомить, когда, въ какое Казначейство и подъ какой № квитанціи внесены выскываемыя деньги.

Испрашивая молитвъ Вашихъ, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть

Ваше Преосвященства,

Милостиваго Государя и Архиепископа,

Покорнѣйшимъ слугою

В. Кожемякин

Государственный Канцелярь

м

Рис. 10. Письмо из канцелярии обер-прокурора Тобольскому епископу Варнаве (Накропину) 27 мая 1914 г.

В деле также содержится выдержка из закона «Учреждение орденов и других знаков отличия» 1892 г. о единовременном денежном взносе в Капитул орденов с каждого награжденного лица (Л. 6 об.).

Список служащих по ведомству православного исповедания, награжденных за служебные отличия, каждый раз обнародовали (скорее всего, в Епархиальных ведомостях). В § 20 «Положения о наградах по службе» от 31 июля 1859 г. указано, что «о всемилоостивейшее пожалованных наградах объявляется во всеобщее сведение установленным ныне порядком» (в дополнение свода Законов Том III. ст. 1136) (ПСЗРИ 1861: 749). В списке 6 мая 1914 г. по Тобольской епархии указаны следующие награжденные лица: «орденами: св. Станислава 2-й ст. – преподаватели Тобольской духовной семинарии стат. советники Николай Городков и Константин Сплendorов; секретарь Тобольской духовной консистории надв. сов. Яков Афанасьев; св. Станислава 3-й ст. – преподаватель Тобольского епархиального женского училища колл. ас. Петр Доброхотов; столоначальник Тобольской духовной консистории тит. сов. Александр Бобылев». Интересно, что в списке не упомянут Г.В. Емельянов, хотя в других документах об отказе ему в награде умалчивается (Л. 13 об.).

Следующим документом в деле является пустая форма «ведомости о деньгах, взысканных или удержанных за пожалованные ордена в N месяце» (Л. 15) (рис. 11), присланная для примера, а на ее обороте написано распоряжение ТДК от 30 июня 1914 г.: «разослать орден по принадлежности с предложением внести за них деньги по форме», причем при каждой отправке делалась запись и ставился номер (видимо, номер квитанции).

В Ъ Д О М О С Т Ь						
о деньгахъ, взысканныхъ или удержанныхъ за пожалованные ордена, въ N мѣсяцѣ.						
Кѣмъ взыскано.	№ по порядку.	Чинъ, или званіе, имя и фамилія кавалера, съ котораго проведено взысканіе.	За какой орденъ.	Время пожалованія.	Сколько взыскано.	
					Рубли.	Коп.

Рис. 11. Форма «ведомости о деньгах, взысканных или удержанных за пожалованные ордена в N месяце»

Далее в деле следует рапорт А.Я. Бобылева казначею ТДК о передаче 15 руб. за орден от 3 июля 1914 г., на обороте мы находим распоряжение ТДК сдать деньги в казначейство, что и было исполнено 26 июля (Л. 16–16 об.).

БЕЗПЛАТНО.

КВИТАНЦІЯ

Тобольское
КАЗНАЧЕЙСТВО

№ 039477

Серия В. Г.

Тобольской губерніи на 30 руб

„24“ Сентября 1914 года по приходному журналу въ книгѣ 9

въ статьѣ 14/63 записано на приходъ отъ кого: Секретаря Тобольской Духовной Консисторіи Я. Афанасьева

на какой предметъ: въ государственныи доходъ за Высочайше пожалованной ему орденомъ Св. Станислава 2 степени.

всего тридцать рублей

Я. Казначей Бобылев Секретарь Я. Афанасьев

на

Рис. 12. Квитанция Тобольского казначейства об уплате взноса за орден Св. Станислава II степени в размере 30 руб. секретаря консистории Я. Афанасьева 24 сентября 1914 г.

Вслед за рапортом помещены квитанция Казначейства об уплате 30 руб. за орден секретаря консистории Я. Афанасьева (рис. 12) (Л. 17), письмо Тобольского духовного училища в ТДК об отправке квитанции (Л. 18) и сама квитанция (Л. 19) Тобольского казначейства на 15 руб. за преподавателя П.М. Доброхотова 12 сентября 1914 г. (получено 16 сентября), письмо из правления Тобольской духовной семинарии об уплате 23 октября 1914 г. 60 руб. за преподавателей Н. Городкова и К. Сплendorова (Л. 20) и квитанция (Л. 21).

После того, как ТДК получила все квитанции и сопроводительные документы об уплате денег за ордена, она составила 28 октября 1914 г. представление товарищу обер-прокурора Синода П.С. Даманскому о внесении денег в Тобольское казначейство за всех представленных к награде (Л. 22). Последний документ в деле – отпуск ТДК от 25 октября 2014 г. в канцелярию Александровского комитета о раненых насчет внесения денег в Тобольское казначейство (Л. 23). К сожалению, не все документы рассмотренного дела сохранились, так, отсутствуют квитанция об уплате денег за орден А.Я. Бобылева, его формулярный список.

Таким образом, процесс получения ордена являлся в начале XX в. весьма длительным: решение консистории было принято 27 сентября 1913 г., решение Синода – 6 мая 1914 г., выдача орденов состоялась после 30 июня, т.е. прошло примерно 9 месяцев, а на высылку денег за ордена потребовалось еще 4 месяца. Скорее всего, сказались значительная удаленность ТДК от обер-прокурора Синода и бюрократизация процедуры.

В заключение можно констатировать, что существование наградной системы и ее известная формализация объяснялись трактовкой гражданской службы как особого отношения между чиновником и государством, в рамках которого интересы государства являлись приоритетными. Чиновник, подчиняя свои интересы интересам высшей власти, отказываясь от свободного выбора места службы, размеров получаемого вознаграждения, свободной смены места службы, оставления ее, получал право на специальные награды, подобно военнослужащему. При этом их получение становилось возможным как за особые заслуги, так и за добросовестное выполнение своих повседневных обязанностей. Характеризуя развитие системы наград в XIX в., необходимо отметить

стремление к ее упорядочению, особенно заметно проявившееся в последней четверти этого столетия. Влияние ведомственного начала в функционировании гражданской службы привело к передаче производства наград в руки министров и руководителей ведомств. Данная им свобода в представлении к наградам способствовала обесцениванию орденов. Своеобразной реакцией со стороны верховной власти стали попытки формализации наградного производства путем установления определенных норм наград для каждого ведомства. Такая практика, с одной стороны, противоречила самой идее награды как отличия за заслуги, а с другой – позволяла сделать процедуру назначения более контролируемой. Предложенные Комиссией по разработке проекта нового устава о службе гражданской изменения увеличивали число наград, которые мог получить чиновник, но вместе с тем делали практически невозможным получение в обычном порядке высших степеней орденов и чинов (Зубов 2009: 16). Изучение фактического материала о награждении лиц духовного звания орденами (государственными наградами), повышавшими сословный статус и дававшими права дворянского состояния, раскрывает один из механизмов формирования национальной элиты, оставившей заметный след в культурно-просветительской жизни Российской империи (Лушин 2013: 39).

Литература

Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. 156. Оп. 11. Д. 674. Л. 1–42; Д. 1368. Л. 1–26; Д. 1442. Л. 1–32; Д. 1630. Л. 1–19; Оп. 18. Д. 1074. Л. 1–24.

Зубов Е.В. 2009. Кризис наградной системы Российской империи во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Челябинского государственного университета 23 (161). История 33, 13–16.

Калашиникова А.В. 2015. Память о войне в истории отечественной наградной системы // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств 6 (68), 156–159.

Курас Т.Л. 2010. Награждение орденами членов судебных палат в Российской империи // Сибирский юридический вестник 3 (50), 110–114.

Лушин А.Н. 2013. Приобретение дворянства лицами духовного звания в Российской империи в XVIII – начале XX века: историко-

правовой аспект // Вестник Нижегородской академии МВД России 21, 37–39.

Малинкин А.Н. 2013. Награда как социальный феномен. Введение в социологию наградного дела. Санкт-Петербург; Москва: Центр гуманитарных инициатив.

Никольский Н.М. 1983. История Русской церкви. Москва: Политиздат.

Попов М. 1907. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. URL: <http://www.classes.ru/all-russian/dictionary-russian-foreign2-term-26123.htm> (дата обращения: 16.01.2017).

Рикман В.Ю. 1992. Дворянское законодательство Российской империи. Москва: МП «Герольдия».

Российские императорские и царские ордена: Краткий исторический очерк, выдержки и орденских статусов и правила ношения орденов. 1901. Санкт-Петербург: Тип. П. П. Сойкина.

Сорокин П.А. 1999. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали: К 110-й годовщине со дня рождения / Подг. В.В. Сапов. Санкт-Петербург: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института.

Шепелев Л.Е. 1999. Чиновный мир России: XVIII – начало XX вв. Санкт-Петербург: Искусство-СПб.

Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). 1830а. Собр. 1. Т. XIX. Санкт-Петербург: III Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.

ПСЗРИ. 1830b. Собр. 1. Т. XXI. Санкт-Петербург: III Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.

ПСЗРИ. 1830c. Собр. 1. Т. XXII. Санкт-Петербург: III Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.

ПСЗРИ. 1830d. Собр. 1. Т. XXIII. Санкт-Петербург: III Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.

ПСЗРИ. 1830e. Собр. 1. Т. XXIV. Санкт-Петербург: III Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.

ПСЗРИ. 1830f. Собр. 1. Т. XXVI. Санкт-Петербург: III Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.

ПСЗРИ. 1830g. Собр. 1. Т. XXVII. Санкт-Петербург: III Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.

ПСЗРИ. 1830h. Собр. 1. Т. XXIX. Санкт-Петербург: III Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.

ПСЗРИ. 1830i. Собр. 1. Т. XXXIII. Санкт-Петербург: III Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.

ПСЗРИ. 1830j. Собр. 1. Т. XXXV. Санкт-Петербург: III Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.

Глава 5

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ТРОИЦКОСАВСКОГО УЕЗДНОГО УЧИЛИЩА

Аннотация. История образования в Сибири продолжает привлекать внимание заинтересованных исследователей. Троицкосавское уездное училище, возникшее в начале XIX в., стало не только образовательным, но и культурным центром на просторах Восточной Сибири. Вовлекаемые в научный оборот архивные материалы позволяют дать характеристику его деятельности в 1860-е гг. Вводятся в научный оборот важные письменные источники, которые дают представления о малоизвестных научных изысканиях Н.Н. Попова, больше известного как преподавателя и смотрителя уездного училища.

Ключевые слова: система образования, Восточная Сибирь, Троицкосавское уездное училище, Н.Н. Попов, научная экспедиция, послужной список, архивный источник.

Одно из первых уездных училищ в Зауралье было открыто 15 сентября 1812 г. в Троицкосавске (Маланов 2011: 20). Город быстро развивался, пользуясь выгодным географическим положением и торговым транзитом с Китаем. Об этом свидетельствует и оборот здешней торговли. Например, к началу 1840-х гг. ее объем в денежном выражении превысил 16 млн руб., а в период наивысшего расцвета достигал 30 млн руб. Развитие торговли оказывало влияние на строительство зданий и численность купцов, о чем свидетельствуют следующие цифры: «В 1813 г. в городе было 221 здание, в 1825 г. – 498, в 1857 г. – 957, в 1870 г. – 1016. В начале XIX в. проживало 80 купцов, в 1861 г. – 500» (Евдокимова 1978: 70, 76, 77). Но общая численность населения Забалуй-городка (его народное название), который являлся культурным центром всего Забайкалья и Восточной Сибири в целом, оставалась небольшой (например, в 1829 г. – 4054 человека), о чем свидетельствуют и данные о количестве учеников в уездном училище. И.А. Маланов отмечает, что «контингент учащихся в Верхнеудинском и Троицкосавском уездных училищах в течение

первой половины XIX в. не превышал 110–112 человек» (Маланов 2011: 20). И.Н. Мамкина же конкретизирует численность учеников в последнем училище по годам, например, в 1813/14 уч.г. – 66 учеников, в 1815/16 – 61, а 1831/32 – 77. Эти цифры подтверждаются и сведениями из публикуемого документа, датированного 1860 г., в котором указывается, что в доме училища «в настоящее время с трудом помещается только до 60 человек».

Исследователи истории образования Забайкальского края (Чапоргина 1995; Кузнецова 2000; Комлева 2006: 76–95) проделали большую работу, но в истории Троицкосавского училища, как свидетельствуют архивные материалы, остается немало пробелов. Следует отметить, что в публикуемых работах большая часть отведена именам окончивших это учебное заведение и оставивших заметный след в различных областях культуры и науки, прежде всего естественных направлений, краеведения, литературы.

Несмотря на значительные достижения в изучении немногочисленных учебных заведений в Зауралье архивы продолжают хранить ценные сведения, в том числе и неизвестные или малоизвестные факты по их учебной и культурной деятельности, финансовом положении, библиотечных фондах, учителях и смотрителях.

В приложении 1 публикуется значительная по объему подборка архивных материалов (правда, не всех), касающихся расширения здания Троицкосавского уездного училища за счет пристройки и строительства отдельного флигеля для штатного смотрителя. Документ имеет название «Об исправлении в доме Березовского уездного приходского училища и о возведении пристройки к дому Троицкосавского уездного училища. Началось: 1 сентября 1860 года, окончен: 11 марта 1863» (РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 229. Л. 1–30). В нем приведена переписка между кяхтинским градоначальником, Министерством народного просвещения, Министерством финансов, Департаментом народного просвещения, Департаментом государственного казначейства о выделении необходимой суммы на нужды предполагаемого строительства. Примечательно, что на документах стоят подписи известных государственных деятелей империи, министров народного просвещения Е.П. Ковалевского, графа Е.В. Путятина, А.В. Головина (как видим, за время переписки сменилось три министра), министра финансов А.М. Княжевича, начальников Департамента народного

просвещения и Государственного казначейства, генерал-губернатора Западной Сибири, главного инспектора училищ Западной Сибири. Заметим, что вся переписка, продолжавшаяся 2,5 года, завершилась весьма благополучно для дела – все необходимые средства были выделены. В деле имеются и другие важные документы и сведения, которые следует опубликовать: сметы, планы пристройки и флигеля. Заметим, что в названном документе имеются отдельные сведения и о Березовском уездном училище¹ (Митрофанов 2016: 30–67). Так как оба училища упоминаются в материалах вместе, мы считаем оправданным опубликовать их без сокращения, за исключением отдельных мест, где говорится об учебных заведениях Харьковского и Казанского (касающихся Европейской России) учебных округов. Опущенные места обозначены многоточием, не публикуется текст на Л. 25 (черновые записи и подсчеты), а также упомянутые выше сметы и планы.

Троицкосавское училище было одним из немногих в Восточной Сибири, где получали образование, работали известные далеко за пределами этой территории ученые, литераторы, издатели, краеведы, педагоги, деятели культуры. Например, И.Н. Мамкина указывает, что здесь «началась педагогическая деятельность известного сибирского поэта, этнографа Дмитрия Павловича Давыдова, в конце XIX в. в училище работали краеведы, археологи Петр Саввич Михно², Александр Павлович Мостиц¹» (Мамкина 2015: 78).

¹ Штатным смотрителем березовских училищ в это время был протоирей Иоанн Матвеевич Заборовский.

² Михно Петр Саввич (1867–1938) – инициатор, один из основателей, первый хранитель (1889–1894) и первый директор (1922–1937) Кяхтинского краеведческого музея им. академика В.А. Обручева, член распорядительного совета Троицкосавско-Кяхтинского отделения географического общества, ученый, краевед. В Троицкосавске начал работать учителем четырехклассного городского училища, позднее стал инспектором народных училищ в Забайкалье, был председателем комиссии по народному образованию в Троицкосавской городской думе. Заметим, что автор допускает неточность. П.С. Михно не мог работать в Троицкосавском уездном училище, поскольку к моменту окончания Глуховского учительского института в 1888 г. и переезду уездное училище в 1886 г. было преобразовано в четырехклассное городское.

Д.П. Давыдов (1811–1888) известен прежде всего своим стихотворением (1848 г.), на слова которого была написана песня «Славное море – священный Байкал», считающаяся народной и являющаяся неофициальным гимном Иркутской области. Помимо литературных трудов (Кудрявцев 1928: 77–92; Давыдов 1929: 765; Андреев 1956: 150–164; Андреев 1961: 32,33; Трушкин 1984: 91–95; Первый... 2007: 35) и сбора этнографических материалов, Д.П. Давыдов занимался краеведением, имел частную коллекцию по археологии, флоре и фауне Забайкалья.

Немало он потрудился и на ниве просвещения, работал в 1830–1833 гг. сначала учителем в Троицкосавском и Верхнеудинском уездных училищах. Затем 13 лет жил в Якутии и был смотрителем тамошних училищ, а с 1846 по 1859 гг. исполнял обязанности штатного смотрителя Верхнеудинского уездного училища.

Д.П. Давыдов активно занимался археологическими изысканиями. Институализация археологии как науки произошла на рубеже XIX–XX вв. О.М. Мельникова, недавно давая коллективный социальный и профессиональный портрет деятелей российской археологии второй половины XIX – начала XX в., нашла его «весьма пестрым», отнеся к археологам «профессоров университетов, государственных служащих, земских деятелей,

Следовательно, автор отождествляет эти учебные заведения. Правда, в своей последней работе исследовательница устраняет неточность, когда пишет: «Послужной список учителя городского четырехклассного училища в Троицкосавске П.С. Михно иллюстрирует нарушение сроков чинопроизводства» (Мамкина 2016: 20), но при этом не отмечает свою ошибку. Эта ситуация относится и к работе А.П. Мостица.

¹ Мостиц Александр Павлович (1865–1899) – Кяхтинский краевед, обладающий солидными познаниями в археологии. С 1886 г. Мостиц учительствовал в забайкальском Тарбагатае, поэтому также не мог преподавать в уездном училище Троицкосавска. Заметим, что эта неточность И.Н. Мамкиной повторяется (Мамкина 2014: 25). Об этом свидетельствует и сам А.П. Мостиц. В недавно опубликованном его письме от 2 декабря 1895 г. на имя И.Т. Савенкова читаем: «В течение 8-ми лет у меня окончил курс со свидетельствами более сорока мальчиков, да около 20-ти девочек. Есть мои ученики в Реальном училище, в женской гимназии и в городском училище» (Константинов, Оводов, Вдовин 2012: 11). Большой резонанс вызвал его доклад (Мостиц 1894: 10–18).

преподавателей в системе духовного и светского образования, инженеров, предпринимателей, купцов, студентов, писателей, врачей, помещиков, священнослужителей, журналистов, рабочих, военных, художников, агрономов, лесничих» (Мельникова 2011: 337). Одним из известных открытий Д.П. Давыдова является Иволгинский олений камень. О значимости его свидетельствует и факт исследования этих памятников позднего бронзового и раннего железного века выдающимся археологом А.П. Окладниковым, который и предложил название камня, теперь широко известного среди археологов. А археолог Ю.С. Худяков в 1980-е гг. на основе их изучения ввел понятие «культура херексуров и оленных камней» (Худяков 1987: 136–162; Цыбиткаров 2014: 62–65). Значимость открытия П.Д. Давыдова, как и вся его археологическая и краеведческая деятельность, подтверждается избранием его в члены Сибирского отдела Императорского Русского географического общества.

Имя Василия Петровича Паршина (1805–1853) – известного краеведа, писателя, автора «Описания» (Паршин 1851), также связано с Троицкосавским уездным училищем, где он был учителем 1 класса в 1833–1835 гг., одновременно исполнял должность инспектора в Троицкосавской войсковой русско-монгольской школе. Ценность его труда, помимо заметок о путешествии, составляют выписки из трудов Миллера, обнаруженные автором случайно в Нерчинске.

С деятельностью учителя русского языка Троицкосавского училища П. С. Андруцкого связано начало издания «Кяхтинского листа». Инициатива издания газеты и все согласительные процедуры в столичных коридорах власти принадлежат кяхтинскому градоначальнику в 1859–1862 гг. Александру Ивановичу Деспот-Зеновичу (Деспот-Братошинскому-Зеновичу) (1828–1895), впоследствии Тобольскому губернатору (Наджилова 1999). Он же ходатайствовал и о расширении площадей для училища, о чем свидетельствуют публикуемые архивные документы.

Известный в свое время сибирский поэт из купеческого сословия (в конце жизни, правда, разорившийся) Иван Михайлович Немчинов (1857–1904) в 1873–1876 гг. исполнял обязанности почетного блюстителя Троицкосавского уездного училища.

И.А. Лалетин, представитель известной семьи, немало сделавшей для развития образования в Троицкосавске, был штатным смотрителем уездного училища с 1875 г. В 1895 г. его избрали членом Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества¹.

Троицкосавское училище упомянуто в отчете единственного визитатора Сибирских губерний, известного поэта (Сибиряк (Ядринцев Н.М.) 1885), писателя, историка-краеведа (Словцов 1828; Словцов 1838–1844) П.А. Словцова (Словцов 1828; Степанов 1935), названного «сибирским Карамзиным» (Дубровский 1914: 203–220). В сентябре 1824 г. он направил «специальное представление» по завершению ревизии учебных заведений Восточной Сибири Училищному комитету Казанского университета, в котором назвал 5 уездных училищ, кроме Якутского, и 7 приходских училищ (подробнее об этой поездке см.: Кудрявцев 1926).

Помимо перечисленных учителей, штатных смотрителей Троицкосавского уездного училища следует упомянуть еще одного, усердно занимавшегося (кроме учительского труда) изучением природы Забайкалья – энтомолога Николая Николаевича Попова. Его имя по праву стоит рядом с такими его земляками, в разное время жившими или посещавшими Троицкосавск, как, например, выдающиеся ученые-востоковеды А.В. Игумнов² (Полунина 2000: 3–9; Кузьмин, Свинин, Игумнов 2006: 48–53), О.М. Ковалевский³, П.Л. Шиллинг⁴, Н.Я. Бичурин¹, педагоги и писатели

¹ На заседании речь шла о выборе новых членов Отделения по причине выезда из города, в том числе и И.А. Лалетина (Императорское... 1912: 7).

² Игумнов Александр Васильевич (1761–1834) – монголовед, служил в Кяхте, Нерчинске, Верхнеудинске и Иркутске.

³ Ковалевский Осип Михайлович (1800–1878) – основоположник монголоведения в России, лингвист-этнограф, профессор, академик Петербургской АН (1847), действительный и почетный член научных обществ Европы. За свои труды получил бриллиантовый перстень от Николая I и рескрипт от прусского короля.

⁴ Шиллинг Павел Львович (барон фон Капштатт) (1786–1837) – русский ученый, электротехник, востоковед, путешественник, член-корреспондент Петербургской АН (1828), член национальной корпорации французских востоковедов и Британского общества азиатской

В.П. Паршин, Д.П. Давыдов, ботаник Н.С. Уфтюжанинов, врач и литератор А.И. Орлов².

О Н.Н. Попове помещаем здесь ряд архивных документов, обнаруженных в Российском государственном историческом архиве (далее – РГИА). Их можно разделить по тематике на две части. Первая – организация экспедиции (*Приложение 2*), отраженная в документе «По ходатайству Председателя Выборгской Уголовной Палаты Графа Маннергейма о содействии Министерства Народного Просвещения Штатному Смотрителю Троицкосавского уездного училища Попову к совершению им ученого путешествия в окрестности Нерчинска. Началось: 25 ноября 1852 года, кончено: 12 апреля 1853 года» (РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 102. Л. 1–9). Имя Н.Н. Попова было известно не только в столице, его знали важные особы империи, он был избран в 1851 г. действительным членом Штатного энтомологического общества в Пруссии и членом сотрудником Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Публикуемые документы

литературы. После окончания Кадетского корпуса (1802) служил в Генштабе русской армии; участвовал в Отечественной войне 1812 г. В 1830–32 гг. руководил научной экспедицией в Забайкалье и Монголию с целью обследования положения местного населения и состояния торговли у северных и западных границ Китая. Посетил Кяхту (1830) и с. Нерчинский Завод (1831). Собрал коллекцию китайских, маньчжурских, монгольских и тибетских рукописей.

¹ Бичурин Никита Яковлевич (в монашестве Иакинф, с 1800 г.) (1777–1853) – китаевед, лингвист-этнограф, переводчик, миссионер, член-корреспондент Петербургской АН (1828). С 1802 г. архимандрит Вознесенского монастыря (близ Иркутска), в 1807–1820 гг. – Пекинской православной миссии. С 1826 г. переводчик в Министерстве иностранных дел России. В 1830-х гг. проживал в Кяхте одновременно с П.Л. Шиллингом. В Кяхте открыл первую в России школу китайского языка, преподавал в ней, создал первый учебник китайского языка («Китайская грамматика»).

² Орлов Александр Иванович (1802–1851) – врач. В 1826 г. после окончания Московского отделения Медико-хирургической академии определен в Кяхту врачом на таможеню. Выпускал рукописные газеты и журналы («Стрекоза», «Кяхтинский литературный цветник», «Метляк» и др.), в подготовке которых принимали участие декабристы. Автор стихотворных комедий, посланий, эпиграмм.

написаны известными в России учеными (графом К.Г. Маннергеймом, С.И. Давыдовым, П.Н. Фусом) и высшими сановниками Российской империи (П.И. Гаевским), другие подписаны в том числе министрами (графом А.Г. Армфельтом, князем П.А. Ширинским-Шихматовым).

Автор известных трудов по энтомологии К.Г. Маннергейм (Mannerheim 2001: 107–108; Mannerheim 2008: 2284), описавший многие виды жесткокрылых по сборам из Сибири, Аляски, Калифорнии, инициировал ходатайство о финансировании экспедиции Н.Н. Попова по изучению фауны в окрестностях Нерчинска. При этом дает замечательную характеристику сибирского исследователя, называя его «наблюдателем, одаренным замечательными способностями и во многих науках очень сведущим».

Вторая подборка документов (*Приложение 3*) касается назначения пенсии Н.Н. Попову. Документ имеет название: «О назначении Штатному Смотрителю Троицкосавского уездного училища Попову в пенсию полного оклада жалования с оставлением в должности еще на пять лет. Началось: 5 дек. 1852 года, кончено: 1852 года» (РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 103. Л. 1–12). Представляет интерес послужной список Н.Н. Попова, раскрывающий малоизвестные факты его биографии, учительской и научной деятельности. В должности штатного смотрителя училища Н.Н. Попов был многие годы, а назначен был в 1839 г. Многочисленные материалы, связанные с училищем, отложились в Национальном архиве Бурятии. Например, имеются письма, написанные смотрителем училища в адрес редакции журнала «Отечественные записки», о присылке номеров за 1856 г. с приложенными 17 руб. (НАРБ. Ф-172. Оп. 1. Д. 80. Л. 24).

Таким образом, вводимые в научный оборот архивные материалы позволяют воссоздать неизвестные страницы истории развития образования в Зауралье, в частности, в Троицкосавском и (в меньшей степени) Березовском уездных училищах. Важным следует признать публикацию сведений о замечательном исследователе Забайкалья, чье имя было широко известно среди специалистов-этимологов, Н.Н. Попова, оставившем заметный след и в развитии образования края.

Литература

Андреев В.И. 1956. Д.П. Давыдов как деятель просвещения Бурятии // Записки Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры XXII. Улан-Удэ, 150–164.

Андреев В.И. 1961. Д.П. Давыдов – выдающийся учитель и просветитель // Выдающиеся учителя и просветители Бурятии. Улан-Удэ: б. и.

Давыдов Д.П. 1929. Сибирская советская энциклопедия. Т. 1. Новосибирск: Западно-Сибирское отделение ОГИЗ.

Дубровский К. 1914. Сибирский Карамзин // Сибирский архив. Кн. 5. С. 203–220.

Евдокимова С.В. 1978. Хозяйственная жизнь и население города Кяхты в XIX в. // Кяхте – 250 лет: сборник статей. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во.

Императорское Русское Географическое общество. Труды Троицко-савско-Кяхтинского Отделения Приамурского отдела. 1910. Т. 13. Вып. 2. Санкт-Петербург, 1912.

Календарь знаменательных и памятных дат истории Бурятии на 2016 год. 2015 / Авт.-сост. Б.Ц. Жалсанова, Н.Г. Сорокикова, Л.Ш. Чимитдоржиева. Улан-Удэ: Государственный архив республики Бурятия.

Комлева Е.В. 2006. Сибирское учительство в конце VIII – первой половине XIX в.: проблемы социокультурной адаптации // Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах: Сборник научных трудов. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т.

Константинов М.В., Оводов Н.Д., Вдовин А.С. 2012. Жизнь и открытия учителя Александра Мостица // Вестник Бурятского университета Спецвыпуск, 9–17.

Кудрявцев Ф.А. 1928. Забытый сибирский поэт Д. Давыдов // Сибирский литературно-краеведческий сборник. Иркутск, 77–92.

Кузьмин Ю.В., Свинин В.В. 2006. А.В. Игумнов – начало иркутского монголоведения // История изучения Монголии в Иркутске. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 48–53.

Кузнецова М.В. 2000. Иркутская школа (XVIII – первая половина XIX веков). Иркутск: Областная типография.

Маланов И.А. 2011. Становление образовательного пространства в Бурятии с XVIII до начала XX века // Вестник Бурятского государственного университета 1, 17–23.

Мамкина И.Н. 2014. Уездные училища Восточной Сибири в XIX в. // Гуманитарный вектор 3 (39), 22–27.

Мамкина И.Н. 2015. Развитие системы начального образования в Забайкальской области в XIX – начале XX века. По архивным материалам

и опубликованным источникам // Гуманитарный вектор. Сер. История. Политология 3 (43), 74–83.

Мамкина И.Н. 2016. Организационно-правовые основы государственной службы в системе народного просвещения в конце XIX – начале XX вв. (на примере Восточной Сибири) // Гуманитарный вектор. Т. 11, № 4. С. 20–24.

Мельникова О.М. 2011. Археология в России как профессия: историко-научный взгляд (вторая половина XIX – начало XX в.) // Труды III (XIX) Всерос. Археологического съезда: В 2 т. Санкт-Петербург; Москва; Великий Новгород. Т. 2. С. 336–337.

Митрофанов В.В. 2016. Очерки по истории Тобольска, Березова и Сургута в XIX веке. Екатеринбург: ФОРТ ДИАЛОГ-Исеть.

Мирзоев В.Г. 1970. П.А. Слозцов // Мирзоев В.Г. Историография Сибири: (Домарксистский период). Москва: Мысль, 168–181.

Мостиц А.П. 1894. Археологические находки в окрестностях слободы Усть-Кяхты // Протоколы Троицкосавско-Кяхтинского общества Приамурского отдела императорского русского географического общества 3. Приложение 1. С. 10–18.

Намжилова Д.Ц. 1999. История периодической печати Бурятии: Вторая половина XIX в. – 1937 г.: Дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ.

Национальный архив Республики Бурятия. Ф-172. Оп. 1. Д. 80. Л. 24.

Паршин В.П. 1851. Описание пути от Иркутска до Москвы, составленное 1849 г. В.П. Москва: Тип. Александра Семена.

Первый и единственный гимн озера Байкал. 2007 // Иркутская область. Книга рекордов. Иркутск: ООО «Приус».

Полунина М.Н. Иркутский монголовед Александр Васильевич Игумнов (1761–1834). 2000 // Тальцы 4(11), 3–9.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733.

Сибиряк (*Ядринцев Н.М.*). 1885. Судьба сибирской поэзии и старинные поэты Сибири // Литературный сборник: собрание научных и литературных статей о Сибири и Азиатском Востоке / Ред. «Восточное обозрение»; ред. Н.М. Ядринцев. Санкт-Петербург: Издание редакции «Восточного обозрения»: Типография И. Н. Скороходова, 407–425.

Слозцов П.А. 1828. Письма из Сибири. Москва: Тип. С. Селивановского, 112 с.

Слозцов П.А. 1838. Историческое обозрение Сибири. Санкт-Петербург: Тип. И.Н. Скороходова, 1838–1844. Кн.1. 589 с.; Кн. 2. 524 с.

Степанов Н. 1935. П.А. Слозцов: (У истоков сибирского областничества). Ленинград: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР.

Трушкин В.П. 1984. Послужной список Дмитрия Давыдова (Новые материалы к биографии автора «Славного моря») // Сибирь 3, 91–95.

Худяков Ю.С. 1987. Херексурсы и оленные камни // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск: Наука, 136–162

Чапоргина Н.А. 1995. Общеобразовательная школа Восточной Сибири как фактор социокультурного развития края (на материале пореформенного периода XIX в.): Дис. ... канд. ист. наук. Москва.

Цыбиктаров А.Д. 2014. «Загадка» культуры херексуров и оленных камней в Забайкалье // Вестник Бурятского государственного университета 7, 62–65.

Herman L.H. 2001. Mannerheim, Carl Gustav von (англ.) // Bull. Am. Mus. Nat. Hist. № 265. P. 107–108.

Mannerheim, Carl Gustav Von // Encyclopedia of Entomology / John L. Capinera. 2nd ed. Springer, 2008. Vol. 3. P. 2284. 4346 p.

Приложение 1

Об исправлении в доме Березовского уездного приходского училища и о возведении пристройки к дому Троицкосавского уездного училища. Началось: 1 сентября 1860 года, окончен: 11 марта 1863

31 августа 1860. № 5594

Министерство Внутренних Дел.

Кяхтинский градоначальник.

26 июля 1860 г.

№ 1792

г. Троицкосавск.

Господину Министру Народного просвещения.

В 1811 г. Кяхтинский купец Кожевин пожертвовал для помещения Троицкосавского уездного училища принадлежавший ему деревянный дом в 8 саж[ень]¹ длиною и 6½ саж[ень] шириною.

¹ Сажень, или сажень – старорусская единица измерения расстояния. В XVII в. основной мерой была казенная сажень (утвержденная в 1649 г. Соборным уложением), равная 2,16 м и содержащая три аршина (72 см) по 16 вершков. Еще во времена Петра I русские меры длины были уравнены с английскими: русская сажень к английскому футу относилась как 1:7, сажень стала значить 2,1336 метров.

Дом этот, выстроенный для частного лица и принаровленный по возможности для училища, сначала мог удовлетворять, хотя и не без затруднений, своему назначению, но в настоящее время оказывается совершенно неудобным, потому что число учеников против прежних лет значительно увеличилось вследствие поступления в училище солдатских детей, обращенных из кантонистов в податное состояние. Недостаток помещения так ощутителен, что в нынешнем году нельзя будет принять в училище более 5 мальчиков, между тем как в сентябре ожидается их к помещению в первый класс не менее 30 человек.

С другой стороны, недостаток в здешнем крае учебных заведений, в которых юношество могло бы получать достаточное образование, и увеличивающаяся потребность в расширении круга знаний, указывает на необходимость преобразовать существующее 3-х классное училище в 5-ти классное. Но в доме училища в настоящее время с трудом помещается только до 60 человек.

К устранению всех этих недостатков представляется 2 способа: или увеличить помещение училища необходимою пристройкой с устройством особого флигеля для квартиры Штатного Смотрителя или нанять для 1 класса особый дом.

Первый способ выгоден тем, что здание будет соответствовать всем потребностям, обуславливающим учебное заведение в педагогическом и гигиеническом отношениях, совмещая при том нераздельный и ближайший надзор за учениками и учителями со стороны Смотрителя училища. Наем же особого дома, не доставляя этих удобств, представляет еще ту очевидную невыгоду, что училище должно будет нести совершенно лишней невознаградимый расход на плату за частное помещение не менее 300 р[уб.] ежегодно. При том же необходимо иметь в виду, что здесь очень трудно приискать удобный для предполагаемой цели частный дом.

По соображении этих условий признано необходимым расширить существующее училищное здание и построить особый флигель для Штатного Смотрителя. По смете (рассмотренной и утвержденной в Главном Управлении Восточной Сибири) исчислено на пристройку к училищу 6938 р[уб.] 71 к[оп.] и на постройку флигеля 3497 р[уб.] 22½ к[оп.]. Первоначально необходимо расширить здание училища. Постройку же отдельного флигеля для Штатного Смотрителя училища возможно отложить до

утверждения проекта о преобразовании уездного училища в 5-ти классное (о чем будет представлено особо по собрании нужных сведений) и до того времени Смотритель может помещаться в комнатах, предполагаемых в здании училища для 4 и 5-х классов¹.

Что касается способа перестройки здания, то, хотя по существующим правилам она должна быть отдана на подряд с торгов, но этот способ представляется во всех отношениях неудобным. Так как смета составлена сообразно действительной потребности в рабочих и материалах, то при постоянном увеличении здесь в последнее время цен на рабочих и строительные материалы трудно, чтобы нашлись подрядчики. Они всегда рассчитывают на прибыль от заготовления материалов и найма рабочих по дешевым ценам. Соблюдение установленных для производства торгов правил, составляя в настоящем случае только формальное исполнение закона, невыгодно, главным образом потому, что от этого теряется довольно значительное время, которое могло бы быть с пользою употреблено на современное и экономическое заготовление материалов и приискание рабочих. И на самую постройку через подряд не вполне можно полагаться. Все зависит от благонадежности подрядчика, а известно, как трудно найти для этого человека, который соединял бы в себе кроме зрелых практических познаний и опыта в строительном деле, еще и нравственные качества – честность и добросовестность. Опыт показывает, что здесь таких людей почти нет, по крайней мере, те подрядчики, которые до настоящего времени имели дело с казною, старались лишь о собственных выгодах, нередко нарушая данные ими обязательства. Если в незначительных подрядах нельзя избежать неисправности и своекорыстия подрядчиков, то тем более трудно доверяться при производстве довольно ценной постройки в училище. Единственным средством устранить эти невыгоды – предоставить перестройку училищного здания особому Комитету из Почетного и Штатного Смотрителей Троицкосавского уездного училища, Кяхтинского Городового Судьи, Архитектора

¹ Только 29 июля 1886 г. Троицкосавское уездное училище будет преобразовано в Троицкосавское городское трехклассное училище. Следовательно, планы были реализованы частично (Календарь 2015: 13).

Градоначальства и депутатов¹, избранных из городских жителей. По моему мнению, этим способом можно достигнуть самой тщательной экономной постройки и весьма значительного сбережения в сметной сумме. Ничто не может так гарантировать успех этого предприятия, как непосредственное участие в нем сказанного Комитета, составленного из людей заинтересованных в безукоризненном исполнении постройки. Личное же мое наблюдение за действиями Комитета будет служить достаточным ручательством за добросовестное исполнение обязанностей, возлагаемых на этот Комитет.

Имея честь донести об этом на усмотрение Вашего Высокопревосходительства и представляя план и смету с пояснительною запиской, я согласно предложению Г. Генерал-Губернатора Восточной Сибири от 6 ч[исла] настоящего месяца за № 252 долгом считаю покорнейше просить разрешения Вашего Высокопревосходительства на постройку здания Троицкосавского уездного училища чрез предполагаемый Комитет и распоряжении об асигновании исчислений по смете суммы.

РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 229. Л. 1–3 об.

16 сентября 1860. № 5941

Главное Управление Западной Сибири
по части управления гражданскими учебными заведениями
августа 27 дня 1860 года
№ 352 г. Омск

Господину Министру Народного Просвещения².

Директор училищ Тобольской губернии в представлении от 18 минувшего июля ходатайствует об исправлении комнаты в

¹ Здесь и далее подчеркнуто в документе.

² Ковалевский Евграф Петрович (1790–1867) – русский государственный деятель, горный инженер, директор Горного корпуса, затем в 1830–1836 гг. Томский губернатор и главный начальник Кольванских и Алтайских заводов, сенатор; с 1856 г. – попечитель Московского учебного округа, в 1858–1861 гг. – министр народного просвещения

Березовском уездном и приходском училищах с употреблением сего исчисления по смете 725 р[уб.] 46 ½ к[оп.] сер[ебром] из экономической суммы Березовского училища.

Признавая со своей стороны вышеозначенное исправление в доме Березовского училища совершенно необходимым и препровождая при сем составленную для сего смету, я имею честь представить таковое ходатайство Директора училищ Тобольской губернии на благоусмотрение Вашего Высокопревосходительства и вместе с тем покорнейше просить Вас, Милостивый Государь, об ассигновании на сей предмет семисот двадцати пяти руб. сорока шести с четвертью коп. сер[ебром] из экономической суммы Березовского училища, состоящей в билете Московского Опекунского Совета в количестве 1000 руб., который отправлен в Департамент Министерства Народного Просвещения вследствие отношения Вашего Высокопревосходительства от 23 минувшего марта за № 2111.

Генерал-Губернатор Западной Сибири, Генерал от Инфантерии¹
РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 229. Л. 4–4 об.

№ 1186

Министерство Народного Просвещения
Департамент
отделение 1
стол 1
30 сентября 1860 года
№ 6612
на № 352

Г. Генерал-Губернатору Западной Сибири.

Возвращая полученную при отношении Вашего Высокопревосходительства от 27 августа утвержденную Тобольскою Строительною Комиссией смету с приложениями на исправление комнаты в Березовском уездном и приходском училищах имею

¹ В это время (с 19 декабря 1850 г. по 13 января 1861 г.) генерал-губернатором Западной Сибири был Густав Христианович (Густав-Кристоф фон) Гасфорд (Гасфорт, Гасфордт) (1794–1874).

честь уведомить Вас, Милостивый Государь, что я со своей стороны соглашаюсь на производство показанных в смете работ на законном основании с торгов, а в случае безуспешности или невыгодности оных – хозяйственным способом. К сему считаю долгом присовокупить, что я вместе с сим отнесся к г. Министру Финансов об отпуске исчисленные по смете на упомянутые работы 725 руб. 46½ коп. в ведение Штатного Смотрителя Березовского училища из тамошнего Окружного Казначейства.

Мин[истр] Н[ародного] Пр[освещения] Е. Ковалевский.

РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 229. Л. 5–5 об.

М[инистерство] Н[ародного] Пр[освещения]

Департамент

Отделение 2

Стол 1

26 октября 1860 года

№ 7120

Господину Министру Финансов¹

Вследствие ходатайства г. Генерал-Губернатора Западной Сибири о разрешении исправления в доме, занимаемом Березовским уездным и приходским училищами и предложении Кяхтинского Градоначальника о возведении пристройки к дому Троицкосавского уездного училища, я нашел необходимым за неимением местных средств отнести потребный на упомянутые работы расход на строительную сумму вверенного мне Министерства. Посему имею честь обратиться к Вашему Высокопревосходительству с покорнейшей просьбою – сделать распоряжение об отпуске в ведение Штатных Смотрителей упомянутых училищ из местных Окружных Казначейств: а) на Троицкосавское училище четырёх тысяч пятисот руб. из 120 т. руб., оставленных по отзыву

¹ Княжевич Александр Максимович (1792–1872) – русский государственный деятель, сенатор (с 1854 г.), почетный опекун (со 2 сентября 1855 г.), действительный статский советник (с 12 апреля 1859 г.), министр финансов России (с 23 марта 1858 г. по 23 января 1862 г.), член Государственного совета (с 23 января 1862 г.).

Вашему от 30 июня за № 3812 в Главном Казначействе для удовлетворения безотлагательных расходов по Министерству и б) на Березовское: 628 руб. 15 к[оп.] из той же суммы и 97 руб. 31½ коп. из 30 т[ысяч] р[уб.], назначенных на починку и постройки училищных зданий в текущем году, итого семисот двадцати пяти руб. сорока пяти с половиною коп. сер., а всего пяти тысяч двухсот двадцати пяти руб. сорока шести с половиною коп. сер[ебром] о последующем покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, почтить меня уведомлением.

Мин[истр] Н[ародного] Пр[освещения] Е. Ковалевский.

РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 229. Л. 6–6 об.¹

М[инистерство] Н[ародного] Пр[освещения]

Департамент

Отделение 2

стол 1

26 октября 1860 года

№ 7121,

на № 1792

Господину Кяхтинскому Градоначальнику

В представлении от 26 минувшего июля Вы, Милостивый Государь, ходатайствуете о разрешении возвести пристройку к дому Троицкосавского уездного училища по утвержденным в Главном Управлении Восточной Сибири проекту и смете и об ассигновании на это исчисленной по смете суммы в количестве 6938 руб. 71 коп.

При всем убеждении моем в пользу предполагаемого расширения упомянутого училища за распределением уже суммы, которою могло располагать МНП в текущем году на удовлетворение строительных надобностей, я нашел возможным отпустить на пристройку к Троицкосавскому училищу только четыре тысячи пятьсот руб. сер. И вместе с сим отнесся к г. Министру Финансов об ассигновании сих денег в ведение Штатного Смотрителя Троицкосавского училища.

¹ Этот документ опубликован (Митрофанов 2016: 67. Примеч. 2).

Посему я по необходимости должен покорнейше просить Вас сделать зависящее распоряжение о производстве пристройки в меньшем против предложенного размере – дабы она обошлась никак не дороже назначенной на нее суммы. Вместе с сим я разрешаю предоставить производство пристройки под непосредственным Вашим наблюдением особому Комитету из лиц, поименованных в представлении.

Мин[ист]р Н[ародного] Пр[освещения] Е. Ковалевский.

РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 229. Л. 7–7 об.

16 ноября 1860

№ 7371

Министерство Финансов.
Департамент Государственного Казначейства
Бухгалтерия отделение 1
Стол 2
15 ноября 1860 года
№ 6904

О получении по билету заемного Банка под № 2390, 5128 р[уб.] 15 к[оп.] для отпуска оных Министерству Народного Просвещения.

Господину Министру Народного просвещения.

На отношение Вашего Высокопревосходительства за № 7120 имею честь уведомить, что ныне же поручено Иркутской и Тобольской Казенным Палатам отпустить в ведение Штатных Смотрителей на возведение к зданию одного пристройки 4500 р[уб.] и Березовских уездного и приходского на исправление в доме оных 628 р[уб.] 15к[оп.] всего 5128 р[уб.] 15к[оп.], кои отнесены расходом на счет 6581р[уб.] 79 к[оп.], остающихся в билете Заемного Банка под № 2390 на 120 т[ысяч] руб., отложенном на удовлетворение безотлагательных по Министерству Народного Просвещения расходов.

Министр Финансов

РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 229. Л. 8–8 об.

М[инистерство] Н[ародного] Пр[освещения]
Департамент
Отделение 2
Стол 1
12 декабря 1860 года
№ 7992

В Департамент Государственного Казначейства.

В отношении от 26 октября за № 7120 г. Министр Народного Просвещения просил г. Министра Финансов сделать распоряжение об отпуске на возведение пристройки к дому Троицкосавского уездного училища и на исправление в здании Березовских уездного и приходского училищ в ведение Штатных Смотрителей сих заведений из местных Окружных Казначейств: а) на Троицкосавское училище 4500 р[уб.] из 120 т[ысяч] р[уб.], оставленных в Главном Казначействе для удовлетворения безотлагательных расходов по Министерству и б) на Березовское: 628 р[уб.] 15к[оп.] из той же суммы и 97 р[уб.] 31½ к[оп.] из 30 т[ысяч] р[уб.], назначенных на починки и постройки училищных зданий в текущем году и того 725 р[уб.] 46½ к[оп.], а всего 5225 р[уб.] 46½ к[оп.] сер[ебром].

На сие г. Д[ействительный] Т[айный] С[оветник] Кияжевич от 15 текущего ноября за № 6904 отозвался, что Иркутской и Тобольской Казенным Палатам поручено отпустить на училища: Троицкосавское 4500 р[уб.] и Березовское 628 р[уб.] 15к[оп.], всего 5128 р[уб.] 15 к[оп.] и что деньги эти отнесены расходом на счет 6581 р[уб.] 79 к[оп.], остающихся от выше означенных 120 т[ысяч] руб. сер[ебром], так как из сего отзыва не видно, сделано ли со стороны Министерства Фин[ансов] распоряжение об отпуске потребных на исправления зданий Березовских училищ из 30 т[ысяч] р[уб.], назначенных на строительные надобности МНП,

то Д[епартамен]т Народного Просвещения¹ имеет честь покорнейше просить Д[епартамен]т Государственного Казначейства не оставить об этом уведомлением.

РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 229. Л. 9–9 об.

Министерство Финансов
Департамент Государственного Казначейства
10 декабря. 1860 г.
№ 16336

об ассигновании 97 р[уб.] 31 ½ к[оп.] на исправления в доме Березовского уездного и приходского училищ.

В Департамент Нар[одного] Пр[освещения].

Вследствие отношения г. Министра Народного Просвещения к г. Министру Финансов от 26 минувшего октября за № 7121 предписано Тобольской Казенной Палате отпустить в ведение Штатного Смотрителя Березовских училищ на исправления в доме, занимаемом означенными училищами, 97 р[уб.] 31½ к[оп.] на счет 30 т[ысяч] р[уб.], назначенных по Государственной Росписи сего года на постройки и починки училищных зданий, о чем Департамент Госуд[арственного] Казначейства имеет честь уведомить.

РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 229. Л. 10.

¹ Департамент народного просвещения (1803—1917) создан 7 1803 г. Являлся высшим совещательным органом в МНП, был наделен главным образом административно-распорядительными функциями. С сентября 1831 г. в департаменте была сосредоточена статистическая работа, а с июня 1835 г. — хозяйственные дела МНП, руководство архивом и книжным магазином, а также «Журналом Министерства народного просвещения».

Министерство Народного Просвещения
Департамент
Отделение 2
Стол 1
24 декабря 1860 года
№ 1368

В Пятое Отделение Департамента Народного Просвещения

Вследствие ходатайства г. Генерал-Губернатора Западной Сибири о разрешении исправления в доме, занимаемом Березовскими уездным и приходским училищами и представления Кяхтинского Градоначальника о возведении пристройки к дому Троицкосавского уездного училища, г. Министр Н[ародного] Пр[освещения] относился к г. Министру Финансов об отпуске в ведение Штатных Смотрителей упомянутых училищ из местных Окружных Казначейств: а) на Троицкосавское училище 4500 р[уб.] из 120 т[ысяч] р[уб.], оставленных в Главном Казначействе для удовлетворения безотлагательных расходов по Министерству и б) на Березовское: 628 р[уб.] 15к[оп.] из той же суммы и 97 р[уб.] 31½ к[оп.] из 30 т[ысяч] р[уб.], назначенных на починки и постройки училищных зданий в текущем году и того 725 р[уб.] 46½ к[оп.], а всего 5225 р[уб.] 46½ к[оп.] сер[ебром].

Ныне получены из Министерства Финансов отзывы, из которых видно, что Иркутской и Тобольской Казенным Палатам¹ предписано отпустить на училища: Троицкосавское 4500 р[уб.] и Березовское 628 р[уб.] 15к[оп.], всего 5128 р[уб.] 15 к[оп.] и что сих денег 5128 р[уб.] 15к[оп.] отнесены расходом на счет 6581 р[уб.] 79 к[оп.], оставшихся от вышеозначенных 120 т[ысяч] р[ублей], а остальные 97 р[уб.] 31½ к[оп.] на счет 30 т[ысяч] р[уб.], назначенных по Государственной Росписи сего года на постройки и починки училищных зданий.

О чем Второе Отделение Департамента Народного Просвещения, имеет честь сообщить Пятому Отделению.

РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 229. Л. 11–11 об.

¹ Губернский орган Министерства финансов по департаменту государственного казначейства. Впервые казенные палаты были учреждены Екатериной Великой в 1775 г.

Министерство Народного Просвещения
Департамент
Отделение 2
Стол 1
29 декабря 1860 года № 8389

г. Главному Инспектору училищ Западной Сибири.

В дополнение к отношению г. Министра Народного Просвещения к г. Генерал-губернатору Западной Сибири от 30 сентября за № 6612 Департамент Народного Просвещения имеет честь уведомить Ваше Превосходительство, что, как видно из полученного ныне отзыва Министра Финансов Тобольской Казенной Палаты, предложено отпустить в ведение Штатного Смотрителя Березовских училищ на исправление в здании тамошних уездного и приходского училищ, 725 р[уб.] 46½ коп.

РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 229. Л. 12.

Министерство Народного Просвещения
Департамент
Отделение 2
Стол 1
29 декабря 1860 года
№ 8391

г. Кяхтинскому Градоначальнику

В дополнение к предложению г. Министра Народного Просвещения от 26 октября за № 7121 Департамент Народного Просвещения имеет честь уведомить Ваше Превосходительство, что, как видно из полученного ныне отзыва Министра Финансов Иркутской Казенной Палаты, предложено отпустить в ведение Штатного Смотрителя Троицкосавского уездного училища на возведение к зданию оногo пристройки 4500 руб.

РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 229. Л. 13.

Министерство Финансов
Департамент Государственного Казначейства¹
31 декабря 1860 г.
№ 17295, ниже ответ на № 7992

В Департамент Народного Просвещения.

На отношении Департамента Народного Просвещения от 12 декабря за № 7992 Департамент государственного казначейства имеет честь уведомить, что об отпуске в ведение Штатного Смотрителя Березовского уездного и приходского училищ 97 р[уб.] 31½ коп. на исправление в здании тех училищ предписано Тобольской Казенной Палате от 10 декабря за № 28831, о чем в то же время за № 16366 уведомлен и Департамент Народного Просвещения.

РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 229. Л. 14.

7 ноября 1861 г. № 6703

Министерство Внутренних Дел
Кяхтинский Градоначальник
26 сентября 1861 г.
№ 2270 г. Троицкосавск

Господину Министру Народного Просвещения².

В донесении к бывшему г. Министру Народного Просвещения от 20 июля 1860 г. № 1792, объяснив весьма важным неудобство

¹ В 1821 г. из Экспедиции о государственных доходах, входившей в состав Государственного казначейства, при Министерстве финансов Российской империи был образован Департамент Государственного казначейства. Одновременно деятельность Государственного казначейства в качестве самостоятельного ведомства была прекращена. С учреждением Департамента в Российской империи окончательно сложился и был усовершенствован четкий механизм деятельности казначейств от центрального – Департамента Государственного казначейства до местных – губернских и уездных казначейств.

² Министром был назначен 28 июня 1861 г. граф Путятин Евфимий Васильевич, пробывший на этом посту всего полгода, до 25 декабря 1861 г.

существующего здания Троицкосавского уездного училища, я ходатайствовал об ассигновании 6958 р[уб.] 71 к[оп.], исчисленных по утвержденной установленным порядком смете на распространение этого здания для устранения тесноты в помещении училища и других недостатков.

Действительный Тайный Советник Ковалевский в предписании от 21 октября № 7121 отозвался, что при сем убеждении Его Высокопревосходительства в пользу предполагаемого расширения училища за распределением уже суммы, которою могло располагать Министерство в 1860-м году на удовлетворение строительных надобностей, представляется возможным отпустить только 4500 р[уб.] сер[ебром] и потому поручил произвести перестройку училища (через особый Комитет) в меньшем против предположенного размере, дабы она обошлась не дороже назначенной на нее суммы.

Согласно этому распоряжению, учредив для исполнения настоящего дела Комитет, я предложил ему, прежде всего, с особым смету и сообразить: не представится ли возможным при производстве перестройки хозяйственным образом исполнить ее согласно смете за 4500 р[уб.], в противном же случае обсудить и решить: какие именно работы по перестройке могут быть исключены из сметы без существенного изменения плана.

Комитет нашел, что так как недостаток против сметной суммы простирается более чем на половину ассигнованной Министерством суммы, то произвести перестройку во всем согласно плану и смете за эту сумму (4½ т[ысячи] р[уб.]) при дороговизне здесь строительных материалов и недостатку опытных рабочих не представляется никакой возможности; также, как невозможно произвести перестройку в меньшем, против предложенного, размере или исключить какие-либо сметные работы, ибо этим нарушилась бы цель самой перестройки – дать училищу более простора в помещении, вовсе несоответствующем ныне числу учащихся и другим не менее уважительным потребностям заведения; сметные же назначения представляют действительную потребность, которая далека от всякой роскоши или изысканности в отделке здания. Вообще, по доставленным Комитетом неопровержимым данным, основанным на строгом изучении всех условий строительного дела, оказалось, что предполагаемая перестройка

училища тогда только может принести пользу, когда будет осуществлена вполне, без изменений. Иначе нужно будет отказаться от надежды видеть училище доступным для учащихся без ограничения их числа и удовлетворяющим всем потребностям заведения, стоящим здесь первым в ряду учебных заведений Градоначальства.

По этим причинам, не признавая возможным ограничиться ассигнованною Министерством суммою 4500 р[уб.], я имею честь обратиться к Вашему Сиятельству с покорнейшей просьбою об отпуске остальной назначенной по смете суммы 2438 р[уб.] 71 к[оп.] с тем, что могущее быть сбережение при производстве работ по распоряжению Комитета будет возвращено впоследствии по принадлежности.

При этом долгом считаю довести до сведения Вашего Сиятельства, что смета на перестройку училища была уже рассмотрена Министерством, и что сказанный Комитет уже заготовил нужные для работы материалы и сделал распоряжения о прииспании рабочих людей, так что перестройка без затруднений будет окончена в 1862 году.

РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 229. Л. 15–16.

Министерство Народного Просвещения
Департамент
Отделение 2
Стол 1
17 марта 1862 года
№ 2100

г. Кяхтинскому Градоначальнику

По ходатайству Вашему, Милостивый Государь, от 26 сентября минувшего года, признав возможность отпустить из строительной суммы вверенного мне Министерства на возведение пристройки к дому Троицкосавского уездного училища в дополнение к ассигнованным уже 4500 р[уб.] еще 2438 р[уб.] 71 к[оп.], я вместе с сим отнесся к г. Управляющему Министерством Финансов об отпуске сих денег в ведение Штатного Смотрителя Троицкосавского училища.

Уведомляя Вас о сем, считаю неизменным присовокупить, что пристройка к Троицкосавскому училищу, согласно с предложением бывшего г. Министра Народного Просвещения должна быть произведена под непосредственным Вашим наблюдением с особым Комитетом из лиц, именованных в представлении Вашем от 26 июля 1860 г. за № 1792. Об окончании работ по училищу я буду ожидать Вашего донесения с возвращением могущего быть остатка от предназначенной на постройку суммы.

РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 229. Л. 17–17 об.

Министерство Народного Просвещения
Департамент
Отделение 2
Стол 1
17 марта 1862 года
№ 2109

г. Управляющему Министерством Финансов

Вследствие представлений Начальства Казанского и Харьковского учебных округов, Кяхтинского Градоначальника и Управляющего Иркутской губернией имею честь обратиться к Вашему Превосходительству с покорнейшей просьбою сделать распоряжение об отпуске из строительной суммы вверенного мне Министерства на текущий год: ... 2) в ведение Штатного Смотрителя уездных училищ: ... в) Троицкосавского – двух тысяч четырехсот тридцати восьми руб. семидесяти одной коп. на пристройку к дому сего заведения из Троицкосавского уездного Казначейства.

РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 229. Л. 18.

Министерство Финансов
Департамент Государственного Казначейства
27 марта 1862 г.
№ 1541

об ассигновании денег на исправление училищных зданий

Господину Управляющему Министерством
Народного Просвещения.

Вследствие отношения Вашего Превосходительства от 17 марта № 2109 предложено подлежащим Казенным палатам в отпуске в ведение Штатного Смотрителя Троицкосавского уездного училища на пристройку к дому сего заведения 2438 р[уб.] 71 к[оп.] на пристройку к дому сего заведения на счет суммы, назначенной по Государственной Росписи сего года на постройку и починку училищных зданий.

О чем имею честь Вас, Милостивый Государь, уведомить.

РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 229. Л. 19–19 об.

Министерство Народного Просвещения
Департамент
Отделение 2
Стол 1
31 марта 1862 года
№ 2522

г. Кяхтинскому Градоначальнику

В дополнение к предложению г. Управляющего Министерством от 17 текущего марта за № 2100 Д[епартамент] Н[ародного] П[росвещения] имеет честь уведомить Вас, Милостивый Государь, что, как видно из полученного отзыва, Министерство Финансов предложило подлежащей Казенной Палате об отпуске в ведение Штатного Смотрителя Троицкосавского уездного училища на пристройку к дому сего заведения 2438 р[уб.] 71 к[оп.].

РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 229. Л. 20.

Министерство Народного Просвещения
Департамент
Отделение 2
Стол 1
31 марта 1862 года
№ 402

В Пятое Отделение Департамента Народного Просвещения.

Вследствие представлений начальства Казанского и Харьковского учебных округов, Кяхтинского Градоначальника и Управляющего Иркутской губернией, г. Управляющий Министерством Народного Просвещения разрешил произвести в текущем году необходимые ремонтные и другие исправления некоторых училищных зданий, а именно: ... Троицкосавского.

Вместе с тем г. Управляющий Министерством отнесся к г. Управляющему Министерством Финансов об отпуске из строительной суммы Министерства Народного Просвещения на текущий год, а именно: ... в) Троицкосавского – 2438 р[уб.] 71 коп. на пристройку к дому сего заведения из Троицкосавского уездного Казначейства.

РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 229. Л. 21.

Министерство Внутренних Дел
Кяхтинский Градоначальник
29 декабря 1862 г.
№ 4186
г. Троицкосавск

Господину Управляющему Министерством
Народного Просвещения.

На перестройку дома, занимаемого Троицкосавским уездным училищем, согласно цели, объясненной в донесении Кяхтинского Градоначальника от 26 июля № 1792, ассигновано было Министерством Народного Просвещения (предписания: 21 октября 1860 г. № 7121 и 17 марта 1862 г. № 2100) всего 6938 р[уб.] 71 к[оп.], что же касается постройки флигеля для квартиры Штатного Смотрителя, то в том же донесении за № 1792 сказано,

что постройку эту можно отложить до утверждения проекта о преобразовании уездного училища в пятиклассное.

В настоящее время Комитет, занимающийся перестройкой сказанного дома, извещает меня, что по расширению дома уездного училища (по утвержденным проекту и смете) израсходовано 3500 р[уб.], а для окончания всех потребуется еще по соображению Комитета до 1800 р[уб.]. Затем в остатке от сметного ассигнования должно быть до 1640 р[уб.]. Кроме того, остается бревен, годных для постройки, до 100 шт[ук] и камня для фундамента до 5 куб. сажен. Постройка нового флигеля для Штатного смотрителя в размерах нестеснительных с поправкой кухни и устройством училищных заборов и ворот будет стоить до 2500 р[уб.] при употреблении оставшихся материалов, так что до полного окончания всех вообще работ будет недоставать только 860 р[уб.]. Впрочем, Комитет употребит все зависящие от него меры, чтобы окончить все постройки на имеющиеся у него средства, но так как при настоящем положении дела Комитет не может в точности определить сумму, какая потребуется для совершенного окончания всех работ и как цены на материалы и рабочие силы здесь часто изменяются, то в предупреждение недостатка сумм и остановки от этого в производстве работ Комитет просит ходатайства моего о доассигновании означенных 860 р[уб.], которые будут Комитетом возвращены обратно, если только не встретиться в них крайней надобности.

Имея в виду, что проект о преобразовании всех учебных заведений Восточной Сибири, в том числе и Троицкосавского уездного училища уже представлен высшим начальством этого края и находя предложение Комитета выгодным и вполне удобоисполнимым при той строгой экономии, какая соблюдается им в расходовании денег по перестройке училищного дома, я имею честь обратиться к Вашему Высокопревосходительству с покорнейшей просьбою – сделать распоряжение о доассигновании означенной суммы 860 р[уб.] для устройства флигеля, исправления кухни, заборов и ворот, чтобы училищный дом был вполне готов ко времени преобразования училища в пятиклассное.

Представляя при этом рассмотренные в Главном Управлении Восточной Сибири план и сметы, я имею честь покорнейше

просить Ваше Высокопревосходительство о результате моего ходатайства почтить меня предписанием.

РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 229. Л. 22–23 об.

**Опись документам, приложенным при представлении
Исправляющего должность Кяхтинского Градоначальника
от 29 декабря 1862 г. № 4186**

	на скольких листах
План дома, занимаемого Троицкосавским уездным училищем.	1
Проект флигеля для квартиры Смотрителя этого училища	1
Пояснительный чертеж к смете на исправление кухни и устройство заборов и ворот при уездном училище.	1
Смета на постройку флигеля для квартиры Смотрителя Троицкосавского уездного училища с пояснительною запиской к ней	14
Смета на исправление кухни и устройство заборов и ворот при уездном училище.	12

РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 229. Л. 24.

18 февраля 1863 г.
№ 7371

г. Министру Финансов¹.

Согласно отношениям бывшего Министра Народного Просвещения от 26 октября 1860 г. за № 7120 и моему от 17 марта 1862 г. за № 2109 Министерством Финансов сделано распоряжение об отпуске на пристройку к дому Троицкосавского уездного училища 6938 р[уб.] 71 к[оп.] из строительных сумм МНП, ассигнованные на строительные надобности.

¹ С 25 декабря 1861 г. по 14 апреля 1866 г. должность министра занимал Александр Васильевич Головин.

Ныне Кяхтинский Градоначальник так доносит, кроме сказанной пристройки необходимо еще возвести флигель для помещения Штатного Смотрителя, на что потребуется еще 860 р[уб.].

Признавая ходатайство Градоначальника на утверждение, я имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство сделать распоряжение об отпуске этих восемисот шестидесяти руб. в ведение Штатного Смотрителя училищ из остатка от строительной суммы Министерства Народного Просвещения на текущий год, назначенной по случаю ... вверенного мне Министерства Народного Просвещения на 1862 г. и о последующем не отказать в уведомлении.

РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 229. Л. 27–27 об.

Министерство Народного Просвещения
Департамент
Отделение 2
Стол 1
21 февраля 1863 года
№ 129

В Пятое Отделение Департамента Народного Просвещения.

По ходатайству Кяхтинского Градоначальника г. Министр Народного Просвещения от 18 текущего февраля за № 1371 отнесся к г. Министру Финансов об отпуске в ведение Штатного Смотрителя уездного училища на постройку флигеля при доме сего училища в дополнение к имеющимся уже в оном собственным средствам еще восемисот шестидесяти руб. сер[ебром] из остатка от строительной суммы Министерства на 1862г.

РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 229. Л. 28.

Министерство Финансов
Департамент Государственного Казначейства
7 марта 1863 г.
№ 3060

об ассигновании 860 р[ублей] на постройку флигеля для помещения Штатного Смотрителя Троицкосавского уездного училища.

В Департамент Народного Просвещения.

Вследствие отношения г. Министра Народного Просвещения к г. Министру Финансов за № 1371 предписано Иркутсткой Казенной Палате отпустить в ведение Троицкосавского Штатного Смотрителя училищ на постройку флигеля для помещения Штатного Смотрителя 860 р[уб.] на счет суммы, назначенной по Государственной Росписи 1862 г. на постройку и починку училищных зданий, о чем Департамент Государственного Казначейства имеет честь уведомить.

РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 229. Л. 29–29 об.

Министерство Народного Просвещения
Департамент
Отделение 2
Стол 1
11 марта 1863 года
№ 2075

г. Исполняющему Должность Кяхтинского Градоначальника

По сделанному вследствие отношения Вашего Превосходительства от 29 декабря минувшего года сношению с Министром Финансов получен мною отзыв Департамента Государственного Казначейства уведомить, что Иркутской Казенной Палате предписано отпустить в ведение Штатного Смотрителя училища на постройку флигеля для данного училища 860 р[уб.] на счет суммы, назначенной по Государственной Росписи 1862 г. на постройку и починку училищных зданий.

РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 229. Л. 30.

**По ходатайству Председателя Выборгской Уголовной
Палаты Графа Маннергейма о содействии Министерства
Народного Просвещения Штатному Смотрителю
Троицкосавского уездного училища Попову к совершению им
ученого путешествия в окрестности Нерчинска.
Началось 25 ноября 1852 года, кончено 12 апреля 1853 года**

Помета: Перевод

№ 2964

Милостивый Государь!

В надежде, что может быть Ваше Превосходительство¹ не забыли меня² с того времени, как я имел счастье приобрести прошлую зимою Ваше знакомство у Графа Армфельта³, я осмеливаюсь беспокоить Вас этим письмом, рассчитывая найти извинения моей смелости в участии, которое Вы принимаете, Милостивый Государь, в успехах науки в России, с тою классической ученостью, которою Вы столько известны⁴.

¹ Ширинский-Шихматов Платон Александрович (1790–1853) – князь, министр народного просвещения (1850–1853), академик Императорской академии наук (1841), писатель.

² Маннергейм Карл Густав (1797–1854) – президент надворного суда (гофгерихта – апелляционной инстанции) в Выборге, известный ученый-энтомолог.

³ Армфельт Александр Густавович (1794–1875) – граф, министр-статс-секретарь Великого княжества Финляндского с 1842 г.

⁴ В 1828 г. был избран действительным членом Академии наук. С открытием археографической комиссии П.А. Ширинский-Шихматов был назначен ее председателем и принимал деятельное участие во всех ее изданиях, но только не будучи специалистом, а как «чистый бюрократ». Председательствуя затем и во втором отделении русского языка и словесности Петербургской академии наук, он был одним из деятельных сотрудников по составлению словаря церковно-славянского и русского языков.

Я занимаюсь с любовью естественными науками, еще в 1822 году приставлен в Императорское Московское Общество Натуралистов¹ и в 1827 году в Санкт-Петербургскую Академию Наук². Посвятив большую часть моей жизни трудам, клонящим к успехам зоологии в нашем обширном государстве, осмеливаюсь думать, что мои многочисленные записки в Актах этих двух ученых обществ довольно свидетельствуют об этом и, как русский, я горжусь честью, которую недавно мне сделала Шведская Академия Наук, жалую мне одно из двух мест, назначенных Энтомологии. Я мог бы сказать, что мои неутомимые труды вызвали в местах самых отдаленных в России натуралистов, в которых я вдохнул любовь к зоологии и которые способствуют с успехом к расширению знакомства с интересными произведениями природы, разбросанными на таком большом участке нашей планеты. Между ревностнейшими из этих особ, я всегда почту за истинное для

¹ Московское общество испытателей природы – одно из старейших натуралистических обществ России. Учреждено в 1805 г. при Московском императорском университете.

Идея создания принадлежит Михаилу Никитичу Муравьеву, известному писателю, наставнику великих князей Александра и Константина Павловичей. С 1807 г. Московское общество испытателей природы стало именоваться «Императорским».

² В 1827 г. Карл Густав Маннергейм был избран членом-корреспондентом Императорской академии наук. Карл Густав еще в детстве начал собирать насекомых, в основном жуков. В 16 лет он уехал учиться в Королевскую академию Або (сейчас город Турку), а затем продолжил пополнение своей коллекции жуков под руководством энтомолога и ботаника Карла Рейнгольда Зальберга (1779–1860). Коллекции жесткокрылых Маннергейма, весьма тщательно и чрезвычайно добросовестно составленные, вскоре обратили внимание научного сообщества на молодого энтомолога; впоследствии он стал одним из лучших знатоков разных семейств жуков, преимущественно мелких. Научные сочинения Маннергейм писал на латыни и французском (начиная с 1823 г.). В 1833 г. назначен губернатором Вазаской, а затем Выборгской губернии (1834–1839).

В 1839 г. Маннергейм стал президентом Выборгского надворного суда (гофгерихта) и занимал эту должность до самой смерти. В 1841 г. он был избран председателем Общества поддержки Выборгской библиотеки.

себя удовольствие поименовать Штатного Смотрителя Иркутских училищ Коллежского Ассессора Николая Попова, присутствующего в Троицкосавске, наблюдателя одаренного замечательными способностями и во многих науках очень сведущего. Г. Попов в настоящее время имеет желание ехать исследовать в мае, июне, июле и августе месяцах фауну окрестности Нерчинска, богатую разнообразными произведениями и где с его ревностью и деятельностью он, конечно, удивит всех многочисленными и прекрасными открытиями. Но, чтобы осуществить этот проект, ему нужно содействие Министерства Народного Просвещения и об этом-то содействии я осмеливаюсь теперь ходатайствовать перед Вашим Превосходительством, искренно убежденный, что с Вашим влиянием на дела этого Министерства Вы найдете способы принять этого достойного г. Попова под свое покровительство.

Считаю за обязанность к сему присовокупить, что я особенно интересуюсь исполнением этого проекта, тем более, что я занимаюсь уже несколько лет сочинением, назначенным для ознакомления ученого мира с энтомологическими произведениями Восточной Сибири.

Прошу Вас, Милостивый Государь, принять проявление чувств отличного уважения, с которыми имею честь быть Вашего Превосходительства преданнейшим и покорнейшим слугой.

Граф Маннергейм. Председатель Уголовной Палаты в Выборге.
Выборг. 20 ноября/ 5 декабря 1852 г.¹

РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 102. Л. 1-4.

¹ На л. 1-2 этот текст написан на французском языке.

М.Н.П.
 Отделение II
 Стол I
 2 декабря 1852 г.
 № 11727, № 2632

Его Пре[восходительст]ву П.Н. Фусу¹
 Милостивый Государь, Павел Николаевич!

г. Председатель Выборгской Уголовной Палаты Граф Маннергейм в письме к г. Товарищу Министра Народного Просвещения от 23 истекшего ноября ходатайствует о содействии Министерства к приведению в исполнение предположения Штатного Смотрителя Троицкосавского уездного училища, Коллежского Ассессора Попова, желающего отправиться в течение четырех летних месяцев будущего года для исследования фауны окрестностей г. Нерчинска.

По поручению Г. Министра, препровождая при сем к Вашему Превосходительству в подлиннике означенное письмо Графа Маннергейма, покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, с возвращением этого письма уведомить меня для доклада Его Сиятельству, не имеется ли в делах Академии Наук какого-либо по сему предмету сведения, и буде таковое имеется, то не угодно ли будет Вам сообщить мнение Ваше по настоящему ходатайству Графа Маннергейма.

С истинным почтением и совершенной преданностью имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейшим слугой.
 П. Гаевский²

РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 102. Л. 5–6.

¹ Павел Николаевич (Пауль Генрих) Фус (1798—1855) — академик (1826), непрременный секретарь Российской академии наук (1826—1855).

² Гаевский Павел Иванович (1797—1875) — переводчик, журналист, цензор Петербургского цензурного комитета. В 1834 г. назначен управляющим Департамента народного просвещения Министерства народного просвещения; с 1837 г. — вице-директор с чином статского советника; действительный статский советник с 1841 г.; в 1844—1859 гг. — директор Департамента народного просвещения.

10 декабря 1852
№ 13998 / № 2390

М.Н.П.
Императорская С. Петербургская Академия Наук
от Непременного Секретаря
№ 2087
С. Петербург
10 декабря 1852 года

Его Превосходительству Гаевскому
Милостивый Государь, Павел Иванович

На почтительнейшее отношение Вашего Превосходительства от 3 декабря сего года о том, не имеется ли в делах Академии какого-либо сведения о предположении отправиться в течение четырех летних месяцев будущего года для исследования фауны окрестностей г. Нерчинска, имею честь ответить, что сам г. Попов обратился в Академию с той же просьбою, и что Академия не замедлила представить просьбу его на благоусмотрение г. Вице-Президента Академии¹.

Прилагая при сем доставленное ко мне письмо председателя Выборгской Уголовной Палаты Графа Маннергейма, я прошу Вас, Милостивый Государь, принять уверение в совершенном моем почтении и преданности, с каковыми честь имею пребыть Вашего Превосходительства покорнейшим слугой. Фус.

РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 102. Л. 7.

Справка

По представлению Вице-Президента Академии Наук, Его Сиятельство г. Министр от 30 марта 1853 года (по Канцелярии Министра) изъявил согласие на дозволение Штатному Смотрителю Троицкосавского уездного училища Попову исследовать в физическом и особенно в энтомологическом отношении страны,

¹ Давыдов Сергей Иванович (1790–1878) – князь, исполнял должность вице-президента академии с 18 марта 1852 г. по 7 августа 1863 г.

лежащие по ту сторону Яблонова хребта¹ и сопредельные Китаю, с выдачей ему в пособие 200 р[уб]. серебром из экономической суммы Академии и вместе с тем отписать к Генерал-Губернатору Восточной Сибири² о снабжении Попова открытым предписанием местным начальствам.

12 апреля 1853 года

РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 102. Л. 8–9.

Приложение 3

О назначении Штатному Смотрителю Троицкосавского уездного училища Попову в пенсию полного оклада жалования с оставлением в должности еще на пять лет. Началось: 5 дек[абря] 1852 года, кончено: 1852 году

5 дек[абря]. № 13835/2346,

5 дек[абря] 1852.

№ 7932

Министерство Внутренних Дел
Военного Губернатора Иркутска
и Иркутского Гражданского Губернатора
по Канцелярии Общего Губернского Управления
о назначении пенсии Штатному Смотрителю Попову
октября 31 дня 1852 г. № 237 Иркутск.

¹ Яблоновый хребет (бурят. Яаблан дабаан, от глаг. ябаха – «идти», в значении «проходимый, проезжий перевал») – горный хребет с преобладанием среднегорного рельефа в центральной части Забайкалья, главным образом на территории Забайкальского края. Длина хребта составляет 650 км, максимальная высота – 1706 м. Название «Яблоновый хребет» было дано землепроходцами XVII в. Его называли Яблочный, Яб-лошный, Яблоневоый, Яблонный. А.А. Черкасов называл его Саяном.

² Муравьев-Амурский Николай Николаевич (1809–1881) – граф, российский государственный деятель, с 1847 по 1861 гг. служил генерал-губернатором Восточной Сибири, генерал от инфантерии, генерал-адъютант. Сыграл видную роль в истории расширения российских владений в Сибири.

Господину Министру Народного Просвещения.

Директор училищ Иркутской Губернии вошел ко мне с представлением об исходатайствовании Штатному Смотрителю Троицкосавского уездного училища, Коллежскому Ассессору Попову, прослужившему по учебной части усердно и беспорочно 20 лет, в пенсию полного оклада, получаемого им жалования 285 руб. 92 к[оп.]. сер[ебром] на основании 282¹ и 502² ст. уст. о пен. 3 т. св. зак.: изд. 1842 г., с оставлением его на службе еще на пять лет, согласно его желанию, признавая со своей стороны ходатайство Г. Директора заслуживающим уважения, я имею честь представить Вашему Сиятельству формулярный список о службе г. Попова и список особых сведений и покорнейше просить о назначении этому чиновнику полной пенсии за 20-летнюю похвальную службу его в Сибири, с оставлением его на службе еще на пять лет³.

РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 102. Л. 1–1 об.

¹ Ст. 282. О награждении чиновников (кроме секретарей консисторий) и канцелярских служащих по духовному ведомству православного исповедания, за установленную выслугу... (С. 59).

² Ст. 502. В случае оставления общей службы гражданской для вступления вновь в медицинскую, медики пользуются в ней теми же особыми преимуществами, которые присвоены медицинской службе. 1837. Января 21 (9891).

³ Текст написан не на официальном бланке.

**Формулярный список о службе Штатного Смотрителя Троицкосавского уездного училища,
коллежского асессора Попова. Составлен 10 октября 1852 года¹**

Чин, имя, отчество, должность, лета от роду, вероисповедование	Из какого звания происходит	Есть ли именные	Где получил воспитание	Годы месяцы	Был ли в походах против неприятеля	К продолжению статской службы способен и повышение чином достоин ли	Был ли в отпусках	Был ли в отставке	Холост или женат
Коллежский Ассессор Николай Николаевич Попов, Штатный Смотритель Троицкосавского училища, 39-ти лет, православного	Из мещан	нет	По окончании курса в Иркутской губернской гимназии определен в Иркутское уездное училище к исправлению должности учителя 1-ми классами	11 декабря 1831	Не был	Способен и достоин	Был в 1837 и 1845 годах на 28 дней и на срок являлся	Не был	Женат на Аварии Дудоровской, детей не имеет, жена православного вероисповедания

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 103. Л. 2–8.

исповедания, имеет знак отличия беспорочной службы за XV лет, жалование получает штатного 280 р. 23 к.			По удостоении Императорским Казанским Уни- верситетом зва- ния учителя 1 класса указом Правительст- вующего Сената от 10 октября 1832 года ис- ключен из по- датного состоя- ния и утвержден учителем 1 клас- са в Иркутское уездное учили- ще	10 ок- тября 1832					
			Поручено ему преподавание Русской грамма- тики в Иркут- ском училище детей канцеляр- ских служителей	8 ав- густа 1836					

			Произведен Правительствующим Сенатом от 25 февраля 1837 года в чин коллежского секретаря со старшинством					
			Прикомандирован к исправлению должности младшего учителя французского языка	10 октября 1839				
			Произведен в Титулярные Советники 22 августа 1840 года со старшинством					
			Определен Штатным смотрителем в Троицкосавском уездном училище	19 ноября 1841				

			Вследствие об- реживования училища в 1842 году старшим учителем Иркут- ской Гимназии Коленко полу- чил от г. со- стоящего в должности Ир- кутского Граж- данского Губер- натора ¹ совер- шенную призна- тельность за усердие в служ- бе и исправность по управлению училищем	27 авгу- ста 1842					
--	--	--	---	----------------------------	--	--	--	--	--

¹ В 1851 г. должность занял генерал-лейтенант Карл Бургартович Венцель.

			Господин Ми- нистр Народного Просвещения разрешил ему преподавать французский язык в Троицко- савском уездном училище за то жалование	4 де- кабря 1842					
			По представле- нию г. Директо- ра училищ от г. состоящего в должности Ир- кутского Граж- данского Губер- натора получил совершенную признательность за ревностное исполнение им своих обязанно- стей	7 мая 1843					

			Получил знак отличия беспорочной службы за XV лет при грамоте за № 1226	30 ноября 1849					
			Высочайшим приказом по Гражданскому ведомству 3 мая № 850 и № 36 Произведен в чин коллежского ассессора со старшинством	10 октября 1849					
			Избран действительным Членом Штатного Энтомологического Общества в Пруссии	9 ноября 1851					
			Избран Членом Сотрудником Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества	28 декабря					

**Список сведений, представляемых при испрошении пенсии
Штатному Смотрителю Троицкосавского училища Коллежскому
Ассессору Попову, за беспорочную выслугу 20 лет по учебной части**

<p>1) Сколько чиновник получал по последней должности жалования; если окладного не получил, то сколько было выдано ему за последний месяц его службы. От казны или из других каких-либо доходов получал жалование. Не производилось ли ему каких-либо особых окладов как-то: прибавочных или столовых, если производилось, то сколько именно.</p>	<p>По должности Штатного Смотрителя получает жалование за вычетом в пенсионный капитал 280 р[ублей] 20 к[опеек] серебром в год. По штату из Государственного Казначейства</p>
<p>2) Не был ли в продолжение службы награжден какой-либо пенсией, если был, то за особенные заслуги или при отставке на основании общих правил; из каких сумм она производится; если же производство прекращено, то когда и по какой причине.</p>	<p>В продолжение службы награжден не был</p>
<p>3) Не был ли когда-либо в продолжение службы награжден при отставке следующим чином, если был, то на основании ли 1206 ст. Устава о службе по определению от Правительства</p>	<p>В продолжение службы в отставке не был</p>
<p>4) Просил ли о пенсии при самом увольнении от службы если не просил, то которого года, месяца и числа подал о том просьбу</p>	<p>За 20-ти летнюю службу по учебной части представляется к пенсии начальством</p>
<p>5) Если чиновник был удален от должности или добровольно оставил службу находился под судом и дело кончено, то было ли и когда именно объявлено ему решение судебного приговора, просил ли о пенсии в течение шести месяцев после объявления оно, если же пропустил сей срок, то когда именно подал просьбу</p>	<p>От должности удаляем не был, под судом не находился</p>
<p>6) Где желает получать пенсию или пособие</p>	<p>Из Кяхтинской таможни</p>

РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 103. Л. 10–11.

Министерство Нар[одного] Пр[освещения].
Департамент
Отделение 2
Стол 1
11 дек[абря] 1852 года
№ 12020
на № 237

г. Военному Губернатору г. Иркутска и Иркутскому
Гражданскому Губернатору¹

Вследствие представления Вашего Превосходительства от 31 октября и на основании 282, 502 и 504 ст. Свода Законов Т. 3 установление «О пенсии и единовременного пособия» Раздела 1842 г. назначить Штатному Смотрителю Троицкосавского уездного училища, Коллежскому Ассессору Попову за выслугу 20 лет по учебной части в Сибири в пенсию полный оклад его жалования по 285 руб. 92 к[оп] серебром в год. С оставлением его на службе при означенной должности еще на пять лет, а вместе с тем, отнеся г. Управляющему Министерством Финансов о производстве Попову такой пенсии, сверх жалования из Кяхтинской таможни с 10 октября сего года как со времени выслуги 20-летнего срока, о чем имею честь Вас, Милостивый Государь, уведомить.

Подписано:

Министр Народного Просвещения Кн. Ширинский-Шахматов.

РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 103. Л. 12–12 об.

¹ Венцель Карл Карлович (Бургартович) (1797–1874) – первый военный губернатор Иркутска и иркутский гражданский губернатор в 1851–1859 гг.

Глава 6

ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ИДЕЙНО-РЕЛИГИОЗНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СТАРООБРЯДЧЕСКИХ СБОРНИКОВ УСТОЙЧИВОГО СОСТАВА (НА ПРИМЕРЕ «КРЫМСКОГО» И «ТОМСКОГО» ИЗДАНИЙ «ИСТОРИИ ОБ ОТЦАХ И СТРАДАЛЬЦАХ СОЛОВЕЦКИХ»)

Аннотация. Работа посвящена изучению специфики комплектования кириллического старообрядческого сборника «История об отцах и страдальцах соловецких». Автор рассматривает историю создания памятника и произведения, вошедшие в его состав, раскрывает принципы, которыми руководствовался составитель при включении сочинений в сборник.

Ключевые слова: старообрядчество, сборники, кириллическая книжность, структура.

На сегодняшний день проблематика комплектования старообрядческих сборников устойчивого состава является малоизученным, хотя и очень перспективным направлением в рамках отечественной археографической науки. Осознавая невозможность раскрытия столь обширной темы в рамках одного исследования, мы ограничимся анализом лишь специфики составления сборника «История об отцах и страдальцах соловецких». Большое значение для понимания принципов структурного оформления старообрядческого сборника имеет изучение истории его создания. Невозможно выявить идеологический «посыл» сборника в отрыве от выяснения того, в каких социально-политических условиях он возник, на какой территории и в рамках какого из старообрядческих согласий.

Прежде чем приступить к непосредственному анализу интересующего нас сборника, хотелось бы рассказать о том, как попали в руки автора образцы духовного творчества старообрядцев. Одна из книг была обнаружена в июне 2011 г. в домашней библиотеке потомственного священника РПЦ иерея Алексея Владимировича Прудникова, который в настоящее время служит в соборе Архистратига Михаила и прочих сил бесплотных г. Нижегород-

ский (Республика Крым). По свидетельствам самого Алексея Владимировича, сборник попал в его семью в начале 50-х гг. прошлого столетия и был выкуплен его дедом протоиереем Михаилом Кузьмичом Прудниковым у некоего старообрядца в г. Алушта, где в то время проживала семья Михаила Кузьмича. Позже Прудниковы перебираются в Нижнегорский, а в 1995 г. фолиант по наследству переходит к нынешнему его владельцу. Таким образом, последние шесть десятков лет сборник находился на полках книжного собрания семьи Прудниковых и не был предметом исследования. Поэтому он представляет интерес как для палеографов, так и для исследователей религиозно-нравственных ценностей староверия.

Второй сборник был обнаружен нами в мае 2013 г. в собрании Научной библиотеки Томского государственного университета. В целях удобства автор считает уместным именовать оба сборника в соответствии с местами их обнаружения – «Крымским» (Собр. А.В. Прудникова. История об отцах и страдальцах соловецких) и «Томским» (НБ ТГУ. В-27066).

Первоначально необходимо выявить типографию, в которой сочинения, представленные в книге, впервые были скомпонованы в единый сборник. Ею, по мнению Н.В. Поньрко и Е.М. Юхименко, явилась типография униатского Супрасльского Благовещенского монастыря (Польша), открытая в 1692 г. и просуществовавшая до конца XVIII в. (Поньрко 2002: 26). Хронология издания «Истории об отцах и страдальцах соловецких» выглядит следующим образом. В 1788 г. Супрасль печатает сборник, в состав которого помимо «Истории...» вошла и «Пятая соловецкая челобитная». В следующем году сборник, имевший тот же состав, переиздается Супрасльской типографией. Одновременно в 1789 г. в типографии выходит сборник, сходный по структуре с экземпляром из библиотеки А.В. Прудникова: к уже публиковавшимся ранее «Истории об отцах и страдальцах соловецких» и «Пятой соловецкой челобитной» были добавлены «Послание о сложении перстов», «Повесть о белом клобуке», «Повесть дьякона Федора», «Мучение неких старцев Петра и Евдокима», а также «Прение дьякона Федора». Позднее, в 1794 г., сборник образца 1789 г. был повторен Почаевской книгопечатней,

а в 1795 г. – Клинцовской старообрядческой типографией (Поньрко 2002: 27).

А.В. Вознесенский отмечает, что сочетание в рамках одного сборника «Истории об отцах и страдальцах соловецких» и «Пятой соловецкой челобитной» не было случайным решением книгопечатников, т.к. подобные компиляции уже существовали в рукописной старообрядческой традиции. Также исследователь обнаруживает, что в книжных собраниях староверов существовали рукописные сборники, структурно схожие не только с памятником 1788 г., но и с публикациями 1789–1795 гг. (Вознесенский 1996b: 102, 103).

Впоследствии сборник не выпускался в течение целого столетия – до того момента, когда началась вторая волна издания «Истории...». Первым в 80-х гг. XIX в. был напечатан сборник Троицкой единоверческой типографии, имевший своим прототипом супрасльский сборник 1789 г. Далее последовал выпуск самостоятельных изданий «Истории об отцах и страдальцах соловецких» типографией В.Г. Усова в 1907 г. и типографией И.Н. Кузнецова в 1913 г. В 1914 г. появились сразу два издания «Истории...», в основу которых лег клинцовский сборник 1795 г. Одно из них вышло в типографии Преображенского богадельного дома, другое – в «Московской старообрядческой книгопечатне» (Поньрко 2002: 27).

Для датировки сборника значительную роль имеет запись, сделанная его бывшим владельцем на переднем авантитуле книги. Запись гласит: «Начало Соловецкой пантократоровы обители Торжества Божия Слова положено в 1487, а ныне тому назад 467 лет. А писано сие в 1895 лете Господнем». Интересующий нас экземпляр, как видно из этой записи, относится к продукции Троицкой единоверческой типографии, открытой в Москве в 1819 г. и просуществовавшей до 1918 г. (Починская 2010: 474). Она стала первой российской типографией, которой разрешили перепечатку дореформенных изданий. Однако ее продукция, призванная удовлетворять лишь потребности единоверцев в дониконских книгах, была строго ограничена. Основную массу изданий составляла служебная и учебная литература. Трудно представить, каким образом сборник мог быть напечатан до появления в апреле 1905 г. указа «Об укреплении начал веротерпимости»

и, помимо этого, иметь помету о санкционировании печати высшими властями (НБ ТГУ. В-27066. Л. 204). Возможным объяснением этого может быть полное копирование типографией супрасльского сборника, содержавшего данную приписку ввиду издания Екатериной II в 1783 г. указа «О вольных типографиях» (Вознесенский 1996b: 6, 64). Как можно заметить, датировка сборника остается весьма размытой: между началом 80-х гг. XIX в. и концом того же десятилетия.

Весьма интересной является атрибуция сборника. Данный вопрос можно анализировать с двух позиций. Среди авторов, сочинения которых представлены в сборнике, выделяются такие примечательные личности, как Семен Денисов – один из основателей поморской Выго-Лексинской общины, создатель ряда старообрядческих произведений, в том числе «Повести об отцах и страдальцах соловецких». Автором «Пятой соловецкой челобитной» называется иеромонах Соловецкой обители Геронтий (в миру – Григорий Рязанов). В свою очередь, «Послание о сложении перстов» принадлежит перу известного своими многочисленными трудами в защиту древнего благочестия соловецкого инок Герасима Фирсова. Затруднения вызывает определение авторства «Повести о белом клобуке». Традиционно его приписывают Дмитрию Траханиоту – переводчику, публицисту и дипломату второй половины XV столетия (Розов 1953: 182). Однако, как можно судить по работе В.М. Кириллина, автором следует считать Дмитрия Герасимова – российского дипломата, переводчика и богослова рубежа XV–XVI вв., поскольку к моменту написания первой краткой редакции памятника Траханиота уже не могло быть в живых (Кириллин 2003: 33). «Повесть дьякона Федора», «Мучение неких старцев Петра и Евдокима» и «Прение дьякона Федора», по убеждению архиепископа Никанора (в миру – Александра Бровковича), являлись плодом творчества видного московского книжника XVII в. дьякона Федора (Иванова), принадлежащего к плеяде первых старообрядческих писателей (Бровкович 1861: 28).

С другой стороны, можно задаться вопросом о том, кто объединил перечисленные произведения в сборник и придал ему соответствующую структуру. Для решения данного вопроса следует вспомнить об упомянутой нами типографии Супрасльского

Благовещенского монастыря, где сборник был впервые сформирован и растиражирован в 1789 г. В рассматриваемый период, а именно в конце 80-х – начале 90-х гг. XVIII в., префектом и главным редактором типографии был Мелетий Оссуховский, заказчиком же книги выступал стародубский купец П.И. Губарев (Вознесенский 1996а: 10). Таким образом, мы можем сузить круг предполагаемых составителей до двух лиц. Затруднительным представляется определить, сформировал ли купец П.И. Губарев сборник самостоятельно, а работники типографии лишь напечатали книгу, либо М. Оссуховский со своими сотрудниками также причастны к ее структурному оформлению. Так, А.В. Вознесенский, заключает, что, по всей видимости, публикация «Истории...» стала результатом непосредственного требования заказчиков (Вознесенский 1996b: 103, 110).

Сборник состоит из шести глав и объединяет семь произведений старообрядческой и древнерусской книжности. В первой главе располагается самое объемное произведение сборника, давшее ему название и сформировавшее его непосредственную религиозно-идеологическую направленность, – «История об отцах и страдальцах соловецких» (НБ ТГУ. В-27066. Л. 1–69), написанное одним из основателей Выговской пустыни Семеном Денисовым в 10-х гг. XVIII в. Главной целью сочинения является доказательство (путем изображения подвигов аскетизма, смирения и праведности) преданности соловчан «отеческим уставам» и, как следствие, наследования истинного «отеческого благочестия» следующими поколениями староверов (Поньрко 2002: 15). Далее в сборнике следует «Пятая соловецкая челобитная» (НБ ТГУ. В-27066. Л. 69 об. – 91), написанная в 1667 г. иеромонахом Соловецкой обители Геронтием и послужившая прообразом для позднейших полемических сочинений староверов (Грицевская 2009: 289). Она последовательно дополняет «Историю об отцах и страдальцах соловецких» и раскрывает недостаточно освещенную в ней проблематику богословского противостояния «старолюбцев» с «никонианами». Главная цель произведения состоит в оправдании «возмущения соловецких старцев» посредством критики реформ патриарха Никона.

Третью главу сборника занимает «Послание о сложении перстов» (НБ ТГУ. В-27066. Л. 91 об. – 154 об.) соловецкого инок

Герасима Фирсова, написанное между 1656 и 1658 гг. В «Послании...» «выстроена» стройная система логических доказательств, обосновывающих позицию староверов относительно главного пункта их полемики с реформаторами – трехперстного знамения. В четвертой части сборника располагается «Повесть о новгородском белом клобуке» (НБ ТГУ. В-27066. Л. 155–185 об.). Не являясь старообрядческим произведением, она была направлена на популяризацию концепции «Москва – Третий Рим». В сочетании же с идеологической «нагрузкой» предшествующих сочинений «Повесть...» обосновывает выдвинутые ранее, в «Пятой соловецкой челобитной», положения об утере греками полноты православия, разложении Константинопольской церкви и искажении греческих церковных книг.

В последних двух главах сборника располагаются «Повесть дьякона Федора» (НБ ТГУ. В-27066. Л. 186–189), «Мучение неких старцев Петра и Евдокима» (НБ ТГУ. В-27066. Л. 189–194) и «Прение дьякона Федора» (НБ ТГУ. В-27066. Л. 195–202 об.). Примечательно, что лишь два сочинения из трех, вопреки мнению исследователей XIX в., были созданы дьяконом Федором. «Мучение Петра и Евдокима», несмотря на явную стилистическую схожесть с двумя другими, по всей видимости, специально создавалось для компиляции с «Повестью дьякона Федора», однако установить его точную атрибуцию на сегодняшний день не представляется возможным.

Все эти три произведения как в стилистическом, так и в структурном отношении сходны друг с другом и были включены в сборник с целью воздействия на наиболее грамотных в богословии и одаренных красноречием читателей, побуждая их к активной пропаганде утверждавшихся в сборнике положений. Примечательно, что в отличие от всех прочих глав в пятой части сборника располагаются сразу два произведения – «Повесть дьякона Федора» и «Мучение неких старцев Петра и Евдокима», не отделенные друг от друга никакими видимыми знаками. Определить же, где заканчивается одно произведение и начинается другое, можно лишь по содержанию.

«Повесть дьякона Федора» служит наглядным примером попыток старообрядцев придать своей истории выраженную идеологическую окраску за счет противопоставления абсолютного

добра абсолютному злу, а также изображения ярких сцен мученичества за древнее благочестие. «Мучение неких старцев и исповедников Петра и Евдокима», которое занимает вторую половину пятой главы, представляет читателю сцену догматического обличения старообрядцами Петром и Евдокимом положений новообрядчества, сторонником которого в диспуте является некий царь. Отмечая образованность и находчивость староверов, автор одновременно изображает никониан невежественными людьми, опирающимися в своей религиозной культуре исключительно на домыслы и бездумную традицию. Описывая же страшные мучения, к которым старцев приговорил царь, книжник указывает на неспособность сторонников церковной реформы отстаивать свои убеждения в честном состязании. Завершается сборник «Прением дьякона Федора с митрополитом Афанасием», где критикуется церковная реформа в продолжение полемических традиций «Послания о сложении перстов».

Следует учитывать, что старообрядческий менталитет, весьма требовательный по отношению ко всем проявлениям религиозной и бытовой культуры, не мог оставить без внимания как содержание сборников, так и их внешнее оформление. Ввиду неприемлемости любых религиозных новшеств старообрядческие издания не допускали использование гражданской азбуки. Часто в кириллических публикациях использовался старопечатный до-реформенный шрифт (Пругавин 1884: 181). Склонность к архаизации книжной культуры проявилась и в художественной «составляющей» сборников. В частности, заставки глав и тиснение на крышках исследуемых книг выполнены с элементами старопечатного стиля. Для крышек «Крымского» сборника были использованы деревянные доски, обтянутые красной кожей. На коже имеется узорчатое тиснение с доминированием растительных мотивов. У книги есть две металлические застежки и три медных «жука» на лицевой стороне; в начале и конце вставлено по одному авантитулу. В книге сохранились все имевшиеся на момент издания листы.

Особое внимание хотелось бы обратить на следующую деталь. При вскрытии отклеившегося форзаца «Крымского» экземпляра обнаружилось, что основой для него стали пропечатанные лишь с одной стороны листы этого же сборника. Так, для переднего

форзаца был использован лист под номером 185. Уместно предположить, что в связи с высокой стоимостью бумажной продукции листы, испорченные в ходе печатания, не подлежали утилизации и использовались в производстве. На факты бережного отношения староверов к бумаге в своих исследованиях также указывает А.В. Вознесенский (Вознесенский 1996b: 78).

Переплет «Томского» сборника совершенно иной. Крышки книги исполнены в более дешевом варианте. Для их изготовления, в частности, применялись толстые картонные листы. Лишь корешок книги выполнен из красной кожи, сходной с той, что обтягивает крышку «Крымского» сборника. В книге отсутствует тиснение, застежки и медные «жуки». Недостаёт переднего авантитула, что необходимо связывать главным образом с механическими повреждениями фолианта в результате длительного использования или намеренной порчи. Отсутствует и имевшийся на момент издания 1-й лист.

Необходимо обратить внимание на художественные украшения, встречающиеся в сборниках. Заставки «Крымского» сборника (всего 6 шт.) выполнены в двух вариантах, причем в стиле, подражающем старопечатному (строго очерченные рамки заставок, доминирование черно-белых тонов, насыщенность растительными мотивами). В заключении шестой главы присутствует колофон. В инициалах (7 шт.) также преобладают растительные мотивы. Однако для их оформления в книге использован киноварный цвет. Среди украшений встречаются и концовки (6 шт.). В свою очередь, в книге из Томского государственного университета можно обнаружить 5 заставок, 6 инициалов и 7 концовок. Все украшения графически абсолютно схожи с украшениями «Крымского» сборника. Несоответствие количества заставок и инициалов объясняется отсутствием в «Томской» книге 1-го листа. Отсутствие же одной концовки в «Крымском» сборнике объясняется утратой в ходе печатания 92-го листа. Характер художественного убранства книг определялся московской орнаментальной традицией. На это, в частности, указывает расположение заставок к главам сборников. Наиболее значимые разделы книги (в нашем случае это глава «История об отцах и страдальцах соловецких») открывались широкими заставками, в то время как

в начале менее важных разделов размещались узкие заставки (Вознесенский 2010: 128).

Сравнение графического начертания букв в обеих книгах позволяет прийти к заключению об абсолютной идентичности печатных форм, использовавшихся при создании сборников. Очевидно не только применение печатниками одних и тех же литер, но и сходство набора литер на верстатке. Так, в сборнике из библиотеки Прудникова на 7-м листе, в седьмой строке сверху, имеется слово «похабством». Вследствие опечатки буква «буки» в данном слове приобрела форму буквы «наш». Примечательно, что совершенно такого же вида опечатку мы встречаем на сходной странице «Томского» сборника (НБ ТГУ. В-27066. Л. 7). Следовательно, «Крымский» и «Томский» сборники принадлежат к одному изданию и были отпечатаны на одном и том же станке со сравнительно небольшим временным интервалом. Сборник из Томского государственного университета, таким образом, может быть отнесен к продукции Троицкой единоверческой типографии.

Интерес представляют утраченные в ходе небрежного комплектования листы книг. В «Крымском» варианте нет заключающего вторую главу 92-го листа. В «Томском» сборнике отсутствует лист 91-й. Возникает вопрос: почему в двух сходных сборниках отсутствуют разные по счету листы? С целью решения этого вопроса необходимо обратиться к заключению сборников. В «Крымском» сборнике мы, в частности, можем констатировать отсутствие завершающего шестую главу 203-го листа. «Томский» сборник данного дефекта не имеет. Необходимо отвергнуть возможность признания какого-либо из имеющихся вариантов «Истории об отцах и страдальцах соловейчих» самостоятельным изданием. Так, согласно А.В. Вознесенскому, весь тираж книг, напечатанных с одних и тех же форм, надлежит относить к одному изданию. Исключением можно считать лишь случаи, когда книги, напечатанные единым тиражом, имели различные названия. Данное исключение не применимо к нашей ситуации, так как отличия между сборниками несущественны, и потому мы можем заключить, что «Крымский» и «Томский» сборники – не более чем два вида одного издания («вид» А.В. Вознесенским определяется

как «часть тиража, выпускавшаяся в форме, отличной от базовой») (Вознесенский 2010: 96).

Вообще отличия, наблюдаемые между различными экземплярами одного издания, нередки, и их можно считать явлением распространенным. Обычно решение о выпуске издания в нескольких разновидностях принималось еще до печатания книги (Вознесенский 2010: 96, 100). Однако, как увидим, в нашем случае публикация сборника в два этапа явилась следствием изначально небрежного комплектования книжного блока. На первом этапе был выпущен роскошный сборник «Крымского» образца. Однако вследствие халатности печатников из книги было выброшено два листа – 92-й и 203-й. Далее последовало издание более скромного «Томского» варианта. При этом в сборник были включены отсутствовавшие ранее листы. Однако если вставка заключающего сборник 203-го листа требовала лишь корректирования конечной тетради, то включение 92-го листа неизбежно вело к верстке всего книжного блока, что являлось для издателя непозволительным расходом времени и средств.

В тексте отдельных произведений, вошедших в состав сборника «История об отцах и страдальцах соловецких», присутствуют идеологические мотивы, регулировавшие поведение старообрядца. Данные комплексы догматических норм уместно называть «идеологическими категориями». Они не ограничиваются рамками какой-то одной из глав сборника, а находят отражение сразу в нескольких произведениях. Стало быть, сборник – не набор несвязанных между собой религиозных сочинений, а устойчивая структура, скомплектованная согласно определенным принципам.

Наиболее значимой идеологической категорией сборника можно признать феномен мученичества за веру. Необходимо провести градацию отраженных в сборнике видов мученичества. Последние можно условно объединить в три группы: 1) мучения, принятые от врагов веры; 2) мучения, которым праведники подвергли себя сами; 3) мучения, последовавшие по воле Бога. В первую группу входят такие виды мученичества, как убийство, пытка, тюремное заключение и покорение иноверцами. Ко второй группе относятся странничество, уход из мира, труд, а также различные самоограничения (в пище, крове, одежде). К наиболее

интересной в идеологическом отношении третьей группе можно причислить различного рода болезни, а также следующую за ними в ряде случаев смерть. Указанные типы мученичества выполняются в разных главах сборника в соответствии с контекстом отличные друг от друга религиозно-идеологические функции. Тремя наиболее богатыми в этом отношении произведениями сборника являются «История об отцах и страдальцах соловецких», «Повесть о новгородском белом клобуке», «Мучение неких старцев Петра и Евдокима».

В первой главе преобладающей группой являются мучения, которым праведники подвергли себя сами. Здесь данный феномен приобретает форму осознанного принятия мучений от врагов веры с целью ознаменования истинности «древлего благочестия». Посредством изображения мученических подвигов, молитвенных стараний и уединенного жития страдальцев Семен Денисов формирует у читателя представление об иноках Соловецкой обители как подлинных наследниках отеческого благочестия (НБ ТГУ. В-27066. Л. 17).

В свою очередь, автор «Мучения неких старцев Петра и Евдокима» отдает предпочтение описанию страданий, принятых от врагов веры. Однако в этом произведении, как и в других сочинениях, приписываемых Федору, вслед пережитым «от рук нечестивцев» мучениям всегда следует чудесное спасение «старолюбцев» и замечания наподобие: «О правде Божией молчать бесчестно» (НБ ТГУ. В-27066. Л. 190). Тем самым автор указывает на необходимость проповеди тех или иных идей. Сцены же мучения в данном случае необходимы лишь для укрепления потенциальных проповедников в мысли о том, что Господь позаботится о приверженцах «отеческих уставов» и защитит их от угнетений «нововерами».

В «Повести о новгородском белом клобуке» преобладают мучения, имевшие своей первопричиной Божье проведение. В целом данную группу мучений можно разделить на два типа: 1) болезни и смерть, следующие в наказание за грехи; 2) болезни, призванные наставить мучающегося на путь истины. В «Повести о белом клобуке», в частности, представлены оба эти варианта. Примером первого является сумасшествие, мучения и смерть некоего папы римского, виновного в попытках осквернения белого

клобука, символизирующего в тексте «отеческое благочестие» (НБ ТГУ. В-27066. Л. 179). Примером испытаний, ниспосланных с целью наставления грешника, можно считать проказу царя Константина, исцеленную после принятия им христианства (НБ ТГУ. В-27066. Л. 164).

Еще одним важным мотивом, звучащим в данной главе, становится проблематика «покорности Божьей воле». Читатель может наблюдать, как герои произведения, покорившиеся воле Господа и исполнившие его наказы, объявляются истинными причастниками веры, в то время как противники Божьих замыслов несут клеймо вероотступников. Глава «Послание о сложении перстов» вводит в оборот такую обязательную для старообрядческих пастырей черту, как образованность. Обязательность образования для духовных лиц аргументируется высокой ролью наставников при формировании взглядов паствы. Однако образованность в данном контексте носит специфический характер. Так, образованными могут считаться лишь исповедники, противящиеся богослужебной реформе Никона, в то время как все ее сторонники признаются безграмотными. Также обращают на себя внимание прославляемые сборником морально-нравственные качества, не имеющие как таковой практической значимости в деле полемики с «нововерами», однако, по мнению составителей сборника, необходимые любому поборнику «древлего благочестия» (НБ ТГУ. В-27066. Л. 6). Вследствие этого третью группу качеств, прославляемых «Историей об отцах и страдальцах соловецких» составили благочестие, великодушие, праведность, милосердие.

Весьма примечательной идеологической категорией сборника стал также феномен чудес. В частности, чудесные явления в тех или иных формах присутствуют в таких главах, как «История об отцах и страдальцах соловецких», «Повесть о новгородском белом клобуке», «Повесть дьякона Федора», «Мучение неких старцев Петра и Евдокима». Однако категория чудес отражена далеко не во всех главах сборника. Она отсутствует в таких произведениях, как «Пятая соловецкая челобитная», «Сказание о сложении перстов», «Прение дьякона Федора». Стоит отметить, что феномен чудес не встречается в сочинениях, относящихся к богословскому жанру.

В той или иной форме все главы сборника несут полемический подтекст. Одновременно с этим они имеют художественный характер и ориентированы не на рассмотрение богословского противостояния «раскола» с «никонианством», а на обоснование правомерности старообрядческого протеста с точки зрения нравственности и морали. Именно в таких произведениях и нашел свое отражение феномен чудес, наиболее широко – в главе «История об отцах и страдальцах соловецких». Стоит отметить, что именно здесь наличествуют и все шесть форм чудес, выделенных нами: 1) предсказания; 2) явления, видения; 3) чудесное спасение; 4) исцеление; 5) посмертные чудеса; 6) изгнание бесов. Однако в отличие от остальных произведений сборника, где различные формы чудес направлены на обоснование одних и тех же постулатов, в «Истории об отцах и страдальцах соловецких» чудеса несут разную смысловую нагрузку. Так, большинство предсказаний подтверждает праведность соловецких монахов до раскола и перевозит соловецкую братию в нравственном отношении. Все остальные виды чудес в названном произведении имеют целью доказательство истинности убеждений соловчан после раскола. Больше всего обоснованию данного тезиса способствуют посмертные чудеса – это нетленность тел убитых иноков, возникновение горящих свечей на монашеских могилах и гигантских столбов света в момент смерти «соловецких страдальцев» (НБ ТГУ. В-27066. Л. 62).

Чудо исцеления в произведениях сборника показано двояко: 1) исцеление страдальца Богом; 2) исцеление страдальца праведником, обладающим соответствующим даром. Примечательно, что в «Истории об отцах и страдальцах соловецких» отражены обе данные формы чудес, в то время как в «Повести дьякона Федора» говорится лишь о первом виде исцелений. Необходимо отметить, что такое чудо, как изгнание бесов, наблюдается в сборнике исключительно в первой главе, и то лишь однажды (НБ ТГУ. В-27066. Л. 56). Данная тенденция вполне объяснима с точки зрения православного богословия, указывающего на невозможность наличия дара изгнания у большого количества людей (Осипов 2009: 287). И Семену Денисову, и составителю сборника, по всей видимости, представлялось достаточным упомянуть этот дар лишь единожды.

О чуде спасения в сборнике мы можем прочесть сразу в трех произведениях: «Истории об отцах и страдальцах соловецких», «Повести о новгородском белом клобуке» и «Мучении неких старцев Петра и Евдокима». Примечательно, что в «Повести...» спасается не человек, а сам новгородский белый клобук, ассоциирующийся с «истинным православием». В «Повести дьякона Федора» чудеса представлены примерами исцеления мучеников по Божьему промыслу, дабы побудить читателей к проповеди. Сходная цель преследуется дьяконом и в «Мучении неких старцев Петра и Евдокима».

Большое значение в идеологическом отношении имеет категория религиозного консерватизма, ярко прослеживаемая в сборнике. Так, в первой главе необходимость следования традициям занимает одно из центральных мест. Религиозная ортодоксальность принимает здесь две основных формы: 1) строгое следование религиозным нормам, изложенным в старопечатных книгах; 2) беспрекословное почитание авторитета отцов Церкви. В свою очередь, в «Пятой соловецкой челобитной» обсуждается вопрос о необходимости сохранения староверами культурной идентичности. При этом причиной вероисповедной реформации в России объявляется проникновение в русское православие греческой религиозной традиции и греческих служебных книг, в свою очередь, испорченных в результате турецкого влияния.

Идея сопротивления религиозным инновациям, приходящим из-за рубежа, находит продолжение в «Повести о новгородском белом клобуке». В «Прении дьякона Федора» ранее названные «осквернители» истинного православия дополняются дохристианскими философами (в частности, Платоном и Аристотелем), которые подобно греческим и римо-католическим священникам обвиняются в «мудрствовании», противоречащем наказам святых отцов и дореформенным церковным публикациям (НБ ТГУ. В-27066. Л. 197 об.). «Пятая соловецкая челобитная» и «Послание о сложении перстов» давали богословскую основу для поддержания в старообрядческих общинах консервативного уклада, в то время как авторы других произведений исходили преимущественно из эмоциональных рассуждений и не уделяли столь же значительного внимания элементам догматики. Таким образом, сборник «История об отцах и страдальцах соловецких» выполнял

для приверженцев староверия регулирующие и консервирующие функции, а также преследовал цель распространения и консолидации староверия, укрепления «старолюбцев» в убеждении, что «последним остальцам будет спастись труднее, чем всем прежним христианским мученикам и страдальцам» (Дутчак 2007: 311).

Старообрядческие сборники составлялись не в хаотическом порядке, в зависимости от того, какие сочинения имелись в наличии у их составителей, а комплектовались, следуя строгим требованиям. Старообрядческая книжность служила целям сохранения и передачи знаний и культуры староверов, почему содержание занимавших их произведений не могло носить отвлеченный или малозначимый характер (Мороз 2011: 68). По словам И.М. Грицевской, «старообрядческая книга является литературным сверхпроизведением с присущей только ему идеологической нагрузкой» (Грицевская 2009: 288).

При чтении сборника заметно явное стремление составителя к созданию образа «идеального» старообрядца. Книжник ориентировался на выбор произведений, которые могли бы наилучшим образом сформировать в уме читателя эталонный стереотип поведения старообрядца и закрепить в новых поколениях необходимость следования данному образцу. Но одного старообрядческого сочинения было недостаточно для формирования у староверов широкого представления о базовых поведенческих ценностях. Объясняется это главным образом наличием большого числа элементов подобного представления и невозможностью совместить их в рамках одного книжного жанра.

Именно с этим, по нашему мнению, необходимо связывать широкое распространение сборников в старообрядческой среде. Конечно, определенную роль в данном случае нужно отводить и специфике книгопечатания конца XVIII в., в частности, учитывать высокую стоимость внешнего оформления книги (Пругавин 1884: 181) и финансовую невыгодность для издателя малостраничных изданий. Не стоит и забывать, что для старообрядчества было характерно проявление особой щепетильности в отношении книжной культуры. Мы знаем, что на покупку религиозной литературы старообрядцы не жалели денег (Дутчак 2011: 84). Можно полагать, что старообрядческие общины были в состоянии позволить себе покупку и отдельных сочинений, не сформированных

в единый свод, что возвращает нас к вопросу о практической необходимости комплектования произведений в сборники. Весьма показательным в данном случае является результат сравнения изданий «Истории об отцах и страдальцах соловецких», выпущенных на протяжении конца XVIII – начала XX вв. Шесть из девяти изданий осуществлялись исключительно в составе одноименного сборника и, несмотря на ряд изменений в художественном оформлении, не приобрели каких-либо структурных отличий от первоначального варианта 1789 г., что невозможно объяснить одним лишь традиционализмом старообрядцев. Следует полагать, что сохранение структуры книги определялось не бездумной традицией, а практической потребностью объединения данных произведений в единую «конструкцию».

Для старообрядческих сборников характерна строгая последовательность произведений. Подобная тенденция прослеживается в обеих «волнах» публикации «Истории об отцах и страдальцах соловецких». Причину последовательного сохранения внутренней структуры сборника можно раскрыть на примере его пятой главы, где помещены сразу два произведения: «Повесть дьякона Федора» и «Мучение неких старцев Петра и Евдокима». Шестую главу сборника занимает другое сочинение Иванова – «Прение дьякона Федора». По какой причине два произведения были включены в одну главу? Почему одно из них нельзя было поместить совместно с «Прением дьякона Федора» в шестой главе? Ответы на эти вопросы имеют принципиальное значение для понимания системы структурного формирования староверческих сборников устойчивого состава.

На взгляд А. Бровковича, в «Повести дьякона Федора» фактически не раскрывается учение староверов (Бровкович 1861: 28). Вместо этого утверждается тезис о недопустимости исправления древних книг, а также приводятся примеры нескольких чудес для эмоционального подтверждения такого положения. Принципиально важно, что в продолжении пятой главы, а именно в «Мучении неких старцев Петра и Евдокима», приведен значительный пласт богословской аргументации, направленной на прославление дореформенной книжности и обличение религиозной литературы, появившейся в результате деятельности патриарха Никона. Таким образом, произведения, вошедшие в пятую главу, были

соединены с целью взаимного дополнения. Первая часть главы формулирует тезис, а также эмфатически окрашивает его, вводя в рассуждение несколько примеров чудес. В результате происходит противопоставление (в соответствии со старообрядческой традицией) абсолютного добра абсолютному злу (Мороз 2011: 69). Одновременно с этим вторая половина главы выдвигает догматическую аргументацию приведенному положению, обеспечивая староверов необходимыми богословскими решениями для ведения качественной полемики с «нововерами».

Нетрудно видеть, что о мученичестве (его формах, задачах и результатах) идет речь в «Истории об отцах и страдальцах соловецких» и «Повести о новгородском белом клобуке». «Мучение неких старцев Петра и Евдокима» дополняет данные главы и дает эмоциональную основу для принятия читателями мученичества за неотъемлемую «составляющую» «идеального старовера». Именно за счет совместного влияния всех сочинений, вошедших в сборник, у читателя должны были формироваться необходимые старообрядцу нравственные нормы. Так, среди всех упоминаемых в сборнике нравственных качеств чаще всего выделяются благочестие, великодушие, праведность, милосердие. Интересно, что в «Истории...» рассуждения о необходимости сохранения традиционной религиозной культуры несут, как правило, эмоциональную характеристику, в то время как во второй главе сборника они закрепляются на богословском уровне. Скорее всего, именно со взаимодополнением двух этих произведений необходимо связывать то обстоятельство, что первая печатная версия сборника содержала лишь эти две главы, которых, по мнению составителя, вероятно, хватало для формирования наилучшего стереотипа старообрядческого поведения.

Следует отметить, что «История об отцах и страдальцах соловецких» благодаря своему продуманному «устройству» снискала значительное внимание читателей, принадлежавших ко множеству направлений старообрядчества. Особенно это справедливо для староверов-беспоповцев, для которых сборник фактически стал «настойной книгой» наряду с такими выдающимися сочинениями, как «Виноград Российский», «Поморские ответы» и др. Строгий порядок произведений в компиляции и последовательное их чередование обеспечивали закрепление религиозных убеждений

в умах читателей в соответствии с насущными потребностями старообрядческих общин, что позволило «Истории...» стать одним из наиболее печатаемых литературных произведений старообрядцев в XVIII–XX вв.

Литература

Бровкович А.И. 1861. Описание некоторых сочинений, написанных раскольниками в пользу раскола. Санкт-Петербург: Тип. товарищества «Общественная польза», 340 с.

Вознесенский А.В. 2010. К истории славянской печатной Псалтири. Московская традиция XVI–XVII веков. Простая псалтырь. Москва: Альянс-Архео, 679 с.

Вознесенский А.В. 1996а. Книгоиздательская деятельность старообрядцев (1701–1918): материалы к словарю / А.В. Вознесенский, П.И. Мангилев, И.В. Починская. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 82 с.

Вознесенский А.В. 1996б. Старообрядческие издания XVIII – начала XIX века: Введение в изучение. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 160 с.

Грицевская И.М. 2009. Структура старообрядческих сборников: Соловецкий и Пустозерский циклы в сборнике из Нижегородской областной библиотеки // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского 4, 288–294.

Дутчак Е.Е. 2007. Из «Вавилона в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX – начало XXI в.). Томск: Изд-во ТГУ, 414 с.

Дутчак Е.Е. 2011. Кириллические книжные собрания и их владельцы: сравнительный анализ конфессиональных стратегий староверия // Вестник Российского университета дружбы народов 4, 75–88.

Кириллин В.М. 2003. Время возникновения краткой редакции «Повести о новгородском белом клобуке» и ее общественное значение // Древняя Русь: Вопросы медиевистики 4, 32–34.

Мороз А.Б. 2011. О круге чтения в России в XVII – начале XVIII века // Вруцелето, эмблемат, апофегмат. Цельногравированные кириллические книги и гравюры в русских рукописях XVI – XIX веков из собрания Ярославского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. Москва: Легейн, 64–73.

Понырко Н.В. 2002. История об отцах и страдальцах соловецких: лицевой список из собрания Ф.Ф. Мазурина / Н.В. Понырко, Е.М. Юхименко. Москва: Языки славянской культуры», 272 с.

Починская И.В. 2010. Рукописные и старопечатные книги кириллической традиции: изучение, описание, хранение / И.В. Починская, П.И. Мангилов, Н.В. Ануфриева. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 480 с.

Пругавин А.С. 1884. Запросы и проявления умственной жизни в расколе // Русская мысль. Год пятый. Кн. I. С. 161–198.

Осипов А.И. 2010. Путь разума в поисках истины. 6-е изд., испр. Москва: Изд-во Сретенского монастыря, 496 с.

Розов Н.Н. 1953. Повесть о новгородском белом клобуке как памятник публицистики XV в. // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. IX. С. 178–219.

Глава 7

ПОДРАЖАНИЯ ЗОЛОТЫМ МОНЕТАМ И МЕДАЛЯМ ПОСЛЕДНИХ ОСМАНСКИХ СУЛТАНОВ КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

Аннотация. Нас заинтересовала группа монист, находимых на территории России. Они украшены символами, характерными для османских золотых монет и медалей рубежа нашей эры. Так что они определенно интересны как памятники нумизматики и фалеристики. Но куда важнее то, что на них размещены девизы младотурок и призывы к газавату.

Мы попытались объяснить это явление. В процессе изучения материала было установлено, что фигуры на монистах являются довольно непрофессионально выполненными копиями изображений на османских монетах и медалях. Надписи на объектах нашего исследования выполнены крайне неумело. Складывается впечатление, что их резали мастера, незнакомые с арабским алфавитом. В то же время резчики штампов старались передать хотя бы внешний вид текстов.

Учитывая это обстоятельство, заключаем, что изучаемые монисты были изготовлены не в Османской империи, а в государствах Европы, власти которых стремились использовать идеи пантюркизма и исламизма в своих целях. Полагаем, что изучаемые нами мониста были выпущены в период Первой мировой войны и предназначались для распространения на территориях государств Антанты. Операция проводилась с целью организации массовых выступлений мусульманского населения. Однако очевидная слабость Османского государства помешала реализации этих замыслов.

Ключевые слова: история, нумизматика, мониста, Первая мировая война, Османская империя.

Продолжая ранее начатое исследование (Чореф 2016а: 135–141; Чореф 2016b: 165–174), обратим внимание на весьма интересные мониста, широко распространенные в Малой Азии, в Южной и Центральной Европе. Они достаточно хорошо известны

в России, в том числе и в Сибири. Речь пойдет о подвесках, украшенных изображениями тугры над скрещенными пушечными стволами на аверсе и штандарта Османской империи на реверсе (рис. 1: 1, 2). Они интересны хотя бы тем, что выполнены в новом стиле, не свойственном прежним выпускам монист. Начнем с того, что изучаемые нами артефакты отчеканены на дисках, вырубленных из толстого листа бронзы машинным способом. Далее, на всех заготовках был накатан ребристый гурт. И, в конце концов, изучаемые мониста снабжены ушками для подвешивания. Так что изучаемые подвески производят впечатление медалей.

Объясним, почему это необычно для монист. Заметим, что прежде их чеканили на тонких латунных заготовках, в которых было довольно легко пробить нужные отверстия. Понятно, что гурт при этом не накатывали. И это не было случайным. Ведь, как правило, на мониста шли счетные пфенниги, а после прекращения их производства – разнообразные жетоны, изготовленные по одной и той же технологии. Их выпускали с помощью вальцевального станка (Чореф 2016а: 135–141).

Идея пробивать в них отверстия для составления монист появилась не сразу, а уже в конце длительного периода использования, когда необходимость в счетных пфеннигах отпала. Она не была предусмотрена изготовителями. Но, как уже было сказано выше, у артефактов изучаемой нами разновидности обязательно присутствуют ушки для подвешивания. Следовательно, мы имеем дело с репликами, выпущенными специально для составления традиционных украшений.

Отдаем себе отчет в том, что наше заключение вряд ли получит всеобщую поддержку. Ведь изготавливаемые мониста не зря изготавливали с ушками¹ (рис. 1: 1, 2). Да и оформлены они весьма изящно. Следовательно, изучаемые артефакты могли быть официальными медалями. Однако мы этот тезис принять не можем. Да, ключевой элемент оформления ее реверса был использован при декорировании наград: *Imtiyaz Madalyası*, *Liyakat Madalyası* и *Sanayi Madalyası* (Erüreten 2001). Речь идет о штандарте Османской империи. На изучаемых монистах его разместили

¹ Приводим изображения монист наилучшей сохранности.

на реверсе (рис. 1: 1, 2). Однако в сочетании с тугрой над скрещенными пушками на медалях он не встречается (Erüreten 2001). Да и оттискивали его только на аверсе (Erüreten 2001). Зато тугра над скрещенными пушками и штандарт империи известны на османских золотых монетах (Artuk, Artuk 1974). Правда, они также совместно со штандартом империи не встречаются (Artuk, Artuk 1974). Следовательно, изучаемый медальон оформляли с использованием ординарной символики, но с новым истолкованием ее знаковых элементов. В таком случае могли переосмысливать не только идеи оформления османских наград, но и монет. Однако при этом изучаемые артефакты носили как в составе ожерелий – монист, так и вместе с официальными наградами (www.numisbids.com: 1) (рис. 2). Полагаем, что это требует объяснения.

Кроме того, не ясно, что побудило изготовителей наладить их выпуск. Ведь принципы оформления традиционного наряда и составления украшений довольно консервативны. Попытаемся прояснить и это крайне интересное обстоятельство.

Перейдем к описанию заинтересовавших нас монист. Начнем с того, что все они представляют собой сравнительно небольшие изделия. Нам известны экземпляры размером от 1,9 до 2,7 см. (zeno: 1; zeno: 2). Похоже, что их золотили (www.numisbids.com: 2) (рис. 1: 1). В любом случае, с учетом своего небольшого диаметра, основными элементами оформления ожерелий они быть не могли.

Но, тем не менее, изучаемые мониста оформляли весьма высокохудожественно. Обратим внимание на экземпляр, изображение которого приведено на рис. 1: 1. На его аверсе оттиснута крайне интересная, причем профессионально составленная и оформленная композиция. Чуть выше центра поля выбита тугра османского султана. Она построена по всем правилам. Настораживает только заметная небрежность при передаче составляющих ее символов¹. Но это не должно удивлять. Полагаем, что резчик штемпеля не имел практики начертания тугры, или, что с нашей точки зрения более вероятно, не стремился тщательно ее передать. Хотя прочие символы на аверсе монисты он отобразил

¹ Истолкование этого факта приведем ниже.

весьма тщательно и даже, можно сказать, профессионально. Определенно, он знал арабскую грамоту и имел опыт оформления штемпелей.

Однако почему же он не вырезал символы тугры на чекане, а лишь наметил их тонкими линиями? В результате она весьма плохо читается. Но разобрать составляющие ее символы все же можно. Ведь эту композицию, очевидно, не придумали, а копировали с хорошо известного и популярного оригинала. Согласимся, что в противном случае медальон не был бы востребован для составления монист.

И действительно, часть символов тугры вполне различима. Речь идет о нижних двух строках, содержащих имя правителя. Читаем: الحميد عبد – «Абд эль-Хамид». Полагаем, что в тугре есть основания разобрать: دائماالمظفرالمجيدعبدابنخاناالحميد عبد – «Абд эль-Хамид хан, сын Абд эль-Меджида, победоносный вовеки». Убеждает нас в верности этого прочтения и то, что правее тугры оттиснут почетный титул этого султана: غازيال – «газий». Так что у нас есть определенные основания считать, что копировали тургу султана Абд эль-Хамида II (1876–1909).

Столь же изящно оформлен и аверс монисты, изображение которой приведено на рис. 1: 2. Правда, тугра выполнена весьма небрежно, так, что ее верхние строки нечитаемы. Кроме того, правее ее вместо лакаба султана оттиснута ветвь с четырьмя листками.

Но мы все же находим и этот медальон крайне интересным. Дело в том, что его лицевая сторона выполнена в стиле, близком к monnaie deluxe чекана Абд эль-Хамида II. Напомним, что при нем в обращение поступили изящно оформленные золотые монеты номиналом от 12½ до 500 курушей¹. К monnaie deluxe относят золотые монеты достоинством от 50 до 500 курушей. На их лицевой стороне оттискивали традиционную для османского золота того периода композицию: тугру султана, обрамленную сверху семью пятиконечными звездами, а снизу – лавровым венком и двумя скрещенными пушечными стволами, а на реверсе

¹ То есть от 0,125 до 5 турецких лир. В тот период времени эта основная денежная единица Османской империи соответствовала 0,9 фунта стерлингов (Pamuk 2000: 209).

размещали надпись с указанием места чеканки (Artuk, Artuk 1974: 724–726, № 2094–2103).

Хотя разработчики штемпелей изучаемых монист могли их и не копировать. Так, на лицевой стороне медальона на рис. 1: 1 звезды отсутствуют. На нем тугра обрамлена только лавровым венком (рис. 1: 1). И это также вполне объяснимо. Ведь мелкие звезды слабо различимы. Полагаем, что мониста на рис. 1: 1, 2 появились в результате параллельного развития нескольких идей оформления.

Но вернемся к monnaiedeluxe Абд эль-Хамида II. Заметим, что их оформляли куда изящнее. На их аверсе также оттискивали высокохудожественно выполненный штандарт Османской империи, а на реверсе – каллиграфические надписи (Artuk, Artuk 1974: 725–726, № 2095–2099). И действительно, на оборотных сторонах изучаемых медальонов оттиснут этот знаковый символ. Следовательно, у нас есть основания допустить, что копировали monnaiedeluxe чекана Абд эль-Хамида II.

Но напомним, что нам неизвестны монеты с таким обрамлением аверса и реверса. Следовательно, мастера могли копировать не один, а два вида золотых монет или медалей, создав, таким образом, гибридное подражание.

Однако не все так просто. Дело в том, что на лицевой стороне артефакта, изображение которого приведено на рис. 1: 1, различима дата выпуска – ١٣٢٤ (1324). Следовательно, образцом послужила монета или медаль выпуска 1324 г.х. (1907–1908 г. н.э.). Однако эта дата не является инициальной¹ для Абд эль-Хамида II. Напомним, что он пришел к власти в 1293 г.х. Причем у нас нет оснований видеть в трактуемом обозначении ошибку резчика. Указание на эту дату присутствует на всех изучаемых монистах² (рис. 1: 1, 2). Да и под ней на рис. 1: 1 читается безусловное سنة – «года».

Совершенно убеждает в верности нашего прочтения то, что выше его различимо очевидное ١١ تموزا – «11 теммуза»³.

¹ На османских монетах оттискивали инициальную дату и указание на год правления султана.

² На рис. 1: 2 это указание различимо на реверсе.

³ Турецкое произношение.

Получается, что изучаемый артефакт был выпущен в память о событии, произошедшем 11 теммуза 1324 г.х., т.е. 24 июля 1908 г.

Полагаем, что все эти обозначения не могли появиться на монисте случайно. На монисте присутствует явное указание на одно из важнейших, судьбоносных событий в истории Турции. Речь идет о перевороте, организованном младотурками, в результате которого была введена конституция¹, впоследствии низложен Абд эль-Хамид II, а султаном стал Мехмед V Решад (1909–1918). Так что понятно, почему указание на эту дату размещено сразу же под тугрой.

Обратим внимание на реверс медальонов (рис. 1: 1, 2). На них оттиснуто вполне безупречное изображение штандарта Османской империи (рис. 1: 1, 2). Примечательно, что в его верхней части присутствует тугра. Правда, на изучаемых артефактах она, в силу своих малых размеров, нечитаема. Складывается впечатление, что ее передали небрежно по вине мастера. Но этот факт ее наличия не может быть случайным. Дело в том, что ни на одной османской монете или медали нет изображения тугры на обеих сторонах (Artuk, Artuk 1974; Erüreten 2001). Так что тщательно прочерчивать ее на реверсе не было нужды.

Учитывая это обстоятельство, попытаемся разобрать надпись, выбитую на оборотных сторонах монист. Она размещена в верхней части поля. Полагаем, что этот текст куда более информативный, чем размещенная под ним тугра. И сразу же заметим, что надпись выполнена весьма непрофессионально. Судим по тому, что составляющие ее буквы угловаты, сильно искажены, причем даны раздельно. Полагаем, что их резал на штампе мастер, не знакомый с арабским алфавитом. Есть все основания считать, что он весьма неумело скопировал непонятный ему текст. На первый взгляд, складывается впечатление, что легенда реверса монист нечитаема. Однако ее символы все же различимы. Учитывая конфигурацию букв, читаем: غازي محمد سلطان خاقان – «*повелитель султан Мехмед газий*». Так что и эта надпись тоже напоминает о младотурецкой революции и идеях ее лидеров, а также прославляет гаранта конституции – правящего султана. И чтобы совершенно

¹ Подробнее о событиях этого дня см.: Sohrabi 2011: 114, 125, 130–132, 137, 141.

убедиться в верности нашего прочтения, обратим внимание на нижнюю часть поля реверса. Там выбита еще одна надпись: سنة ١٣٢٤ تموز ١١ – «11 теммуза 1324 года». Полагаем, что обе изучаемые медали были отчеканены в память об этом событии.

Однако, как помним, на аверсе монист выбита тугра Абд эль-Хамида II. Попытаемся объяснить ее наличие на аверсе в сочетании с именем и титулом его наследника на реверсе. И сразу же заметим, что не считаем убедительным тот факт, что подпись первого из них могла появиться в память о том, что он ввел конституцию. Ведь, как помним, этот правитель был низложен младотурками.

Для поиска ответа на этот вопрос обратим внимание на подборку медальонов, изображения которых приведены на рис. 3. Хорошо видно, что важными элементами их оформления являются тугра султана над скрещенными пушками (рис. 3: 1, 2), а также штандарт Османской империи (рис. 3: 4, 5). Однако наличествуют еще две знаковые композиции: скрещенные знамена (рис. 3: 4—7) и портрет султана (рис. 3: 1—3). Причем выпускали их не только из традиционных бронзы и латуни (рис. 3: 1—4, 6—7), но и из алюминия (рис. 3: 5). Полагаем, что это делали с целью удешевления производства. Да и легенда реверса стала пространнее: вместо краткого غازي محمد سلطان خاقان (рис. 3: 1) на некоторых монистах них выбито пространное رشاد غازي محمد سلطان خاقان – «повелитель султан Мехмед Решад газий» (рис. 3: 1, 2). Известны выпуски с лозунгами партии «Единение и Прогресс» (рис. 3: 7). Получается, что как изображения, так и легенды монист претерпели определенную эволюцию.

Но не это сейчас важно. Куда существеннее то, что все эти медали снабжены указанием на дату – 11 теммуза 1324 г.х. (рис. 3). Следовательно, всех их можно считать медалями, отчеканенными в память о принятии конституции. Вполне возможно, что их выпустили неофициально, без санкции государственной власти. А это, в свою очередь, позволяет объяснить как обилие их типов, так и очевидную длительность выпуска. Полагаем, что первые их серии – с правильно переданными легендами (рис. 3: 3, 7) – выпустили по заказу отделений партии «Единение и прогресс». Вполне возможно, что эти мониста отчеканили на государственных монетных дворах. Однако остальные выпуски таких медальонов

могли пройти и за пределами Османской империи. Причем их эмиссия вполне могла быть организована лицами, незнакомыми с арабским алфавитом. В любом случае, все эти медальоны пропагандировали идеи младотурок, в том числе пантюркизма и панисламизма (Киракосян 1989). Ведь не случайно их легенды напоминали о дате переворота, а Мехмед V Решад прославлялся как гаязий.

Перейдем к формулированию выводов. Безусловно, ни один из элементов оформления монист, изображения которых приведены на рис. 1: 1, 2, не может быть случайным. Причем цель их выпуска – пропаганда важнейших идей младотурок, и что крайне важно, – в разрезе ведения религиозной войны с неверными. Далее, мониста оформили так, чтобы не возникало сложностей с их использованием на территориях, неподвластных мусульманам¹. Ведь не случайно тугры на них нечитаемые, а указания на памятную дату даны мелким шрифтом. Зато, что, безусловно, интересно, изображения и надписи реверса пропагандируют священную войну с немусульманами и прославляют Османскую империю. Причем заметим, что славословия в честь султана Мехмеда V Решада набраны крупным шрифтом.

Допускаем, что выпуск поздних серий монист – с трудночитаемыми легендами – прошел не на территории Османской империи, а за ее пределами, но, в любом случае, на землях союзных государств в тот период времени, когда шла война с неверными, которую вел как чествуемый на монистах султан Мехмед V Решад, так и государь, во владениях которых чеканили изучаемые мониста. Полагаем, что речь может идти только о Первой мировой войне.

В таком случае у нас есть определенные основания считать, что монисты, изображения которых приведены на рис. 1: 1, 2, были выбиты на территории государства, где было сложно найти резчиков, знакомых с арабской грамматикой, т.е. явно не в Болгарии. В то же время один из мастеров – резавший аверс – был хорошо знаком с монетами Абд эль-Хамида II. Безусловно, он их видел. Допускаем, что он мог жить в Боснии, отторгнутой

¹ Напомним, что османская монета довольно долго обращалась в уже русском Крыму (Чореф 2011: 359–370).

от Османской империи по решению Берлинского конгресса. Приходим к выводу, что наши артефакты могли выпустить в Австро-Венгрии.

Напомним, что в 1914–1918 гг. Центральные державы: Германия, Австро-Венгрия, Болгария и Османская империя воевали со странами Антанты. На землях последних, как в метрополиях, так и в колониях, было много мусульман. Многие из них – сунниты – почитали правящего Османа как халифа. Соответственно, было целесообразно наладить выпуск монист для пропаганды идей понтюркизма и панисламизма. Так что не случайно их оформили в виде медалей. Такие мониста могли использовать и как элемент для составления украшений, и как своеобразные награды. Причем люди, слабо знакомые с арабской грамматикой, не обращали внимания на нарочитую небрежность надписей. Зато они должны были ценить и разделять пропагандируемые с помощью наших медалей идеи.

Сам же факт широкого распространения изучаемых монист говорит о том, что проект их выпуска был довольно перспективным. Однако крайняя слабость Османской империи, ставшая очевидной в ходе Первой мировой войны, лишила выпуск изучаемых монист ожидаемого эффекта. Но, в любом случае, они являются интересным памятником эпохи.

Мы не считаем наше исследование завершенным. Пока нами освещен только один аспект выпуска народных медалей с целью пропаганды идей страны – участницы Первой мировой войны. Очевидно, что этого недостаточно. Планируем детально осветить этот вопрос в ближайшем будущем.

Литература

Киракосян Дж.С. 1989. Младотурки перед судом истории. Ереван: Айстан.

Чореф М.М. 2011. К вопросу об обращении иностранной монеты в Крыму в XVI–XIX вв. // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Вып. 3. Севастополь; Тюмень, 359–370.

Чореф М.М. 2016а. К вопросу о локализации производства реплик восточных монет, использовавшихся для составления монист народами Западной Сибири // Причерноморье. История, политика, культура 19. Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 135–141.

Чорэф М.М. 2016б. К вопросу о причинах проникновения и характере использования китайской монеты в Сибири // Современные научные исследования и инновации 10(62), 165–174.

Artuk İ, ArtukC. 1974. İstanbul arkeoloji müzeleri teşhirdeki islâmi sikkeler kataloğu. Cт. II. İstanbul: Milli Eğitim Bakanlığı.

Erüreten M. 2001. Osmanli Madalyalar ve Nisanlar: Belgelerle Tarihi. İstanbul: Destination Management Company.

Pamuk Ş. 2000. A Monetary History of the Ottoman Empire. Cambridge: Cambridge University Press.

Sohrabi N. 2011. Revolution and Constitutionalism in the Ottoman Empire and Iran. Cambridge: Cambridge University Press.

www.numisbids.com: 1: NumisBids: Stephen Album Rare Coins Auction 18, Lot 1883: GERMANY. URL: <https://www.numisbids.com/n.php?p=lot&sid=618&lot=1883> (дата обращения: 21.02.2017).

www.numisbids.com: 2: NumisBids: Jean Elsen & ses Fils Auction 124, Lot 1721: Ottoman Empire, Abdul Hamid II (AH 1293-1327/AD 1876-1909). URL: <https://www.numisbids.com/n.php?p=lot&sid=1020&lot=1721> (дата обращения: 21.02.2017).

Zeno: 1: Zeno – Oriental Coins Database – Unofficial Kanun-i Essai Medal. URL: <http://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=93594> (дата обращения: 21.02.2017).

Zeno: 2: Zeno – Oriental Coins Database – Unofficial Kanun-i Essai Medal. URL: <http://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=93596> (дата обращения: 21.02.2017).

Рис. 1. Мониста – реплики османских монет и медалей с тургой на аверсе и со штандартом империи на реверсе

Рис. 2. Пример ношения изучаемых монист

Рис. 3. Мониста, пропагандирующие идеи пантюркизма и панисламизма

Глава 8

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА В 1917–1936 гг. (НА МАТЕРИАЛАХ ТОБОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ): ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. Статья посвящена анализу источниковой базы исследования в области взаимоотношений Русской Православной церкви и государства в 1917–1936 гг. (на материалах Тобольской епархии). Отмечается, что весь комплекс документов может быть структурирован в рамках четырех групп. Указывается на наибольшую информативность и значимость для раскрытия изучаемого вопроса неопубликованных документов, извлеченных из архивов Тюмени, Тобольска, Кургана, Ханты-Мансийска, Сургута, в том числе вводимых в научный оборот впервые.

Ключевые слова: Русская Православная церковь, Тобольская епархия, архив, исторический источник.

Политические и социальные катаклизмы, потрясшие Россию в 1917 г, не могли не отразиться на положении Русской Православной церкви, которая считалась первенствующей и главенствующей религиозной организацией в стране. События февральской, а затем и октябрьской революции привели к законодательному освобождению церкви из-под опеки государства. Временное Правительство уравнило права РПЦ с другими религиозными организациями, но при этом оно старалось оказать ей помощь на государственном уровне как «религии основной части населения». В Советской России была предпринята попытка отделить церковь не только от государства и школы, но и от общества в целом. Она была гонима и ограничена в своих правах. Данные перемены требовали от православной общественности перехода к новым формам религиозно-просветительной работы и умения жить в условиях широкой антирелигиозной государственной компании.

Сюжеты, связанные с историей существования конфессий в XX в., привлекали и привлекают внимание ученых, публицистов, церковных и партийных деятелей. К настоящему времени создано

большое количество работ, посвященных особенностям отношений РПЦ и государства в целом. Освещена деятельность высших государственных органов и руководства церкви. Однако, учитывая колоссальные размеры нашей страны, специфику тех или иных территорий, обусловленную как характером их предшествующего исторического развития, так и множеством других обстоятельств, невозможно объективно восстановить историю взаимоотношений светской и церковной власти без обращения к региональному материалу. Особенно это касается старейшей в Сибири Тобольской епархии. Интерес к изучаемому региону обусловлен тем, что на его примере можно проследить специфику государственно-церковных связей в российской провинции, где многие события, такие как антирелигиозные кампании советского правительства, подчас имели неоднозначное и противоречивое проявление. Кроме того, российская история XX в. немыслима без анализа религиозной политики государственной власти. Ее результаты касались напрямую многомиллионного населения страны, они отражались не только на многих аспектах повседневной жизни людей, но и сказывались на развитии общественного сознания, системы образования и просвещения, культуры в целом.

Разработка темы предполагает изучение и использование значительной группы источников. Их можно условно разделить на четыре группы.

К *первой группе* относятся законодательные акты органов высшего государственного и церковного управления. В этих источниках содержатся сведения о нормативной регуляции исследуемых вопросов, позволяющие проследить основные направления политики правительства в отношении РПЦ, а также законотворчество высших церковных властей.

Издание «Собрание определений и постановлений Священного собора Православной российской церкви 1917–1918 гг.» (Собрание... 1994) служит большим подспорьем при изучении работы Поместного собора, от решений которого зависела дальнейшая судьба реформирования всего церковного организма.

Невозможно представить исследование по новейшей истории РПЦ без обращения к сборнику «Акты святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы

и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг.» (Акты... 1994), составленному церковным историком М.Е. Губониным. Это один из самых крупных научно-исторических архивов, состоящий из неопубликованных ранее документов.

Провести анализ положения РПЦ в условиях советской политической системы позволяют материалы периодического сборника «Собрания узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР» (Собрание... 1942). В нем публиковались декреты и постановления СНК, нормы которых были положены в том числе и в основу государственной религиозной политики.

Ко *второй группе* относятся материалы текущего делопроизводства местных органов светской власти и церковных учреждений.

Частично они представлены сборниками документов. Так, благодаря А.В. Чернышову были опубликованы материалы фондов региональных архивов ФСБ (Чернышов 2000). Подробнейшие информационные сводки губернской ЧК за 1921 г. о политическом состоянии губернии, отчеты окружных ОГПУ в период с 1922 по 1930-е гг. о настроениях среди основных социальных слоев и расколе внутри православного духовенства, записки об агентурно-оперативной работе НКВД среди верующих в 1940-е гг. и другие документы проливают свет на методы и способы контроля за деятельностью РПЦ в регионе, применявшиеся местными властями.

Благодаря материалам, содержащимся в еженедельных сводках Тюменского губернского отдела ГПУ, мы можем восстановить картину отношения населения к изъятию церковных ценностей. Агентурная работа велась среди четырех групп населения: крестьян; рабочих; духовенства; горожан, интеллигенции и служащих советских учреждений. Информационные сводки свидетельствуют о том, что жители региона в целом изъятием были недовольны. В то же время большинство понимало, что ценности придется отдать: «Добром не отдашь, силой возьмут», – говорили в народе (Чернышов 2000: 33).

Категорически против «поругания святынь» выступали крестьяне. Они упрекали священников в том, что те «подписали воззвание о сдаче ценностей», говоря: «Соввласть ... до церкви

добирается, все золото отправят за границу, а хлеб съедят сами» (Религия... 1994: 104). Рабочие в общей массе сохраняли пассивность в отношении церковного вопроса. Явных выпадов в защиту церкви или агитации за изъятие ценностей не было. Практически повсеместно на предприятиях и заводах губернии были вынесены постановления в поддержку экспроприации. Но даже самые революционно настроенные рабочие были не согласны с огульным обиранием храмов. Они предлагали заменить взятые из церквей вещи более простыми, но необходимыми в богослужебной практике, дабы не наносить ущерб религиозным чувствам верующих. Наиболее активную позицию занимали служащие советских учреждений, в большинстве своем являвшиеся представителями интеллигенции. Они были недовольны проводимыми мероприятиями и обвиняли власть в очередном обмане народа.

На страницах сборника научных статей и документальных материалов «Религия и церковь в Сибири» публикуются подборки документов по изучаемой проблеме в разделе «Огнем большевизма по русскому православию». Здесь представлены различные отчеты губернских комиссий, стенограммы заседаний исполкомов, жалобы верующих, списки членов СВБ и другие документы, которые в совокупности позволяют представить не только внешнюю сторону процесса антирелигиозной политики государства, но и внутренние механизмы, определявшие его пути и приемы.

Неоценимым источником по реконструкции событий и процессов, протекавших в изучаемом регионе, явился изданный по совместной инициативе творческого объединения «Лад» и Тюменского государственного университета сборник «Черные дни русского православия», основанный на документах, выявленных в архивах Тюмени, Омска, Тобольска, а также газетных публикациях, ставших в настоящее время библиографической редкостью (Черные... 1992). Интерес представляют постановления Тобольского епархиального совета, воззвания епископа Иринарха (Синеокова-Андриевского) и др. Часть источников повествует о закрытии культовых зданий и расторжении договоров с религиозными общинами.

Издание «Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Тобольской губернии» характеризует жизнь религиозной

общественности в 1917–1918 гг. и дает представление о количестве церковных съездов, составе делегатов, обсуждаемых вопросах (Съезды 1992).

Цикл работ В.А. Курмачева (Курмачев 2000, 2002) посвящен отдельным церквям и монашеским общинам Тюменского края. Архивные документы, повествующие об антицерковных мероприятиях советской власти, расположены в хронологическом порядке. Это позволяет проследить судьбу того или иного храма начиная с 1917 г. и заканчивая ликвидацией православных общин в 1930-х гг.

В сфере изучения истории взаимоотношений РПЦ и государства документальную базу составляют неопубликованные документы, извлеченные из архивов.

Государственный архив в г. Тобольске содержит значительное число документов, относящихся к изучаемой теме. В фонде Канцелярии епископа Сибирского и Тобольского (Ф. И-57) содержатся циркуляры и инструкции обновленческого Сибирского церковного управления, а также его переписка с Тобольским епархиальным церковным советом.

В фонде Тобольского епархиального комитета православного миссионерского общества (Ф. И-58) изучению подлежат документы, отражающие реакцию духовенства на изъятие школ из церковного ведомства.

В фонде Тобольского уездного военно-революционного комитета (Ф. Р-317) использованы дела, содержащие циркуляры губернского исполкома, описи церковного имущества, сданного в комиссию, протоколы и акты заседаний Тобольской комиссии по отделению церкви от государства, позволяющие реконструировать первоначальный период претворения декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» в жизнь. Так, мы узнаем, что в Тобольской епархии в 1920 г. отмечались факты саботажа постановлений правительства: священнослужители отказывались отдавать метрические книги и агитировали на это верующих; крестили, хоронили, устраивали крестные ходы без разрешений соответствующих органов.

Деятельность Тобольской комиссии по изъятию церковных ценностей отражена в материалах фонда исполнительного комитета Тобольского уездного совета рабочих, крестьянских

и красноармейских депутатов (Ф. Р-392). Протоколы, акты, мандаты и другие материалы комиссии дают возможность восстановить картину проведения этой кампании в уезде и подсчитать точное количество изъятого. Здесь обнаружен документ «Мандат, выданный Тобольским уездным исполкомом уполномоченному уездной комиссии по изъятию церковных ценностей». Он позволяет оценить ту колоссальную роль, которая отводилась кампании по изъятию в регионах. Председатель подкомиссии наделялся беспрецедентными полномочиями: привлекал к работе представителей местных органов власти по своему усмотрению; пользовался средствами передвижения и связи без оплаты; принимал любые меры воздействия вплоть до ареста ко всем должностным и частным лицам, препятствующим работе. Волисполкомы, сельсоветы и органы милиции должны были оказывать «самое горячее и всестороннее содействие» председателю и следующей при нем группе, «выполняя все его законные требования беспрепятственно» (ГБУТО ГАТ. Ф. Р-392. Оп. 1. Д. 146. Л. 5 об.).

Кампания по изъятию церковных ценностей продолжалась в изучаемом регионе чуть более четырех месяцев и завершилась в августе 1922 г. Каково же было количество изъятого? Ответить на этот вопрос сложно, данные в источниках разнятся. Так, в официальном отчете от 23 мая 1922 г. председатель подкомиссии по изъятию церковных ценностей в Тобольске и уезде Кожуков рапортует о 79 пудах изъятого серебра в городе. В более позднем отчете от 27 мая он уже сообщает о 68 пудах изъятого (ГБУТО ГАТ. Ф. Р-392. Оп. 1. Д. 146. Л. 8., 16 об.). В свою очередь газета «Трудовой набат» за 14 мая публикует статью, в которой утверждается, о том, что изъято 76 пудов серебра (Изъятие... 1922).

Подобные разночтения можно привести и по изъятию золоту. Из официальных отчетов мы узнаем об одном фунте изъятого (ГБУТО ГАТ. Ф. Р-392. Оп. 1. Д. 146. Л. 16 об.), а периодическая печать сообщает о двух фунтах (Изъятие... 1922). Наиболее сильные расхождения в источниках касаются изъятых драгоценных камней. Если в газете «Тобольский Север» размещена информация о том, что из 20 тобольских церквей изъято 2968 камней (Крест... 1922), то в «Трудовом набате» сообщается, что по всей губернии было изъято всего 1609 камней (Изъятие... 1922).

Объяснить такие значительные расхождения отчасти можно стремлением преувеличить объемы изъятого и тем самым продемонстрировать огромные богатства церкви. Зачастую статьи, повествующие о количестве изъятого из церквей, выходили задолго до опубликования официальных отчетов. При этом сами члены комиссии указывали на то, что описи церковного имущества изначально составлялись неправильно. Окончательной проверки ценностей не производилось. Количество драгоценных камней подсчитывалось неточно. В актах не указывали их наименование, а бирюзу, жемчуг и бриллианты взвешивали общим весом. Часто в отчетах встречаются элементарные математические ошибки (ГБУТО ГАТ. Ф. Р-392. Оп. 1. Д. 146. Л. 8).

Материалы фонда отдела народного образования исполкома Тобольского окружного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Ф. Р-676) позволили исследовать отчеты школ округа на предмет проведения в них антирелигиозных мероприятий с детьми, а также анкетные сведения родителей об их отношении к религии и церкви.

Особое значение для раскрытия темы имеют документы фонда Тобольского епархиального совета (Ф. И-694), которые характеризуют положение духовенства в Тобольской епархии в годы революции и Гражданской войны: протоколы заседаний Тобольского епархиального съезда, прошедшего в мае 1918 г.; рапорты благочинных и представителей причтов об арестах священнослужителей; сметы бюджетов епархиальной администрации и духовных учебных заведений на 1918/1919 г. и др.

Наиболее объемным по количеству дел и ценным по содержащейся информации является фонд Тобольского окружного совета Союза воинствующих безбожников (Ф. Р-709). Здесь имеются циркуляры, инструкции, протоколы и другие руководящие материалы как центральных, так и местных органов СВБ, в том числе отчеты, письма и планы районных союзов, из которых можно узнать о количестве членов ячеек безбожников и особенностях проведения антирелигиозных кампаний в селах. Анкетные данные позволяют выявить наиболее активных членов союза. В Тобольском округе ими являлись: А.Г. Эрстов – председатель горсовета СБ, С.И. Павлов – председатель окружной организации СБ, К.И. Моисеев – секретарь окружной орга-

низации СБ. Все они работали бесплатно. Интерес представляют письма председателю окружного союза безбожников от учителя естествознания и химии Байкаловской школы Н.В. Халкина, который рассуждает о причинах пассивности учителей в деле антирелигиозной работы.

В Государственном архиве социально-политической истории Тюменской области сохранились документы фонда Тюменского губернского комитета РКП(б) (Ф. Р-1), представляющие собой отчеты о работе губернской и уездной комиссий помощи голодающим, списки голодающих по губернии, которые позволили лучше понять и оценить мотивы начатой государством в 1922 г. кампании по изъятию церковных ценностей для борьбы с последствиями голода.

Фонд Тобольского окружного комитета ВКП(б) (Ф. П-30) представлен материалами его агитационно-пропагандистского отдела, в частности докладами на городских конференциях СВБ, протоколами заседаний окружного СБ, планами его работ, списками членов, перепиской с губернским центром.

В Государственном архиве Тюменской области находятся фонды, характеризующие повседневную жизнь простых верующих и рядовых представителей духовного звания. Уникальность их заключается в том, что многие дела доведены вплоть до 1927 г., благодаря чему мы можем восстановить картину религиозной жизни населения региона в атеистическом государстве.

В фондах сельских церквей (Ф. И-177. Клировые ведомости церквей Тюменского уезда, Ф. И-171. Клировые ведомости церквей Ялуторовского уезда) представлена информация о состоянии церковного клира, сведения о церкви и количестве прихожан, а в фондах отдельных церквей г. Тюмени (Пророко-Ильинской (Ф. И-104), Знаменской (Ф. И-110), Михайло-Архангельской (Ф. И-100), Спасской (Ф. И-109)) содержатся протоколы собраний прихожан, списки членов приходского совета, переписка с местными органами власти на разрешение крестных ходов и т.д.

**Клировые ведомости Тюменской Спасской церкви
за 1914, 1917–1918, 1920-е гг.**

Год	Кружечный доход, руб.	Ведомость о приходе			Церковные деньги в кредитных учреждениях
		домов	мужчин	женщин	
1914	2723	263	603	653	8100
1917	5207	267	603	648	20831
1918	16006	266	603	662	23852
1920	данных нет	267	603	648	данных нет

Нами впервые были введены в научный оборот материалы фонда Тюменского окружного финансового отдела (Ф. Р-70), повествующие о незаконном изъятии у религиозных общин в середине 1920-х гг. колоколов с целью их продажи и использовании вырученных средств на телефонизацию и электрификацию. Этот факт позволил сделать соответствующие выводы относительно правомерности действий властей на местах и степени их влияния на вопросы религии и культа. Уездные и губернские начальники часто действовали более радикально, чем того требовали правительственные постановления, соглашаясь с принципом – лучше перегнуть палку, чем быть уличенным в потворстве контрреволюции. В 1924 г. Уралоблкомсто предложил окружным финансовым отделам «брать на учет и реализовать имущество ликвидированных церквей», т.е. тех, которые прекратили свое функционирование из-за отсутствия общины верующих. В срочном порядке были сняты колокола с некоторых церквей. Их общий вес только в Тюменском округе составил 58 пудов. Колокола были проданы акционерному обществу «Полесторг» в г. Гомель для использования вырученных от реализации сумм на электрификацию и телефонизацию. Самые большие и громоздкие колокола предварительно подверглись раздроблению.

Вопрос о бездействии церквей решался на собрании сельского совета, наличие же религиозной общины и факт заключения ею договора на пользование церковным имуществом не учитывались. Поэтому в некоторых случаях колокола снимались с действующих церквей. В результате протестов со стороны верующих Тюменский окрисполком принял решение «дабы не обострять

население» оставить колокола для богослужебной надобности. Те же, которые сняли с функционирующих церквей, но не успели отправить в г. Гомель, оставили на прежнем месте.

В Поспеловскую церковь Суерского уезда было возвращено 5 колоколов, общей массой 4 пуда, 34 фунта. Колокола тех приходов, где общины действительно отсутствовали, могли быть проданы другим религиозным общинам либо использованы для «общественных нужд». Население воспользовалось этим правом, и там, где верующие не имели финансовой возможности содержать церковь и священнослужителя, колокола были оставлены «для пожарной безопасности – набата» (ГБУТО ГАТО. Ф. Р-70. Оп. 1. Д. 24. Л. 2, 40, 66, 53, 22, 58).

В фонде Тюменского губисполкома (Ф. Р-2) нами были обнаружены и проанализированы заявления религиозных обществ о регистрации, списки приходских советов, договоры общин с административными органами, описи церковного имущества.

В фонде Тюменского окрисполкома (Ф. Р-4) значение имеют материалы религиозных обществ, списки служителей культа, сведения о закрытии церквей и монастырей в 1924 – 1930-х гг.

В фонде Тюменского городского исполкома (Ф. Р-5) использованы документы о ликвидации религиозных обществ и культовых зданий в 1926 – 1930-х гг., в частности акты по определению церквей, костелов и мечетей под культурные учреждения, подкрепленные выписками из протоколов ученических и родительских собраний, требующих закрытия того или иного молитвенного здания.

Значительными материалами по истории южной части региона располагает Государственный архив Курганской области. Протоколы заседаний Западно-Сибирского съезда законоучителей, участником которого был и представитель Тобольской епархии, позволил изучить фонд Тобольской духовной консистории (Ф. И-235).

В фонде Курганского епархиального управления по делам Православной Российской церкви (Ф. Р-1743) отложились послужные списки священнослужителей и других членов причта, статистические сведения о крещенных, брачующихся, отпевании за 1923–1926 гг., списки членов религиозных общин, рапорты священнослужителей разных приходов, протоколы церковных советов и религиозных общин, лицевые счета приходов

и священнослужителей и т.д. Этот уникальный материал позволяет проследить исторический путь православия в одной из частей изучаемого региона вплоть до 1936 г. Органы церковного управления на обновленческих началах просуществовали здесь значительно дольше чем, к примеру, в Тобольске и Тюмени (были ликвидированы в результате общей наступательной политики государства на РПЦ, связанной с курсом на коллективизацию соответственно в 1932 и 1930 гг.). Во многом это объясняется наибольшим количеством приходов, провозгласивших себя обновленческими и рьяно демонстрирующими свою поддержку линии партии и правительства. В подтверждение этой мысли можно привести отрывок из протокола заседания членов исполкома градо-Курганского кафедрального собора за 1933 г.: «Государство для завершения великого социалистического строительства имеет неотложную потребность в цветметалле, нам верующим людям как честным и верным гражданам своей страны, всемерно следует пойти на встречу гос. промышленности предложив использовать для этой цели имеющиеся в Соборе 7 колоколов общим весом 347 пудов 17 фунтов ... Для продолжения величайшего в мире строительства заводов и фабрик. Мы верующие, принадлежащие к обновленческой организации прогрессивно мыслим, знаем, что церковные колокола есть лишь обрядовое установление христианской церкви которого не знали первые христиане, что для религиозного человека самым лучшим побуждением для посещения храма является не колокольный звон, а зов верующего сердца».

В фонде Курганского окружного исполкома (Ф. Р-315) были использованы материалы о восстановлении в избирательных правах бывших священнослужителей.

В Государственном архиве Ханты-Мансийского автономного округа – Югры содержатся ценные сведения о положении РПЦ в северных окраинах региона. Так, в фонде Березовской уездной милиции второго района д. Сартынья (Ф. Р-434) обнаружены протоколы и акты, касающиеся работы комиссии по изъятию церковных ценностей.

Данные из Архивного отдела администрации г. Сургута дополняют картину религиозной жизни в отдаленных от центра епархии территориях. В фонде Сургутского уездного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и его исполнительного

комитета (Ф. Р-181) использованы акты на передачу имущества Кушниковской церкви, устав Градо-Сургутского религиозного общества, протоколы собрания верующих.

**Список членов Градо-Сургутского церковно-приходского совета
(1923 г.)**

ФИО, возраст	Место- жительство	Социальное положение	Общественное и служебное положение за время до 1914 г.	Имуществен- ное положение
Калюжный Стефан Исидоров (50 лет)	Город Сургут Тюменской области	Бедняк	Псаломщик	Нет
Лысяков Федор Данилов (37 лет)		Бедняк	Псаломщик	Нет
Кайдалов Николай Иванов (59 лет)		Средняк	Рыболов	Дом, амбар, баня и флигель
Куйвашев Василий Василиев (27 лет)		Бедняк	Рыболов	Нет
Кузнецов Василий Алексеев (46 лет)		Средняк	Рыболов	Дом, амбар и флигель
Кондаков Василий Андреевич (54 года)		Средняк	Рыболов	Дом, баня и амбар
Тверитин Андрей Матвеев (55 лет)		Средняк	Служил в местном ведомстве	Дом, баня и амбар

Кушников Андрей Григорьев (42 года)		Бедняк	Служил на золото- промышленных приисках	Нет
Глазков Александр Николаев (55 лет)		Средняк	Рыболов	Дом, баня и амбар

Списки членов общины Юганского религиозного общества, постановления о закрытии Пилюгинской часовни и Локосовской церкви обнаружены в фонде административного отдела милиции Сургутского района (Ф. Р-105).

К *третьей группе* источников могут быть отнесены статистические и справочные материалы. Вызывают интерес ежегодные статистические издания «Памятная книжка Тобольской губернии» (Памятная... 1916), «Обзор Тобольской губернии» (Обзор... 1915), «Справочная книга Тобольской епархии» (Справочная... 1913), выходявшие до 1916 г. Они дают возможность оценить состояние РПЦ изучаемого региона накануне революционных событий.

В советский период данные о РПЦ постепенно исчезают из официальных изданий. Однако отдельные статистические материалы приводятся в опубликованных и неопубликованных партийных и советских документах, в частности, в отчетах Тюменского губисполкома и Тюменского окружного комитета РКП(б) (Отчет... 1922, 1924, 1925), содержащих сведения о количестве изъятых церковных ценностей и уровне религиозности членов партии

Материалы энциклопедических справочников «Христианство» (Христианство... 1995) и «Православная энциклопедия» (Православная... 2000) незаменимы для поиска общероссийских статистических показателей по количеству церквей, прихожан и других сведений в изучаемый период.

К *четвертой группе* источников относятся материалы местной периодической печати.

В первую очередь следует отметить «Тобольские епархиальные ведомости» (далее – ТЕВ), состоявшие из неофициального

и официального отделов. На страницах последнего публиковались постановления как светских, так и духовных властей. Это издание ценно прежде всего в качестве источника о жизнедеятельности церкви в период нахождения у власти антибольшевистских режимов.

Интерес представляют газеты «Тобольский Север» (Тобольск), «Трудовой набат» (Тюмень), «Красное знамя» (Тюмень), содержащие информацию об антирелигиозных мероприятиях властей, деятельности ячеек СВБ, а также обращения местных жителей с просьбами передать под культурные цели здания церквей, призывы и лозунги по борьбе с церковью и религией.

Таким образом, источниковую базу исследования взаимоотношений РПЦ и государства в 1917–1936 гг. (на материалах Тобольской епархии) составляет обширный комплекс материалов как опубликованных, так и вводимых в научный оборот впервые. Разнообразие и большая информативность документов, особенно хранящихся в архивных фондах, предоставляет возможность значительно расширить тематику исследований. Использование всего комплекса источников позволяет воссоздать объективную, достоверную картину истории РПЦ в изучаемом регионе в 1917–1936 гг.

Литература

Акты святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти: 1917–1943. 1994. Москва: ПСТБИ.

ГБУТО ГАТ. Ф. Р-392. Оп. 1. Д. 146. Л. 5 об., 16, 8.

ГБУТО ГАТО. Ф. Р-70. Оп. 1. Д. 24. Л. 2, 40, 66, 53, 22, 58.

Изъятие церковных ценностей в Тюменской губернии // Трудовой набат. 1922. 28 мая.

Крест – в пользу голодающих // Тобольский Север. 1922. 29 июня.

Курмачев В.А. 2000. Суклёмская монашеская община и ее история. Тюмень: МИ «РУТРА».

Обзор Тобольской губернии за 1913 год. 1915. Тобольск: Тип. Губернского управления.

Религия и церковь в Сибири: Сб. науч. ст. и док. материалов. 1994. Вып. 7. Тюмень: МИ «РУТРА».

Отчет Тюменского Губисполкома Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов V губернскому съезду Советов. 1922. Тюмень.

Отчет Тюменского Окружного Комитета РКП(б) за период с 28 ноября 1924 г. по 10 ноября 1925 г. делегату 4-й Окружной Партконференции РКП(б). 1925. Тюмень.

Памятная книжка Тобольской губернии на 1915 год. 1916. Тобольск: Губернская типография.

Православная энциклопедия. РПЦ. 2000. Москва: Церковно-научный центр Русской Православной Церкви «Православная Энциклопедия».

Собрание определений и постановлений Священного собора Православной Российской церкви 1917–1918 гг. 1994. Москва: Издание Новоспасского монастыря.

Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. 1942. Москва: Управление делами СовНаркКома СССР.

Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 г. 1913. Тобольск: Изд. Тобол. епарх. братства св. великом. Димитрия Солунского.

Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Тобольской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.). 1992. Томск: Томский госуниверситет.

Христианство. Энциклопедический словарь. 1995. Т. 2. Москва: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия».

Чернышов А.В. 2000. Материалы ВЧК–ОГПУ–НКВД как источник по изучению Русской православной церкви в Тюменском крае (1921–1945 гг.). Тюмень: РУТРА.

Черные дни русского православия: Документы и материалы о притеснении служителей культа и религиозных объединений Тюменского края в годы Советской власти, 1917–1965. 1992. Тюмень: ТРИАН.

Список сокращений

ГБУТО ГАТ – Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»

ГБУТО ГАТО – Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив Тюменской области»

РПЦ – Русская Православная церковь

СВБ – Союз воинствующих безбожников

Раздел II

**ПРОШЛОЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
XVIII – НАЧАЛА XXI СТОЛЕТИЙ**

Глава 1

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИЗУЧЕНИЯ ТЮРКОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ (СИБИРСКИХ ТАТАР) ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XVII – НАЧАЛЕ XXI вв.

Аннотация. Дан историографический обзор основных исторических, археологических, этнографических и лингвистических исследований, посвященных сибирским татарам – коренному тюркоязычному населению Западно-Сибирской равнины. Показано, что изучение татарского населения Западной Сибири прошло значительный путь от Сибирских летописей и первых зарисовок очевидцев и путешественников до монографических описаний и концептуальных построений исторического развития народа. Показан вклад конкретных ученых в изучение сибирских татар

Ключевые слова: сибирские татары, Сибирские летописи, этническая история сибирских татар, изучение татар Западной Сибири, Н.А. Томилов, Ф.Т. Валеев, Д.М. Исхаков.

Наиболее ранние сведения о тюркоязычном населении Сибири встречаются в трудах путешественников XVI–XVII вв. С. Герберштейна, Д. Флетчера, А. Бранда, И. Идеса, Н. Витзена и др. (Герберштейн 1988; Замысловский 1884; Идес, Бранд 1967; Алексеев 1932; 1936; Зиннер 1968). В начале XVIII в. аборигенное население Западной Сибири становится объектом внимания шведских офицеров Ф. Табберта-Страленберга, Л. Ланге, в трудах которых встречаются сведения о жизни и быте сибирских татар (Алексеев 1932; 1936; Зиннер 1968; Катанов 1905а).

Начальный, «летописный» этап изучения тюркоязычного населения Западной Сибири относится к XVII в. и связан с Сибирскими летописями, в которых описывается история «взятия Сибири», а также приводятся некоторые сведения о ранней дорусской истории татарских государств. К 1636 г. относится написание первой из них, известной под названием Есиповская летопись. Она была создана тобольским дьяком Саввой Есиповым на основе рассказов участников похода Ермака. К XVII в. также относится написание повести «О взятии Сибирской

земли», получившей в дальнейшем название Строгановской летописи. На рубеже XVII–XVIII вв. сибирский историк и картограф С.У. Ремезов создает свои труды – «Историю Сибирскую» (Кунгурскую или Ремезовскую летопись), «Описание о сибирских народах и граней их земель», «Хорографическую книгу Сибири» и др. (Ремезов 1989; Краткая Сибирская летопись... 1880). Труды сибирских летописцев в дальнейшем стали основными источниками для написания многочисленных работ по истории Сибири. В них встречаются материалы об истории дорусских государств Сибири, родословные татарских ханов, описание культуры и быта тюркского населения.

Планомерное исследование культуры и этнической истории коренного населения Западной Сибири было положено участниками Академических экспедиций 1733–1743 гг. и 1768–1774 гг. В их трудах выделяются два основных направления: этноисторическое, содержащее в большей степени данные по политико-административной истории народов (Г.Ф. Миллер, И.Е. Фишер) (Миллер 1937; 1941; Фишер 1774) и этнографическое, описывающее различные стороны жизни и быта туземцев (П.С. Паллас, И.Г. Георги) (Паллас 1988; Георги 1776).

Первым приступил к систематическому обследованию архивных фондов Г.Ф. Миллер, который просмотрел более 20 архивов в сибирских городах и острогах «для извлечения из них того, что пригодно для истории» (Бахрушин 1937: 3). Г.Ф. Миллер был одним из участников Второй Камчатской экспедиции, организованной в 1733 г. Сенатом и Академией наук под началом В. Беринга. В данной экспедиции на него было возложено изучение «географии земли, древностей, обыкновений, обрядов различных народов...» (Бахрушин 1937: 9). Им был собран и введен в научный оборот огромный пласт документального материала по ранней истории «Сибирского взятия». Кроме того, Г.Ф. Миллером были обнаружены материалы частных архивов и приобретены Ремезовская летопись. Итогом десятилетних сибирских изысканий Миллера явился обширный труд по истории края «История Сибири», который он успел довести до 60-х гг. XVII в. В «Истории Сибири» Миллером уделяется большое внимание вопросам истории и этнографии сибирских татар, которых он назвал «главнейшим народом Сибири» (Миллер 1937: 169). Автор перечисляет

известные ему группы татар, территорию их расселения, достаточно подробно останавливается на истории Сибирского ханства.

Дальнейшее изучение Сибири продолжили во второй половине XVIII в. участники академических экспедиций И.Г. Георги, И.Г. Гмелин, П.С. Паллас и др. И.Г. Георги в работе «Описание всех обитающих в Российском государстве народов» выделил тюркоязычные группы Сибири: туралинцев, тобольских, томских, обских, чулымских татар, барабинцев, бухарцев, телеутов. Он дает подробное этнографическое описание этих групп и сравнительную характеристику их с другими тюркскими группами России (Георги 1776).

Следующий круг исследований представляют исторические труды В.К. Андриевича, П.Н. Буцинского, М. Венюкова, К.П. Голодникова, П.И. Небольсина, А. Оксенова, П.А. Словцова (Андриевич 1899; Буцинский 1889; Голодников 1882; Венюков 1874; Небольсин 1849; Оксенов 1889; Словцов 1838; Словцов, 1844). Несмотря на то, что период написания данных работ охватывает широкий временной диапазон (XIX в.), их объединяют ключевые темы – завоевание Сибирского ханства и история колонизации Сибири. В указанных исследованиях присутствует и этнографическое описание инородческого населения, в том числе сибирских татар.

В 60-е гг. XIX в. в «Тобольских Губернских ведомостях» (1861 г., № 35–45) была опубликована статья И.Н. Юшкова «Сибирские татары», в которой впервые был проведен цельный историко-этнографический обзор татарского населения края, основанный на сведениях, приводимых в сибирских летописях. И.Н. Юшковым сделано подробное этнографическое описание прииртышских татар (Юшков 1861).

Во второй половине XIX в. появляются работы, содержащие ценные материалы по этнической истории сибирских татар. К ним относятся труды академика В.В. Радлова (Радлов 1872; Радлов 1989), сибирских областников Н.М. Ядринцева, Г.Н. Потанина, внесшие существенный вклад в формирование новых взглядов на сибирскую историографию (Ядринцев 1891; 1892; Потанин 1867; 1884).

В ряду исследователей второй половины XIX в. важное место занимает известный востоковед и путешественник В.В. Радлов.

Главный труд его – «Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в южной Сибири и Джунгарской степи» (1866–1896 гг.) – имеет большое значение как в лингвистическом, так и в этнографическом и историческом отношениях: собранные В.В. Радловым сказки, предания, поверья раскрывают картину жизни тюркских народов Сибири (Радлов 1872). Четвертый том «Образцов» посвящен «наречиям» тобольских, томских и барабинских татар. В.В. Радлов одним из первых произвел внутреннюю классификацию «наречий» сибирских татар, выделив по языковым особенностям группы барабинских, тарских, тобольских и тюменских татар.

В начале XX в. профессором Казанского университета Н.Ф. Катановым были сделаны переводы рукописей, хранящихся в Тобольском музее, а также некоторых преданий, изданных в четвертом томе «Образцов» В.В. Радлова. Эти переводы, опубликованные в «Ежегоднике Тобольского Губернского музея», проливают свет на важные страницы истории сибирских татар: историю исламизации Сибири, завоевания Сибирского ханства Ермаком и др. (Катанов 1896; 1897; 1905а; 1905б).

К рубежу XIX–XX вв. относится появление первых трудов, в которых главной темой выступает не политическая история Сибири, а рассматриваются вопросы хозяйственной жизни и землепользования сибирских татар. Среди них выделяются работы И.А. Андроникова, А.А. Кауфмана, С.К. Патканова (Андроников 1911; Кауфман 1890; Патканов 1888; 1911; 2003). На основе большого комплекса архивных материалов И.А. Андроников провел анализ земельных отношений, хозяйственного уклада татар разных уездов, выделяя при этом локальные особенности. С.К. Патканов в исследовании «Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев» впервые представил этнодемографическую ситуацию в Сибири в конце XIX в. и дал систематизированную картину расселения, численности и основных хозяйственно-культурных особенностей отдельных групп. Эта работа не потеряла своего научного значения и в настоящее время. Разносторонние и детальные сведения о хозяйственной деятельности татар Нижнего Прииртышья содержатся в его работах «Экономический быт государственных крестьян и инородцев Тобольского округа Тобольской губернии»,

«Экономический быт государственных крестьян Богандинской, Бухарской, Кашегальской, Черевিশевской и Ярковской волостей Тюменского округа Тобольской губернии» (Патканов 2003).

Отдельные аспекты политической истории Сибири привлекали внимание не только сибирских исследователей. Так, сведения о судьбе высшей служилой знати Сибирского ханства – сибирских царевичей, потомкам которых суждено было стать последними правителями Касимовского ханства, мы находим в труде В.В. Вельяминова-Зернова «Исследование о касимовских царях и царевичах» (Вельяминов-Зернов 1866).

Среди ранних исследований «татарского» направления особое место занимает труд казанского историка первой половины XX в. Х.Атласи «История Сибири», в котором рассматривается этнополитическая история Сибирского ханства, а также история завоевания Сибири (Атласи 2005).

История Сибири и ее народов привлекала внимание историков советского периода. Итогом многочисленных исследований в области сибиреведения известного историка С.В. Бахрушина стали «Очерки по истории колонизации Сибири», «Сибирские служилые татары в XVII в.», «Ясак в Сибири» и др. (Бахрушин 1955а; 1955б; 1955в). С.В. Бахрушиным впервые была дана подробная характеристика социального строя и хозяйственного уклада сибирских татар до присоединения Сибирского ханства к Русскому государству. По полноте материала, по яркости воссозданной исторической картины работы Бахрушина, на наш взгляд, до сих пор остаются непревзойденными.

60-е гг. XX в. отмечены появлением труда «Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.» Б.О. Долгих, сделавшего существенный вклад в развитие этноисторического направления российского сибиреведения. Автором на основе анализа архивных и этнографических источников дана характеристика родоплеменного состава коренного населения Сибири ко времени прихода в край русских (Долгих 1960: 46).

Всплеск интереса к истории, языкознанию и этнографии сибирских татар относится ко второй половине XX в. (1950–70 гг.). Он связан со многими значимыми именами (Валеев 1955; Храмова 1956; Дульзон 1956; Ахатов 1963; Бояршинова 1960; Тумашева 1968; 1977; Еремин 1972; Дмитриева 1981; Богомолов, Томилов

1973; Богомолов 1978 и др.).

В этот период появляется целый ряд лингвистических исследований (Г.Х. Ахатов, М.А. Абдрахманов, Н.А. Баскаков, Л.В. Дмитриева, А.П. Дульзон, С.М. Исхакова, Д.Г. Тумашева и др.). Большинство ученых определяли народно-разговорный язык сибирских татар как восточный диалект татарского языка, выделяя внутри него множество поддиалектов и говоров. В то же время некоторые исследователи, например, С.М. Исхакова, последовательно отстаивали позицию о самостоятельности языка сибирских татар (Исхакова 1970; 1975).

Исследования лингвистов, безусловно, существенно повлияли и на развитие этнологических изысканий. В середине XX в. появляются работы И.И. Авдеева и И.П. Струковой, В.В. Храмовой, посвященные изучению отдельных групп татар Сибири (Авдеев, Струкова 1937; Храмова 1950; 1956).

Внимание к этнографии сибирских татар особенно активизируется во второй половине XX в. с появлением работ Ф.Т. Валеева, З.Я. Бояршиновой, Р.К. Сатлыковой, Н.А. Томилова и др. (Валеев 1955; 1980; 1987; 1989 и др.; Бояршинова 1960; Сатлыкова 1986; Томилов 1978; 1981; 1983а; 1983б и др.).

Первые монографические работы, посвященные сибирским татарам, появляются в 1980-е гг. Так, в 1980 г. в Казани вышла работа Ф.Т. Валеева «Западно-сибирские татары во второй половине XIX – начале XX вв.». Она стала итогом многолетних научных изысканий автора по этнической истории и традиционной культуре татарского населения Западной Сибири. Результаты исследований Ф.Т. Валеева опубликованы в более чем 200 научных работах, включая 4 монографии, в том числе «Сибирские татары: культура и быт» (Казань, 1992, 1993 гг.), «Сибирские татары: этнокультурные и политические проблемы возрождения» (Москва, 1996 г., в соавторстве с С.М. Исхаковой), «Татары Западной Сибири: история и культура» (Новосибирск, 1996 г., в соавторстве с Н.А. Томиловым). В этих работах коренные сибирские татары рассматриваются автором как самостоятельный этнос, с присущими ему устойчивыми признаками и свойствами, такими как язык и территория, экономическая общность, этническое самосознание, конфессиональная общность, эндогамия, а на раннем этапе развития этого этноса – и социально-политическая общ-

ность, связанная с существованием Сибирского ханства, представлявшего собой самостоятельное государство (Валеев 1989: 138–143).

Оценивая научный вклад Ф.Т. Валеева в отечественную этнографию и историю, известный специалист по тюркской этнографии Сибири доктор исторических наук Н.А. Томилов определил следующим образом: «Этот ученый первым в этнографии вышел на фундаментального уровня монографическое изучение самого многочисленного коренного народа Западной Сибири» (Томилов, Томилова 1998: 213). Ф.Т. Валеев сделал большой вклад в изучение этногенеза и этнической истории тоболо-иртышских татар. «Хотя данная проблема не может и сегодня считаться решенной до конца, все же вопросы о роли кыпчакского и алтайского компонентов в составе сибирских татар благодаря его исследованиям в какой-то степени можно считать изученными» (Томилов, Томилова 1998: 213).

Большее внимание в своих работах Ф.Т. Валеев уделил изучению хозяйственной организации, семейной обрядности, различным аспектам материальной и духовной культуры тоболо-иртышских татар. «Ему удалось выявить общие черты в культуре разных групп сибирских татар, отметить многие особенности в этнокультурном облике отдельных этнических и этнографических групп, выделить этнокультурные компоненты. Это позволило значительно углубить решение проблемы этнической истории сибирских татар, выявить их разнообразные этногенетические и историко-культурные связи со многими народами нашей и соседних стран» (Томилов, Томилова 1998: 213).

При определении этнической общности сибирских татар Ф.Т. Валеев стоял на позициях того, что «учитывая отсутствие в изучаемый период общности территории между сибирскими и поволжскими татарами, относительную слабость экономических связей, значительное расхождение в области языка, мы не можем утверждать о консолидации сибирских татар вокруг татарской буржуазной нации, формировавшейся в Поволжье...» (Валеев 1980: 45). В то же время автор отмечает большую роль татар Поволжья как одного из крупных компонентов, образовавших западносибирских татар.

Подходя к классификации татарского населения Сибири, Ф.Т. Валеев отмечал, что «западносибирские татары в литературе именуется в зависимости от их постоянного места жительства тюменскими, тобольскими, тарскими, томскими, барабинскими и т.д. Татары, обитающие по рекам Иртышу и Тоболу, также носят название тоболо-иртышских. Сами себя они называют, сохраняя территориальные названия: тубыллык (тобольские), тарыллык (тарские) и т.д.» (Валеев 1980: 22). Далее он приводит более дробные подразделения, ведущие свое происхождение от родоплеменных групп: тарские делились на аялы, туралы, курдак, сарт, тобольские – на курдак, тугус, яскалбы, нанга и т.д.

Ф.Т. Валеев считал, что процесс формирования западносибирских татар в народность начался в период Сибирского ханства и продолжился в составе Русского централизованного государства, оформление же западносибирских татар в татарскую буржуазную народность (он отличает ее от татарской буржуазной нации «поволжских татар») произошло в конце XIX – начале XX в. В целом Ф.Т. Валеев рассматривал сибирских татар как самостоятельную этническую общность.

Большой вклад в историко-этнографическое изучение тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины, в том числе и сибирских татар, внесен известным сибирским этнологом Н.А. Томиловым (Томилов 1981; 1983а; 1983б; 1992 и др.). В его фундаментальных трудах, написанных на основе многолетних полевых и архивных исследований, этнокультурное развитие сибирских татар нашло всестороннее освещение.

Особую ценность представляет работа Н.А. Томилова «Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв.», в которой он на основе комплексного использования историко-архивных, этнографических, статистических и других видов источников рассмотрел этническую историю и этногенез тюркских групп Тоболо-Иртышского, Обско-Томского бассейнов и Барабинской степи.

На основе материалов ревизских сказок и переписей, Н.А. Томиловым был сделан этнодемографический анализ процессов, происходивших среди сибирских татар в конце XVI – XIX вв. Исследователем произведена классификация этнотерриториальных групп татар, внутри которых выявлены подразделения этнографи-

ческого характера и выделены этнические компоненты в составе как территориально-этнических образований, так и локальных групп (Томилов 1981: 246–247). Таким образом, одним из наиболее значительных научных достижений Н.А. Томилова стала классификация территориально-этнических и локальных групп сибирских татар. Данной классификацией уже на протяжении трех десятилетий пользуются исследователи, изучающие тюркоязычное население Западной Сибири.

Согласно ей сибирские татары в настоящее время состоят из нескольких разрозненных этнических групп – томских, барабинских и тоболо-иртышских татар, внутри которых, в свою очередь, выделяются локальные этнографические группы. По мнению Н.А. Томилова, консолидация указанных этнических групп в единый этнос не завершилась, и в настоящее время сибирские татары представляют собой, скорее всего, не вполне сформировавшуюся этническую общность, близкую, но не адекватную народности. По мнению исследователя, на незавершенность процесса этнической консолидации сибирских татар повлияли их широкая территориальная расселенность, а также усилившиеся в советский период процессы межэтнического сближения (особенно с поволжскими татарами, русскими). Процессы сближения и частичного смешения сибирских татар с поволжско-приуральскими, особенно интенсивно развивавшиеся с первых десятилетий советской власти, способствовали тому, что «в настоящее время сибирские татары входят в татарскую этническую общность, видимо, как особая региональная этническая общность более дробного порядка. И все же сибирские татары в большинстве этнических компонентов сохраняют этническое своеобразие... Но в целом у поволжско-приуральских татар и сибирских татар Западной Сибири укрепилось обозначение себя просто татарами, что свидетельствует о развитии процесса трансформации их метаэтнической общности в общетатарский этникос» (Томилов 1992: 231–232).

В своих более поздних работах Н.А. Томилов указывает, что в результате этнического взаимодействия сибирских и поволжско-приуральских татар в конце XIX – начале XX вв. сибирские татары представляли собой общую для татар Поволжья, Приуралья

и Сибири «метаэтническую общность», но единого татарского народа не образовалось (Томилов 1993: 96, 98).

В многочисленных трудах исследователя освещены различные аспекты этнической истории и этнокультурного развития татарского населения: социальная и хозяйственная организация, социально-экономическое развитие, системы социальных и территориально-хозяйственных связей, этнокультурные и этноязыковые процессы, изменения в этническом самосознании на протяжении XVI – начала XX вв. и т.д.

Особой заслугой Н.А. Томилова перед отечественной наукой является то, что под его руководством в Омске подготовлена большая группа талантливых исследователей, занимающихся изучением этнической истории и традиционной культуры народов Сибири, прежде всего, коренного тюркоязычного населения Западной Сибири – сибирских татар. Среди них С.Н. Корусенко, М.А. Корусенко, Р.К. Сатлыкова, Е.Ю. Смирнова, И.А. Селезнева, А.А. Ярзуткина, О.П. Коломиец, М.Н. Тихомирова, С.С. Тихонов, С.Ф. Татауров, А.В. Матвеев, Л.М. Кадырова и др.

В работах омских исследователей рассматриваются различные проблемы этнографии и этнической истории тюрко-татарского населения Сибири. Так, проблемам этносоциальных процессов, генеалогиям сибирских татар посвящены работы С.Н. Корусенко и Н.В. Кулешовой (Корусенко, Кулешова 1999). В течение многих лет исследованием традиционной одежды сибирских татар успешно занимается Е.Ю. Смирнова (Смирнова 1995; 2004). Народная медицина татар Прииртышья рассматривается в работах Л.М. Кадыровой (Кадырова 2003). Особенности культуры питания татарского населения планомерно изучаются М.Н. Тихомировой (Тихомирова 2006).

Многие стороны этнической истории и традиционной культуры татар Сибири рассмотрены в работах талантливого омского ученого А.Г. Селезнева (Селезнев 1994; Селезнев, Селезнева 2004; Селезнев, Селезнева, Бельгибаев 2006 и др.). Особо хотелось бы отметить его исследования проблем формирования и развития ислама в Сибири и его функционирования в народной культуре (так называемый «народный ислам»). На основании теоретических подходов по изучению религиозного синкретизма им рассмотрены основные элементы традиционного мировоззре-

ния сибирских мусульман и его генезис (2004; 2009).

Перспективным и малоисследованным направлением – изучением письменного наследия татар Западной Сибири – занимается исследователь омской и амстердамской школ А.К. Бустанов, которым собран и вводится в научный оборот значительный археографический материал XVIII–XX вв., свидетельствующий о достаточно развитой книжной культуре сибирских мусульман (Бустанов 2013). Введение в научный оборот данных материалов, безусловно, значительно расширяет источниковую базу по сибиреведению.

В конце XX – начале XXI в. омскими учеными издан ряд монографий, в которых представлены значимые исследования по этнической истории и культуре сибирских татар (Селезнев, 1994; Корусенко, Кулешова 1999; Малиновский, Томилов 1999; Левочкина 2002; Корусенко 2003; Малхасьян, Селезнев 2003; Селезнев, Селезнева 2004; Смирнова 2004, Ярзуткина 2012 и др.).

Силами омской школы этнографов в течение последних десятилетий были организованы важные и значимые научные мероприятия – тюркологические конгрессы и конференции, ежегодные симпозиумы «Интеграция археологических и этнографических исследований» и другие, оказавшие значительное влияние на дальнейшее развитие науки.

В 90-е гг. XX столетия история и культура сибирских татар привлекла внимание казанских исследователей. Появляются специальные исследования, посвященные отдельным проблемам этнической истории сибирских татар. Среди казанских этнографов следует назвать С.В. Суслову, Р.К. Уразманову, Н.А. Халикова, Ф.Л. Шарифуллину и др. На основе полевых исследований в ряде районов Западной Сибири казанскими этнографами в 2002 г. был издан сборник статей «Сибирские татары». Важным достижением исследователей является сравнительный анализ культурных особенностей татарских общностей, выявляемый ими на конкретных этнографических материалах (Сулова 2002; 2004; Уразманова 2002; Халиков 2002; Шарифуллина 2002). На рубеже XX–XXI вв. увидела свет монография Г.Л. Файзрахманова «История сибирских татар», в которой сделана попытка освещения политической и этнической истории татар Западной Сибири с древнейших времен до начала XX в. (Файзрахманов 2002).

Особое значение для разработки важнейших методологических вопросов по этнической истории татар, в том числе и сибирских татар, имеют труды казанского этнолога Д.М. Исакова (Исаков 1997; 1998; 2000а; 2000б; 2002а; 2002б; 2002с; 2004а; 2004б; 2005; 2006а; 2006б; 2007; 2009а; 2009б; 2013; 2015а; 2015б).

В изданной в 2001 г. коллективной монографии «Татары» Д.М. Исаков предложил свой взгляд на структуру татарской этнической общности. Он выделил три этнотерриториальные группы – волго-уральские, астраханские и сибирские татары, которые входят в состав татарской нации (Татары... 2001: 14).

Относительно вопроса об этнической консолидации татар Д.М. Исаков считает, что в XVIII – начале XX вв., на стадии становления татарской нации, одним из главных направлений этнических процессов, происходивших среди татарского населения России, являлась общенациональная консолидация, в которую были вовлечены волго-уральские, астраханские и сибирские татары. Ведущее положение в формировавшейся общности национального типа заняли татары Волго-Уральского региона, образовавшие ядро татарской нации. Процесс консолидации этих трех этнотерриториальных групп татар (волго-уральских, сибирских и астраханских) исследователь рассматривает как интеграцию всех трех перечисленных этнических образований в новую, более широкую, этнонацию (Татары... 2001: 15).

Если говорить об этапах формирования средневековой татарской этнической общности, то следует обратить внимание на то, что важнейшим достижением последних десятилетий в развитии концептуальных основ татарской истории стало определение зарубежными и российскими учеными-тюркологами (Б. Манз, Х. Инальчик, Ю. Шамильоглы, Д.М. Исаков) существования четырехклановой структуры административно-политического устройства (система карача-беев) в постзолотоордынских государствах. Д.М. Исаков определяет существование основных характерных черт данной системы и в других государствах (Астраханском, Шибанидском (Узбекском), Тюменском (Сибирском) ханствах, Большой и Ногайской Ордах).

В связи с этим следует отметить ряд работ Д.М. Исакова, посвященных этнической истории сибирских татар: «Сеиды

в позднезолотоордынских татарских государствах» (1997 г.), «К вопросу о клановой принадлежности Тайбугидов (по русским и тюркским источникам)» (2000 г.), «Об общности этнической истории волго-уральских и сибирских татар (булгарский, золотоордынский и позднезолотоордынский периоды)» (2002 г.), «О методологических аспектах исследования проблемы становления сибирско-татарской этнической общности» (2002 г.) и др. Обращаясь к этнополитической истории сибирских татар, Д.М. Исхаков рассматривает этническое объединение сибирских татар в одном ряду с другими позднезолотоордынскими государствами: Казанским, Астраханским, Касимовским, Крымским ханствами. Д.М. Исхаков определил общие моменты развития этих государственных образований в XV–XVI вв., для которых было характерно, прежде всего, правление в государствах представителей рода Чингисидов, а также общность ведущих феодальных кланов, которые могли достаточно свободно, в отличие от «черного» ясачного населения, перемещаться со своими дружинами из одного татарского юрта в другой. (Исхаков 2002a; 2002b; 2002c; 2006).

Д.М. Исхаков предложил свою периодизацию истории сибирских татар. По мнению исследователя, в этнической истории сибирских татар можно выделить следующие основные этапы: этап формирования основных этнических компонентов (VI – начало XIII вв.), период сложения средневековой сибирско-татарской общности (XIII – конец XVI вв.), этап распада этой общности (XVII–XVIII вв.) и период национальной консолидации (XIX–XX вв.). Д.М. Исхаков считает, что после присоединения к Русскому государству сибирские татары пережили длительный период деконсолидации, так как «объединяющий их фактор в лице центрального государственного аппарата перестал существовать». Этап национальной консолидации он связывает с происходившими активными этническими, демографическими и этнокультурными процессами второй половины XIX – XX вв., приведшими к этническому сближению сибирских татар с татарами Волго-Уральского региона.

Д.М. Исхаков одним из первых в современной историографии обратился к последовательному изучению этнополитической истории сибирских татар. Во второй половине 2000-х гг. интерес к

сибирской тематике в целом и к политической истории сибирских государств в частности со стороны ряда ученых заметно возрос. Появился ряд специальных исторических и этноисторических работ, рассматривающих отдельные вопросы и периоды средневековой истории Западной Сибири (Маслюженко 2008; Тычинских 2010; Трепавлов 2012; Матвеев, Татауров 2012 и др.).

Предложенный Д.М. Исхаковым подход к формированию средневекового татарского этноса получил дальнейшее развитие в работах З.А. Тычинских, в которых также показано, что становление этнической общности сибирских татар, протекавшее в рамках Тюменского ханства и Сибирского юрта (княжества, ханства) в XV–XVI вв., следует изучать исходя из существовавшего в них этносословного деления тюрко-татарского населения, где его верхняя страта состояла из золотоордынских групп с клановым делением, т.е. из собственно «татар», а нижняя (ясачная) страта – из тюркского и тюркизированного населения (Исхаков 2002а; 2006а; Тычинских 2009; 2010). На наш взгляд, указанная методология не только позволяет рассматривать этнические процессы, происходившие в сибирских тюрко-татарских юртах, в общей системе других позднезолотоордынских государств, но и дает возможность выявить их динамику, приведшую к формированию средневековой общности сибирских татар, являвшейся одной из локальных групп распавшейся на рубеже XIV–XV вв. золотоордыно-татарской этнии (История и культура... 2014: 184–198).

В монографии З.А. Тычинских «Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII–XIX вв.)», по-новому рассматриваются вопросы формирования этнической общности сибирских татар, впервые комплексно исследуется этносословная группа служилых татар, ведущая свое происхождение от верхней, «татарской», страты Сибирского ханства, которая и в период русской государственности продолжала играть определяющую роль в происходящих этнических процессах (Тычинских 2010).

В настоящее время наметился целый ряд научных направлений по изучению сибирских татар, успешно реализуемых учеными городов Екатеринбурга, Казани, Кемерово, Кургана, Омска, Новосибирска, Тюмени, Тобольска, Москвы и др.

Большое внимание истории и культуре сибирских татар в последние десятилетия уделяется исследователями научных центров Тюмени – сотрудниками ИПОС СО РАН и ТГУ.

Проблемы общинного устройства и правовой культуры тобольско-иртышских татар стали основными направлениями исследований Г.Т. Бакиевой (Бакиева, 2003; 2009; 2011).

В трудах В.П. Клюевой, И.В. Боброва представлены исследования современной этнополитической ситуации. Изучением современной религиозной ситуации у сибирских татар успешно занимаются В.П. Клюева, М.Н. Черепанов, И.В. Бобров, А.П. Ярков и др. (Клюева, Черепанов 2008; Бобров, Клюева 2006; Ислам в истории... 2004; Ислам... 2007).

В ходе полевых исследований в населенных пунктах Тюменской области Л.Р. Сурметовой (Ильясовой) собран значительный музыкальный фольклорный материал, бытовавший у татарского населения и являющийся сокровищницей народной культуры (Ильясова 2002). В работах тюменской исследовательницы Г.И. Зиннатуллиной освещаются народные медицинские знания татарского населения Западной Сибири (Зиннатуллина 2013).

История регионального ислама плодотворно изучается И.В. Беличем, И.Б. Гарифуллиным, Р.Х. Рахимовым, А.П. Ярковым (Белич 1988; 1997; 2002; Рахимов 2006; Ислам в истории... 2004; Ислам... 2007).

В течение многих лет тобольский исследователь, сотрудник ИПОС СО РАН И.В. Белич, изучал различные аспекты духовной жизни татар Западной Сибири. Одним из первых он обратился к изучению сакральных мест – астана, выявил места расположения этих объектов, сделал их культурологическую характеристику. Немаловажен его вклад и в изучение реликтов доисламских верований, истории исламской культуры, ее особенностей у сибирских татар (Белич 1988; 1997; 2002 и др.).

Особо хотелось бы остановиться на работах тюменского историка И.Б. Гарифуллина, которым был сделан большой вклад в изучение татар. В 80–90-е гг. XX в. И.Б. Гарифуллин издал ряд трудов, посвященных проблемам демографии, истории хозяйства, ислама, образования татарского населения Западной Сибири. Работы И.Б. Гарифуллина являются одними из немногих, освещающих историю татарского населения в советский период

(Гарифуллин 1996; 1997; 2001). Не утратила своего значения для современных исследований его работа «Социально-демографическое развитие татарского населения Тюменской области в годы освоения Севера (1960–1996 гг.)», изданная в 1997 г., в которой на основе данных Всесоюзных переписей 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. проанализировано состояние татарского сообщества региона и характер его трансформаций за указанный период. Другое важное направление исследований И.Б. Гарифуллина – изучение истории национального образования у татар. Данное направление в дальнейшем было успешно продолжено в трудах К.С. Садыкова, Ю.У. Сафаралеевой, Л.Б. Хабибуллиной, Г.С. Хисаметдиновой и др. (Садыков, 2001; Сафаралеева 2008; Хабибуллина 2008; Хисаметдинова 2010).

Тема современного состояния татарского сообщества Западной Сибири была продолжена этносоциологическими исследованиями Н.Г. Хайруллиной, под руководством которой в конце 1990-х – 2000-е гг. были проведены исследования татарского населения юга Тюменской области. Итоги исследований отражены в материалах научно-практической конференции «Сулеймановские чтения» и в коллективной монографии «Татары Тюменской области: история и современность» (2011 г.) (Хайруллина, Салихова 2004; Татары Тюменской области 2011).

Масштабные этносоциологические исследования, впервые охватившие население нескольких субъектов РФ (Тюменская, Омская, Новосибирская и Томская области), где компактно проживает татарское население Западной Сибири, были проведены в 2013–2014 гг. под руководством Г.Ф. Габдрахмановой.

Важным направлением в изучении ранней истории Западной Сибири являются археологические исследования. Начальный этап археологическим изысканиям был положен во второй половине XIX – начале XX вв. краеведами М.С. Знаменским, В.Н. Пигнатти (Знаменский 1891; Пигнатти 1915), обследовавшим объекты татарского наследия в Сибири. Во второй половине XX в. археологическим изучением средневековой истории Сибири плодотворно занимались В.И. Соболев, А.П. Зыков, А.А. Адамов и др. (Адамов 2010; Зыков 2004; Соболев 2008).

Политическая история сибирских тюрко-татарских государств нашла свое отражение в трудах А.Г. Белякова, Д.М. Исхакова,

Д.Н. Маслюженко, А.В. Матвеева, Я.Г. Солодкина, С.Ф. Татаурова, В.В. Трепавлова, З.А. Тычинских и других исследователей (Беляков 2011; 2014; Исхаков 2004; 2006 и др.; Маслюженко 2008 и др.; Матвеев, Татауров 2012; Солодкин 2015; 2016; Трепавлов 2012; Тычинских 2010).

Во второй половине XX в. продолжают лингвистические исследования. Особенно активно исследования проводились казанскими учеными – профессором КГУ Д.Г. Тумашевой и сотрудниками ИЯЛИ АН РТ Д.Б. Рамазановой, Ф.С. Баязитовой, Р. Барсуковой и др. (Рамазанова 1990; 2001; Баязитова 2001; Барсукова 2004; 2005).

Большой вклад в изучение языка и культуры сибирских татар был внесен Д.Г. Тумашевой (Тумашева 1968; 1969; 1977; 1987; 1992). Ею выделены три крупных диалектных массива языка сибирских татар – тоболо-иртышский, барабинский и томский. В соответствии с предложенной Д.Г. Тумашевой лингвистической классификацией сибирские татары подразделяются на соответствующие территориально-этнические группы. По мнению исследовательницы, процесс образования и развития диалектов сибирских татар был сложным и длительным, но не зависимым от развития диалектов поволжских и приуральских татар. Лишь на позднем этапе, по ее мнению, диалекты сибирских татар консолидировались с татарским национальным языком и вошли в его диалектную систему (Тумашева 1969: 8).

В современной лингвистике заметную роль играют работы Х.Ч. Алишиной, исследования которой внесли существенный вклад в историко-лингвистическое изучение тюркского ономастикона Тюменской области (Алишина 1994; 1999 и др.). В плане отстаивания положения о самостоятельном характере языка сибирских татар важны работы С.М. Исхаковой (Исхакова 1970; 1975; Исхакова, Валеев 1992).

Тюменский филолог М.А. Сагидуллин продолжил работу по нормированию письменного сибирско-татарского языка. В 2008 г. им была издана «Фонетика и графика современного сибирскотатарского языка», а в 2010 г. – «Русско-сибирскотатарский словарь», в котором автором собрано 15 000 слов (Сагидуллин 2008; 2010).

Совершенно новым направлением исследований тюрко-татарского населения Западной Сибири стали генетические исследования сибирских татар, проводившиеся в течение 2012–2015 гг. по проектам «Татары Евразии» и «Сибирские татары». Данные исследования под руководством М.Б. Лавряшиной проводились у локальных групп сибирских татар в Тюменской и Новосибирской областях.

В целом следует отметить, что изучение тюрко-татарского населения Западной Сибири прошло значительный путь от первых зарисовок очевидцев и путешественников до монографических описаний и концептуальных построений исторического развития татарского народа. Но остается еще много «белых пятен» (в том числе и в части неизученности истории и культуры переселенцев из числа татар, прибывших в Сибирь в XIX в. и в последующее время), спорных моментов во взглядах на формирование, характер сибирско-татарской этнической общности, характер и степень ее взаимосвязей с разными этнотерриториальными группами татарского народа и другими тюркскими этническими группами и пр. Думается, что исследователи продолжат изучение тюрко-татарского населения Западной Сибири и в дальнейшем внесут новый вклад в комплексный анализ сложных исторических проблем.

Литература

Абдрахманов М.А. 1959. Особенности диалектно-языкового смешения в лексике томско-сибирских говоров // Некоторые вопросы древней истории Западной Сибири / Ред.: А.Ф. Пасечник, Р.А. Ураев. Томск: Том. обл. краевед. музей.

Авдеев И.И., Струкова И.П. 1937. Тобольские и тюменские татары (Историко-этнографический очерк) // Омская область 3.

Адамов А.А. 2010. Характеристика историко-культурной изученности столицы Сибирского ханства // Искер – столица Сибирского ханства. Сб. статей. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ.

Алексеев М.П. 1932. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Т. I. Иркутск: Крайгиз.

Алексеев М.П. 1936. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Т. II. Иркутск: Крайгиз.

Алишина Х.Ч. 1994. Тоболо-иртышский диалект языка сибирских татар. Казань: Изд-во Казанского пед. ин-та.

Алишина Х.Ч. 1999. Ономастикон сибирских татар. Ч. 1, 2. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та.

Андреевич В.К. 1889. История Сибири. Ч. 2. Санкт-Петербург: Типография и литография В.В. Комарова.

Андроников И.А. 1911. Материалы по землевладению и экономическому быту оседлых инородцев Тобольской губернии. Тобольск: Губернская типография.

Атласи Х. 2005. История Сибири. Казань: Татар. кн. изд-во.

Ахатов Г.Х. 1963. Диалект западносибирских татар. Уфа: Башкирский гос. ун-т.

Бакиева Г.Т. 2003. Сельская община тоболо-иртышских татар (XVII – начало XX вв.). Москва; Тюмень: ИПОС СО РАН.

Бакиева Г.Т. 2011. Обычай и закон. Очерки правовой культуры сибирских татар в XVIII – начале XX века. Новосибирск: Гео.

Бакиев Г.Т., Квашин Ю.Н. 2009. Тоболо-иртышские татары. Тобольск: Полиграфист.

Барсукова Р.С. 2004. Заболотный говор тоболо-иртышского диалекта татарского языка в сравнительном освещении. Казань: Фикер.

Барсукова Р.С. 2005. История изучения сибирско-татарских диалектов // Сборник аспирантских работ: проблемы языка, литературы и народного творчества. Казань: Изд-во КГУ.

Бахрушин С.В. 1937. Г.Ф. Миллер как историк Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. Москва; Ленинград: АН СССР.

Бахрушин С.В. 1955а. Пути в Сибирь в XVI–XVII вв. // Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. Ч. 1. Москва: Изд-во АН СССР.

Бахрушин С.В. 1955b. Сибирские служилые татары в XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. Т. III. Ч. 2. Москва: Изд-во АН СССР.

Бахрушин С.В. 1955с. Ясак в Сибири в XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. Ч. 2. Москва: Изд-во АН СССР.

Баязитова Ф.С. 2001. Сибирские татары: (Духовное наследие, семейно-бытовая, обрядовая терминология и фольклор). Казань: Фикер.

Белч И.В. 1988. О начале исламизации сибирских татар // Проблемы этнографии и социологии культуры. Омск: Изд-во ОмГУ.

Белч И.В. 1997. Ханское кладбище // Сибирская столица 1. Тобольск: Тобольский гос. историко-архитектурный музей-заповедник.

Белч И.В. 2002. Легенда о Хаким-Ате // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск: Изд-во ОмГПУ.

Беляков А.В. 2011. Сибирские татары при дворах сибирских

Шибанидов конца XVI – первой половины XVII века // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Материалы международной конференции. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та.

Беляков А.В. 2014. Как звали большого сибирского карачу? // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Материалы международной конференции. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та.

Богомолов В.Б. 1978. О коврах тевризских татар // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ.

Богомолов В.Б., Томилов Н.А. 1973. К проблеме этногенеза и этнокультурных связей сибирских татар (по материалам орнаментов томских и барабинских татар) // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Сиб. отд-ние АН СССР, Ин-т истории, филологии и философии.

Бустанов А.К. 2013. Книжная культура сибирских мусульман. Москва: Изд. дом Марджани.

Буцинский П.Н. 1889. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков: Тип. губернского правления.

Бобров И.В., Клюева В.П. 2006. Социетальные характеристики исламского сообщества Тюменской области // Исламская цивилизация в Сибири: истоки, традиции, современность: Материалы научной конференции / Под ред. З.А. Тычинских, Г.Т. Бакиевой. Тобольск: Пресс-принт.

Бояришинова З.Я. 1960. Население Западной Сибири до начала русской колонизации (Виды хозяйственной деятельности и общественный строй местного населения). Томск: Изд-во Томского ун-та.

Валеев Ф.Т. 1965. Сибирские бухарцы во второй половине XIX – начале XX вв. (Историко-этнографический очерк): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент.

Валеев Ф.Т. 1980. Западносибирские татары во второй половине XIX – начале XX вв. (Историко-этнографические очерки). Казань: Татарское кн. изд-во.

Валеев Ф.Т. 1987. Сибирские татары (проблемы этнокультурного развития во второй половине XIX – начале XX вв.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Москва.

Валеев Ф.Т. 1989. К вопросу о развитии языка и культуры татар, проживающих за пределами ТаССР в современных условиях // Актуальные проблемы развития межнациональных отношений, интернационального и патриотического воспитания: Материалы республиканской

научно-практической конференции (г. Казань, 16–17 мая 1989 г.). Казань: Изд-во Татарского ОК КПСС.

Валеев Ф.Т., Томилов Н.А. 1996. Татары Западной Сибири: история и культура // Культура народов России. Т. 2. Новосибирск: Наука.

Вельяминов-Зернов В.В. 1866. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 3. Санкт-Петербург: Тип. Имп. Акад. наук.

Венюков М. 1874. Краткие статистические сведения о сибирских инородцах по отношению их к всеобщей воинской повинности // Известия ИРГО на 1874 г. Приложение к № 1. Санкт-Петербург.

Гарифуллин И.Б. 1996. Из истории хозяйственной жизни татарского населения Тюменской области. Тюмень: Типография АО «Практика».

Гарифуллин И.Б. 1997. Социально-демографическое развитие татарского населения Тюменской области в годы освоения Севера (1960-1996 гг.). Тюмень: Типография АО «Практика».

Гарифуллин И.Б. 2001. Очерки истории татарского населения Тюменской области. Тюмень: Тюменский издательский дом.

Герберштейн С. 1988. Записки о Московии. Москва: МГУ.

Георги И.Г. 1776. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопримечательностей. Ч. 2. Санкт-Петербург: Имп. Акад. наук.

Голодников К.П. 1882. Тобольская губерния накануне 300-летней годовщины завоевания Сибири. Тобольск: Тип. Тоб. губ. правл.

Дмитриева Л.В. 1981. Язык барабинских татар. Ленинград: Наука.

Долгих Б.О. 1960. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке // ТИЭ, н. с. Т. 55. Москва.

Дульзон А.П. 1956. Диалекты татар – аборигенов Томи // УЗ ТГПИ. Т. 15. Томск: Полиграфиздат.

Еремин Г.И. 1972. Доисламские верования «заболотных татар» Западной Сибири (к вопросу об этногенезе) // Вопросы истории СССР. Москва: Изд-во МГУ.

Замысловский Е. 1884. Герберштейн и его историко-географические известия о России // Записки историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. Т. 13. Санкт-Петербург: Типография бр. Пантелеевых.

Зиннатуллина Г.И. 2013. Народные медицинские знания сибирских татар (тоболо-иртышская группа). Казань: Изд-во «ЯЗ».

Зиннер Э.П. 1968. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников XVIII в. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во.

Знаменский М.С. 1891. Искер. Тобольск: Тип. Тоб. губ. правл.

Зыков А.П. 2004. Искер – забытая столица Сибири // Родина. Спец.

выпуск «Тобольск – живая былина».

Идес И., Бранд А. 1967. Записки о русском посольстве в Китай. (1692–1695). Москва: Глав. ред. вост. лит.

Ильасова Л.Р. 2002. Музыкальный фольклор татар Вагайского района Тюменской области // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск: Изд-во ОмГПУ.

Ислам в истории и культуре Тюменского края (в документах и материалах. 2004 / Сост. И.Б. Гарифуллин, ред. А.П. Ярков. Тюмень: ИПЦ «Экспресс».

Ислам на краю света. История ислама в Западной Сибири: В 3 т. 2007 / Под ред. А.П. Яркова. Т. 1. Тюмень: РИФ «Колесо».

История и культура сибирских татар (с древнейших времен до начала XX века): Краевед. пособие для студ. и уч-ся старших кл. общеобр. школ. 2014. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ: Изд-во «Артифакт».

История татар с древнейших времен: В 7 т. 2014. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. Т. IV: Татарские государства XV–XVIII вв.

Исхаков Д.М. 1997. Сеиды в позднезолотоордынских татарских государствах. Казань: Татар. кн. изд-во.

Исхаков Д.М. 1998. От средневековых татар к татарам Нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Казань: Мастер-Лайн.

Исхаков Д.М. 2000. Этническое развитие волго-уральских татар в XV – начале XX вв.: Научный доклад на соискание ученой степени д-ра ист. наук. Москва.

Исхаков Д.М. 2000. К вопросу о клановой принадлежности Тайбугидов (по русским и тюркским источникам) // Русские старожилы: Материалы III Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск: Изд-во ОмГПУ.

Исхаков Д.М. 2002. Об общности этнической истории волго-уральских и сибирских татар (булгарский, золотоордынский и позднезолотоордынский периоды) // Сибирские татары: Сб. статей / Под ред. С.В. Сусловой. Казань: Ин-т истории АН РТ.

Исхаков Д.М. 2002а. О методологических аспектах исследования проблем становления сибирско-татарской этнической общности // Сибирские татары: Сб. статей. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ.

Исхаков Д.М. 2002б. Татары: краткая этническая история. Казань: Магариф.

Исхаков Д.М. 2004а. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв.: Научно-методическое пособие. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ.

Исхаков Д.М. 2004б. Введение в этнополитическую историю сибирских татар // Сулеймановские чтения – 2004: Материалы VII межрегиональной научно-практической конференции. Тюмень: ТюмГУ.

Исхаков Д.М. 2005. Неисследованные аспекты истории Сибирского ханства конца XV – XVI вв. // Сулеймановские чтения – 2005: Материалы VIII межрегиональной научно-практической конференции. Тюмень: ИПЦ «Экспресс».

Исхаков Д.М. 2006а. Введение в историю Сибирского ханства. Очерки Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. (Сер. «Этнополитическая история татар»).

Исхаков Д.М. 2006б. О культуре государственной жизни в Сибирском юрте в XV–XVI вв. // Сулеймановские чтения – 2006: Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции. Тюмень: ИПЦ «Экспресс».

Исхаков Д.М. 2007. Проблема клановых основ административно-политического устройства Сибирского юрта в XV–XVI вв. // Занкиевские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Тобольск: ТГПИ.

Исхаков Д.М. 2009а. Исторические очерки. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ.

Исхаков Д.М. 2009б. Тюрко-татарские государства XV–XVII вв. Казань: Татар. кн. изд-во,

Исхаков Д.М. 2013. Между Булгаром и Казанью: этнополитические процессы в Булгарском Казанском вилайете в 60–70-х годах XIV – 40-х годах XV веков. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ.

Исхаков Д.М. 2015. К вопросу об этнической принадлежности «остяков» Приуральско-Завуральской зоны в XVI–XVII вв. // Наш след в истории. Без тарихта эзлебез. Барда, 44–51.

Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. 2000. Этнополитическая история татар в VI – первой четверти XV в. Казань: Иман.

Исхакова С.М. 1970. Лексика сибирских татар: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент.

Исхакова С.М. 1975. К вопросу о взаимоотношении языка татар-абorigенов Сибири и казанских татар // Из истории Сибири. Вып. XVI. Томск.

Исхакова С.М., Валеев Ф.Т. 1992. Языковые проблемы западносибирских татар // Языковая ситуация в Российской Федерации. Москва.

Кадырова Л.М. 2003. Народные медицинские знания сибирских татар Омского Притиртышья (конец XIX – XX вв.): Дис. ... канд. ист. наук. Москва.

Катанов Н.Ф. 1896. Предания Тобольских татар о Кучуме и Ермаке // ЕТГМ. Вып. V. 1895–1896. Тобольск.

Катанов Н.Ф. 1897. Предания тобольских татар о прибытии в 1572 г. мухаммеданских проповедников в г. Искер. // ЕТГМ. Вып. VII. Тобольск.

Катанов Н.Ф. 1905. Известия Лоренца Лянге о Сибири и сибирских инородцах // ЕТГМ. Вып. XIV. Тобольск.

Катанов Н.Ф. 1905. О религиозных войнах учеников шейха Багаудина против инородцев Западной Сибири (по рукописям Тобольского Губернского музея) // ЕТГМ. Вып. XIV. Тобольск.

Кауфман А.А. 1890. Экономический быт государственных крестьян и оседлых инородцев Туринского округа Тобольской губернии. Ч. 1. Отд. 1. Санкт-Петербург: Тип. В. Безобразова и К^о.

Клюева В.П., Черепанов М.С. 2008. Современное татарское сообщество Тюменской области: национальные и религиозные проблемы // Проблемы сохранения этнического самосознания, языка и культуры сибирских татар в XXI веке: Материалы XI Всероссийской научно-практической конференции «Сулеймановские чтения». Тобольск: ТГПИ им. Д.И. Менделеева.

Корусенко М.А. 2003. Погребальный обряд тюркского населения низовий р. Тара в XVII–XX вв. (опыт анализа структуры и содержания) // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Т. 7. Новосибирск: Наука.

Корусенко С.Н., Кулешова Н.В. 1999. Генеалогия и этническая история барабинских и курдакско-саргатских татар. Новосибирск: Наука.

Корусенко С.Н. 2006. Этносоциальная история и межэтнические связи тюркского населения Тарского Прииртышья в XVIII–XX вв. Омск: ООО «Изд. дом “Наука”».

Краткая Сибирская летопись (Кунгурская). 1880. Санкт-Петербург: Тип. Ф.Г. Елеонского и К^о.

Левочкина Н.А. 2002. Традиционная народная хореография сибирских татар Барабинской степи и Омского Прииртышья (конец XIX – XX в.). Новосибирск: Наука.

Малиновский В.Г., Томило Н.А. 1999. Томские татары и чулымские тюрки в первой четверти XVIII века: хозяйство и культура (по материалам Первой подушной переписи населения России 1720 года). Новосибирск: Наука; Сиб. предприятие РАН.

Малхасьян А.В., Селезнев А.Г. 2003. Татары Салехарда: городская этническая группа на современном этапе // Научный вестник. Вып. 16: Этносоциология. Салехард.

- Маслюженко Д.Н.* 2008. Этнополитическая история лесостепного Притоболья в Средние века. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та.
- Матвеев А.В.* 2012. Традиционная культура путешествия населения Среднего Прииртышья (XIX – первая треть XX века). Омск: ИД «Наука».
- Матвеев А.В., Тамауров С.Ф.* 2012. Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ.
- Миллер Г.Ф.* 1937. История Сибири. Т. 1. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР.
- Миллер Г.Ф.* 1941. История Сибири. Т. 2. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР.
- Небольсин П.* 1849. Покорение Сибири. Историческое исследование. Санкт-Петербург: В Тип. И. Глазунова и К^о.
- Окенов А.* 1889. Сибирь до эпохи Ермака // Томские губернские ведомости 2–4, 6. Томск.
- Паллас П.С.* 1788. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. 3. Кн. 1. Санкт-Петербург: Имп. Акад. наук.
- Патканов С.К.* 1888. Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Вып. 1. Санкт-Петербург: тип. Я.И. Либермана.
- Патканов С.К.* 1911. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. Т. II // Зап. РГО по отделению статистики. Т. XI. Вып. 2. Санкт-Петербург: Тип. Имп. Акад. наук.
- Патканов С.К.* 2003. Экономический быт государственных крестьян Богандинской, Бухарской, Кашегальской, Червишевской и Ярковской волостей Тюменского округа Тобольской губернии // Патканов С.К. Соч.: В 5 т. Т. 1. Тюмень: Мандр и К.
- Пигнатти В.Н.* 1915. Искер (Кучумово городище). Тобольск: Типография Епархиального Братства.
- Потанин Г.Н.* 1867. Материалы для истории Сибири. Москва: Издание Имп. Общества истории и древностей российских при Моск. ун-те.
- Потанин Г.Н.* 1884. Бараба // Живописная Россия. Т. 11: Западная Сибирь. Санкт-Петербург; Москва.
- Радлов В.В.* 1872. Образцы народной литературы тюркских племен. Ч. IV: Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар. Санкт-Петербург: Тип. Имп. Акад. наук.
- Радлов В.В.* 1989. Из Сибири (страницы дневника). Москва: Наука, Гл. ред. вост. лит.
- Рамазанова Д.Б.* 1990. Татарская диалектная лексикография и диалектная лексикология на рубеже третьего тысячелетия // Актуальные вопросы татарского языкознания: Сб. статей. Казань: ИЯЛИ.

Рамазанова Д.Б. 2001. Материалы по сибирским диалектам. Казань: «Фикер».

Рахимов Р.Х. 2006. Астана в истории сибирских татар: мавзолеи первых исламских миссионеров как памятники историко-культурного наследия. Тюмень: Печатник.

Ремезов С.У. 1989. История Сибирская // Памятники литературы Древней Руси XVII в. Ч. 2. Москва: Худ. лит.

Сагидуллин М.А. 2008. Фонетика и графика современного сибирско-татарского языка. Тюмень: Искер.

Сагидуллин М.А. 2010. Русско-сибирскотатарский словарь. Тюмень: Мандр и К.

Садыков К.С. 2001. Образование и народная педагогика сибирских татар Притоболья и Прииртышья // Сулеймановские чтения – 2001: Материалы научно-практической конференции. Тюмень: Вектор Бук.

Сатлыкова Р.К. 1986. Татары Среднего Прииртышья (хозяйственный уклад, общинная организация и семейные отношения в конце XVIII – начале XX вв.): Дис. ... канд. ист. наук. Москва.

Сафаралеева Ю.У. 2008. Духовные восходы. Очерки просвещения и культуры татар Приртышья второй половины XIX – первой трети XX вв. Тюмень: Вектор Бук.

Словцов П.А. 1838. Историческое обозрение Сибири (1585–1742). Кн. 1. Москва: В типографии А. Семена при Имп. Медико-хирургической академии.

Словцов П.А. 1844. Историческое обозрение Сибири (1742–1823). Кн. 2. Санкт-Петербург: Тип. И.П. Скороходова.

Сибирские татары: история и современность: Материалы научно-практической конференции. 1990. Тобольск: НИО ТГИАМЗ.

Сибирские татары: Сборник научных статей / Под ред. С.В. Сусловой. 2002. Казань: Ин-т истории АН РТ.

Селезнев А.Г. 1994. Барабинские татары: истоки этноса и культуры. Новосибирск: ВО «Наука».

Селезнев А.Г., Селезнева И.А. 2004. Сибирский ислам: региональный вариант религиозного синкретизма. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН.

Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Бельгибаев Е.А. 2006. Мир таежных культур юга Сибири (традиционное хозяйство и сопутствующие компоненты жизнедеятельности). Омск: Наука.

Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Белич И.В. 2009. Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. Москва: ИД Марджани.

Смирнова Е.Ю. 1995. Традиционная одежда тоболо-иртышских татар конца XIX – первой трети XX в. // Народы Сибири и сопредельных

территорий: Межведомственный сборник научных статей. Томск: Изд-во Томского ун-та.

Смирнова Е.Ю. 2004. Одежда татар Среднего Прииртышья: этнокультурные связи и контакты. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН.

Соболев В.И. 2008. История сибирских ханств (по археол. материалам). Новосибирск: Наука.

Солодкин Я.Г. 2016. О начале шертования сибирских «иноземцев» московским государям (вопросы хронологии) // Вестник Нижневартковского государственного университета 3. Нижневартковск: Изд-во НВГУ, 24–31.

Солодкин Я.Г., Даниэл А. 2015. Сибирский «царь» Кучум и Казахское ханство (вопросы историографии) // Актуальные проблемы фундаментальных и прикладных дисциплин и методик их преподавания: Материалы заочного семинара. Нижневартковск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 49–52.

Солодкин Я.Г. 2016. Служилые татары и ранняя русская колонизация Сибири (конец XVI – начало XVII вв.): военные аспекты // Средневековые тюрко-татарские государства 8. Казань, 233–239.

Сулова С.В. 2002. Западносибирские «сарауцы» как историко-этнографический источник // Сибирские татары: Сб. статей / Под ред. С.В. Суловой. Казань: Ин-т истории АН РТ.

Сулова С.В. 2004. Сибирско-татарская коллекция ювелирных украшений Тобольского музея как исторический источник // Татарская археология 1–2 (10–11). Казань.

Татары. 2001 / Ред. Р.К. Уразманова, С.В. Чешко. Москва: Наука.

Татары Тюменской области: история и современность. 2011. Тюмень: Вектор Бук.

Тихомирова М.Н. 2006. Культура питания татар Среднего Прииртышья: проблемы формирования и этнокультурных связей. Омск: ИД «Наука».

Томилов Н.А. Томилова В.С. 1998. Фоат Тач-Ахметович Валеев – исследователь Сибири (к 80-летию со дня рождения) // Сибирские татары. Омск: Изд-во ОмГПУ.

Томилов Н.А. 1978. Современные этнические процессы среди сибирских татар. Томск: Изд-во Томского ун-та.

Томилов Н.А. 1981. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. Томск: Изд-во Томского ун-та.

Томилов Н.А. 1983а. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI – начале XX вв.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Омск.

Томилов Н.А. 1983б. Очерки этнографии тюркского населения Томского Приобья // Этническая история, быт и духовная культура. Томск: Изд-во Томского ун-та.

Томилов Н.А. 1992. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI – начала XX в. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та.

Томилов Н.А. 1993. Проблемы этнической истории (по материалам Западной Сибири). Томск: Изд-во Томского гос. ун-та.

Трепаевлов В.В. 2012. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. Москва: Восточная литература.

Тумашева Д.Г. 1968. Язык сибирских татар. Казань: Изд-во Казанск. ун-та.

Тумашева Д.Г. 1969. Диалекты сибирских татар в отношении к татарскому и другим тюркским языкам: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Москва.

Тумашева Д.Г. 1977. Диалекты сибирских татар. Опыт сравнительного исследования. Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та.

Тумашева Д.Г. 1987. Этнические связи западно-сибирских татар (по материалам топонимии и антропологии) // Советская тюркология 2, 38–51.

Тумашева Д.Г. 1992. Словарь диалектов сибирских татар. Казань: Изд-во Казанск. ун-та.

Тычинских З.А. 2009. Историографический аспект проблемы формирования сибирско-татарской этнической общности // Национальная история татар: теоретико-методологическое введение. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ.

Тычинских З.А. 2010. Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVI–XVII вв.). Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ.

Тычинских З.А. 2011. О формировании сибирско-татарской идентичности: к вопросу о самоназвании и самосознании // Сулеймановские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. А.П. Яркова. Тюмень: Универсальная тип. «Альфа Принт».

Шарифуллина Ф.Л. 2002. Особенности традиционной свадебной обрядности татар в сельских поселениях Тюменской и Омской областей // Сибирские татары: Сб. статей / Под ред. С.В. Суловой. Казань: Ин-т истории АН РТ.

Уразманова Р.К. 2002. Годовой цикл традиционных обрядов и

праздников сибирских татар // Сибирские татары: Сб. статей / Под ред. С.В. Сусловой. Казань: Ин-т истории АН РТ.

Файзрахманов Г.Л. 2002. История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX в.). Казань: Фэн.

Фишер И.Е. 1774. Сибирская история. Санкт-Петербург: Имп. Акад. наук.

Хабибуллина Л.Б. 2008. Себерда татар магарифе (XX гасыр) (Из истории народного образования Тюменской области в XX веке). Тюмень: Тюменский дом печати.

Хайруллина Н.Г., Салихова А.Р. 2004. Динамика социокультурной ситуации на юге Тюменской области. Тюмень: Изд-во ТюмГНГУ.

Халиков Н.А. 2002. Этнокультурные особенности хозяйства западно-сибирских татар // Сибирские татары: Сб. статей / Под ред. С.В. Сусловой. Казань: Ин-т истории АН РТ.

Хисаметдинова Г.С. 2010. К истории советского опыта реформирования национальных школ // Сулеймановские чтения: Материалы и доклады XIII Всероссийской научно-практической конференции. Тюмень: Экспресс.

Храмова В.В. 1950. Заболотные татары // ИВГО. Т. 82. Вып. 2.

Храмова В.В. 1956. Западносибирские татары // Народы Сибири. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР.

Юшков И.Н. 1861. Сибирские татары // Тобольские губернские ведомости 35–45.

Ядринцев Н.М. 1892. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Санкт-Петербург: Издание И.М. Сибирякова.

Ядринцев Н.М. 1891. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. Санкт-Петербург: Издание И.М. Сибирякова (Типография И.Н. Скороходова).

Ярзуткина А.А. 2012. Ритуалы достатка: традиционные земледельческие, скотоводческие и промысловые культы сибирских татар. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение.

Глава 2

ЖАЛОБЫ НАСЕЛЕНИЯ НА НЕЗАКОННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПОЛИЦИИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И РЕАКЦИЯ НА НИХ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ (1905–1914 гг.)

Аннотация. В работе исследованы жалобы населения на незаконные действия полиции в Западной Сибири в начале XX в. Информационную основу данного исследования составили документы архивного фонда Департамента полиции МВД Государственного архива Российской Федерации. В архивном фонде отложился целый комплекс обращений частных лиц, до настоящего времени не подвергавшийся специальному изучению. Большая часть жалоб была вызвана фактами «полицейского насилия»: незаконным задержанием, нанесением жителям тяжких побоев и увечий. Неизменная тема для жалоб – взяточничество полицейских и вымогательство денег у местного населения, зачастую с применением физического насилия. Анализ совокупности выявленных в фонде МВД жалоб сибиряков показывает, что в большинстве случаев центральный орган в решение местных дел практически не вмешивался. Процесс обжалования действий чинов полиции в большинстве случаев ни к чему не приводил. Одним из ключевых факторов, обусловивших противоправность действий чиновников, стал низкий уровень их профессиональной подготовки, небольшое жалование, подталкивающее полицейских к злоупотреблениям, а также слабый надзор за полицией со стороны губернских управлений и Департамента полиции МВД.

Ключевые слова: жалоба, обращения граждан, полиция, полицейские, противоправные действия, злоупотребления, взяточничество.

Накануне первой русской революции система органов полицейского управления в стране не справлялась с возложенными на нее обязанностями по охране правопорядка, «погрязла» в чиновничьем бюрократизме, мздоимстве и лихоимстве, что вызывало резко негативное отношение со стороны населения. Деятельность

досоветской полиции не пользовалась у населения уважением, ее не почитали, а зачастую пренебрегали, что и стало, по мнению исследователей, одним из факторов крушения Российской империи в феврале 1917 г. (Масалимов, Масалимов 2008: 120).

При изучении этой проблемы и осмыслении факторов неблагополучного состояния полицейской службы в дореволюционной России неоценимую помощь могут оказать письменные обращения граждан (заявления, прошения, жалобы). Письма «во власть» являлись своеобразным барометром жизни общества, особенно в условиях экономического подъема, формирования массового сознания, а также революционных и социальных потрясений. Жалобы граждан, направленные в органы власти, сегодня вводятся в научный оборот не столь активно, что во многом объясняется их плохой сохранностью. Большинство из них не дошли до наших дней, поскольку нещадно уничтожались в текущем делопроизводстве государственных учреждений или в процессе экспертизы уже в архивах. К тому же выявление в архивных фондах писем подчас требует больших усилий, так как чаще всего они не выделены в самостоятельные дела и не отражены в справочниках. В этой связи возрастает значимость каждого сохранившегося документа.

Информационную основу данного исследования составили документы архивного фонда Департамента полиции МВД Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ. Ф. 102). В Департамент полиции МВД как центральный орган управления местными полицейскими структурами жалобы граждан, считавших в их отношении действия чинов полиции незаконными, поступали со всех губерний страны. В архивном фонде отложился целый комплекс обращений частных лиц, до настоящего времени не подвергавшийся специальному изучению. В этой работе проблема рассмотрена на материалах жалоб населения Западной Сибири, т.е. Тобольской и Томской губерний.

В начале XXI в. эпистемологическая ситуация в исторической науке характеризуется усилением полиметодологизма, происходит расширение научной проблематики исследований. В этой связи анализ источников проводится с точки зрения теории модернизации.

Основным методом исследования стал контент-анализ содержания однотипных документов. Предмет анализа – составленные гражданами обращения в административные органы (полицию) и донесения (рапорты) как реакция на них со стороны чиновников. Изучение документов предполагает критическое отношение к их сведениям, установление их достоверности и полноты.

Для выявления общего и особенного в «сигналах» с мест применялись методы аналогии и историко-сравнительного анализа. Метод историко-системного анализа позволил установить общие тематические характеристики жалоб граждан.

Обращения граждан и реакция на них государственных органов – это специфическая форма общественных отношений и реализации задач правительства на основе обратной связи. Причем этот «диалог» посредством различных способов апелляции шел непрерывно. В этой связи для таких источников характерны: однотипность, обстоятельность, описательность, повторяемость и аналогичность содержания. Конечно, такая форма взаимоотношений государства и населения весьма условна. Нельзя утверждать, что послания частных лиц являлись действенным инструментом взаимодействия власти и общества, средством выражения общественного мнения и влияния на административный аппарат. Тем не менее, письма представляют особый исследовательский интерес как достоверный показатель того, что беспокоило их авторов. Важно избежать недооценки их значения хотя бы в проблемном и информационном аспектах.

В «диалоге» центральной власти и граждан не сложилось особых смысловых различий в наименованиях отмеченных разновидностей обращений. При анализе писем жителей концентрация внимания на названии документа не имеет практического смысла, т.е. определяющим фактором здесь является его содержательная часть. По содержанию обращения граждан в Департамент полиции являются жалобами. Вместе с тем, полезно обращать внимание на делопроизводственные пометки и резолюции руководства МВД на письмах, благодаря чему можно получить данные относительно результата их рассмотрения. В качестве характерных черт обращений к власти исследователи выделяют такие, как произвольная форма изложения, особый язык выражения мыслей

и чувств, специфическая система доказательств (аргументов), эмоциональность, полифонизм (Кутырева 1991: 52).

Системный анализ источников дает право утверждать, что жалоба – это достаточно рациональный и продуманный поступок, имевший конкретные практические цели, связанные с нарушением прав и свобод граждан, невозможностью удовлетворения их повседневных нужд, реализации законных интересов и др. В качестве мотивировки своих прошений авторы применяли самые разные приемы: драматизация реального положения дел, преувеличение значения одних факторов и полное замалчивание других, спекулирование фактами, будничность рассуждений, оценочные клише. Частым был метод аналогий и сравнений.

Анализ совокупности выявленных в фонде МВД жалоб сибиряков показывает, что в большинстве случаев центральный орган в решение местных дел практически не вмешивался, предписывая лишь губернаторам провести по фактам обращений следственные мероприятия. В губернских же управлениях, как правило, должная правовая оценка действий или бездействий полицейских в городах и уездах не проводилась, не говоря уже о судебных процессах. В частности, Департамент полиции объявил ялуторовскому мещанину В. Гаевскому, что поданное им в МВД обращение, в котором он жалуется на превышение власти и другие неправильные действия уездного исправника, его помощника и полицейского надзирателя, по отзыву Тобольского губернатора, представлено «вообще неосновательною», а в части, касающейся будто бы незаконных действий надзирателя было отклонено постановлением губернского управления. При этом Департамент полиции указал мещанину, что в силу ст. 19 п. II Высочайше утвержденного 1 июня 1895 г. мнения Госсовета о преобразовании губернских установлений ведомства МВД в Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях, а также ст. I и п. 3 ст. 19 Учреждения Правительствующего Сената (т. I изд. 1892 г.), жалобы на постановления губернского управления, а также губернатора приносятся в Сенат в порядке, указанном в означенной ст. 19 п. II мнения Госсовета (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 22. Д. 70 (ч. 30). Л. 20).

В таком «диалоге» с правительственной властью участвовали граждане всех сословий: дворянства, купечества, мещанства,

духовенства, крестьянства и др., хотя жалоб от дворян и купцов было не так много. Часто подавались коллективные заявления, скажем, от группы торговцев или домовладельцев города, района или улицы. Например, тюменцы периодически жаловались на уездного исправника, который, по их мнению, слабо наблюдал за общественным порядком, облав и ночных объездов никогда не проводил, а большая часть его стражников постоянно находились в нетрезвом виде. Они предлагали изменить штат местной полиции, а именно организовать полицию по назначению городской думы, чтобы последняя имела право чиновников, не соответствующих должности, отстранять и избирать других по своему усмотрению (ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1210. Л. 3–3 об.). Следовательно, в данном обращении жителей органично сочтались и факты, и оценки, и аргументы, и жалоба, и предложение.

Причем обращения граждан имели не только изболитительный, но и конструктивный характер. Так, в Департамент полиции поступило прошение доверенного крестьян Сычевского сельского общества Ишимского уезда Тобольской губернии П. Сырвева, в котором он жаловался на бездействие чинов Ишимского полицейского уездного управления относительно пресечения случаев конокрадства. По этому прошению губернатор А. П. Лаппо-Старженецкий сообщил, что во время объезда им губернии ему было сделано подобное же заявление, которое главным образом и побудило его войти с представлением от 12 декабря 1901 г. № 7851 в МВД об учреждении в Тобольской губернии института полицейских урядников. Следовательно, благодаря «сигналу» сельчан в уездах были введены урядники (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 22. Д. 70 (ч. 30). Л. 7).

Недовольство действиями полиции заявляли не только рядовые граждане, но и представители органов местного самоуправления Западной Сибири. В частности, тюменский голова А.И. Текутьев 28 декабря 1904 г. подал на имя министра внутренних дел прошение, в котором заявил о следующих неправильных действиях чинов местной полиции: «уездный исправник Т.Ф. Калугин, ведущий нетрезвую жизнь и проводящий ночи в клубе, злоупотребляет своим служебным положением с корыстной целью; например, по производству в текущем году ремонта грунтовой дороги и мостов по тракту от Тюмени до Омска, для

перевозки орудий и войска, командированным из Санкт-Петербурга инженером Поповым были обнаружены злоупотребления уездного исправника, но по ложному оговору Калугина о неприличном, будто бы, поведении г. Попова в клубе, последний был устранен от надзора за работами». Кроме того, глава города писал, что в отношении артистки местного театра Ковалевой Т.Ф. Калугин практикует постоянные придирки с целью вымогательства с нее взяток. Также исправник взимает поборы с волостных писарей и других лиц. Участковые приставы г. Тюмени Худорби и Терновский пользуются среди населения весьма нелестною репутацией и слывут «атаманами воров». Чины полиции проводят время в клубе и домах терпимости, по службе своей бездействуют, благодаря чему население остается беззащитным от грабежей и убийств; этому способствует, между прочим, существование обложенных поборами в пользу полиции вертепов, а также то обстоятельство, что задержанные преступники, даже убийцы, отпускаются на поруки.

Департамент полиции предписал Тобольскому губернатору дать разъяснения по обращению Тюменского городского головы. По результатам следствия его жалобу признали неосновательной. Более того, губернатор А.П. Лаппо-Старженецкий 14 августа 1905 г. уведомил МВД, что подлинные жалобы одновременно препровождены губернским управлением прокурору Тобольского окружного суда вместе с делом и копией журнала Общего присутствия Тобольского губернского управления от 18 марта 1905 г. (№ 67) по жалобам А. И. Текутьева на чинов Тюменского уездного полицейского управления на предмет возбуждения против него уголовного преследования по обвинению в ложном доносе. Очевидно, что эта попытка призвать правительство к наведению порядка в местной полиции провалилась. Городской голова, к счастью, сохранил свой пост (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 24. Д. 755. Л. 17, 18, 29).

Содержательный анализ источников свидетельствует о том, что большая часть жалоб была вызвана фактами «полицейского насилия», т.е. незаконным задержанием, нанесением жителям тяжких побоев и увечий. К примеру, 18 января 1905 г. в г. Томске, согласно заявлению, казаки, чины Томского городского полицейского управления и ночные уличные объездные избивали

жителей, совершенно не причастных к бывшим в этот день уличным беспорядкам, причем в то время, когда фактически означенные беспорядки уже были устранены и место беспорядков очищено как от демонстрантов, так и от скопления публики. Означенные выше чины били нагайками и обнаженными шашками всех попадающихся им на улице лиц, без различия пола, возраста, общественного и служебного положения, делались попытки чинить эти насилия в запертых дворах и жилых помещениях, не исключая зданий, занятых правительственными учреждениями, а «лиц, потерпевших эти насилия, не задерживали и, следовательно, били только для того, чтобы бить». По данному происшествию со стороны МВД конкретных мер также не последовало (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 22. Д. 70 (ч. 25). Л. 198).

Несмотря на то, что российские законы оговаривали все случаи применения физической силы, на практике значительная часть чинов полиции действовала вне правового поля. В общественном сознании действия полиции имели ярко выраженный карательный характер, отсюда и неприязнь граждан. Полицейские же расценивали такое пренебрежительное к ним отношение как незаслуженное, что побуждало их к агрессии, желанию отомстить своим «обидчикам». Как отмечал один из современников, «они могли ни за что посадить в “кутузку”, захватить в зубы, наложить штраф...» (Засолов, Пызин 1991: 131–132).

Например, Департамент полиции объявил проживавшему в Убинской волости Каинского уезда крестьянину из ссыльных М. Гуляеву, что поданное им в МВД прошение, в котором он жалуется на незаконный арест его становым приставом Каинского уезда Добровым, по отзыву томского губернатора, «оставлено без последствий»; крестьянину деревни Волковой Нарымского края Томского уезда Ф. Волкову на поданную им в МВД жалобу о неправильном наказании розгами, по приговору местного сельского схода, брата просителя С. Волкова и двух других крестьян В. и З. Коноваловых, было сообщено, также по отзыву Томского губернатора, что его заявление признано «неосновательным» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 22. Д. 70 (ч. 25). Л. 9, 113).

Тобольский губернатор Д.Ф. Гагман 8 июня 1910 г. представил в Департамент полиции дело по жалобе мещанина Морина на чинов Курганского уездного полицейского управления. Согласно

журналу Общего присутствия Тобольского губернского управления от 27 октября 1909 г., он жаловался на незаконные действия пристава I части г. Кургана Ушакова и околоточного надзирателя Васильева. 26 сентября 1908 г. без всякого повода к нему (Морину) в квартиру явился пристав. Обругав его площадной бранью, прогнал из квартиры, а затем отправил под арест, при этом квартира его осталась без всякой охраны. Затем Морин был передан в тюрьму и отправлен в Архангельскую губернию, а освобожден 4 декабря 1908 г. За время его осуждения из квартиры пропали домашние вещи и 50 руб. наличных денег. Он ходатайствовал о розыске похищенных вещей. Тобольское губернское управление постановило: жалобу просителя оставить «за неосновательностью без последствий, о чем объявить ему по месту его жительства через Архангельское городское общественное управление» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 108. Д. 51. Л. 35–39).

Супруги Макаровы подали жалобу в Департамент полиции на станowego пристава Захарова за избиение их сына. Тобольский губернатор 26 мая 1911 г. представил постановление, которым жалоба признана бездоказательной и оставлена без последствий. Аналогичное решение последовало на прошение Е. Пономаревой, заявившей об изнасиловании ее дочери приставом Тарского уезда. Губернатор 19 марта 1912 г. сообщил, что в отношении мещанина А.И. Алекшина возбуждено дело о привлечении его к ответственности по ст. 940 Уложения о наказаниях (ложный донос). Его жалоба на избиение жителей чинами Тарского уездного полицейского управления была оставлена без последствий как недоказанная. Прокурор же не нашел достаточных оснований для привлечения его к суду (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 109. Д. 28. Л. 8, 9–11, 103).

Процесс обжалования действий чинов полиции в большинстве случаев ни к чему не приводил. В связи с тем что губернские управления оставляли заявления граждан без последствий, то и Департамент полиции со своей стороны давал традиционный ответ: дело «никаких распоряжений со стороны МВД не вызывает». Тем не менее утверждать, что МВД не предпринимало мер к исправлению ситуации, неверно. Посредством циркуляров центральный орган пытался навести порядок на местах, в частности, чиновникам предписывалось «...при исполнении своих высоких и ответственных обязанностей по охране общественной

безопасности и спокойствия предъявлять свои требования к нарушителям закона твердо и настойчиво, но, безусловно, в спокойной, вежливой и корректной форме, не допуская грубых и оскорбительных выражений и не прибегая к физической расправе» (Сысоев, Кожин 2015).

Интересно, что жалобы направлялись как непосредственно министру внутренних дел, так и с помощью чиновников различного ранга, депутатов Государственной думы, общественных деятелей, жандармских начальников и др. Граждане, по всей видимости, полагали, что «сигнал», поданный через официальное должностное лицо, быстрее найдет отклик в МВД. Например, крестьянка А.П. Андреева 2 февраля 1912 г. подала жалобу сенатору М.И. Трусевичу на полицейского урядника Г. Казакова, согласно которой последний толкнул ее и оскорбил при задержании, связал ее мужа. Сенатор препроводил жалобу в Департамент полиции, который запросил разъяснения у Томского губернатора. Губернатор 30 июня 1912 г. ответил, что жалоба была признана «не заслуживающей внимания», тем не менее, за оскорбление ее мужа уряднику объявлен выговор. Заявление Алтайского отдела Русского народного союза им. Михаила Архангела по обвинению Бийского уездного исправника И.В. Полякова и пристава II стана Бийского уезда Т.С. Кармакова в неправильных действиях по службе Томское губернское управление 31 января 1914 г. постановило оставить без последствий (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 110. Д. 63. Л. 3, 8–9, 15–15 об.; Оп. 111. Д. 51. Л. 178–182 об.).

Другой пример: группа жителей г. Тары просили депутата Государственной думы В.И. Дзюбинского защитить местное население, которому приходится переносить кару телесного наказания от полиции «по делу и не по делу». Даже когда на одном из собраний слушали речь городского головы, то уездный исправник сказал: «Если бы он и мне попал под руку, я ему выбил бы зубы ... у нас такая расправа». Согласно жалобе, за время пребывания этого исправника у власти избито много людей. Наряду с этим члены Думы В.И. Дзюбинский и Н.Л. Скалзубов 19 октября 1911 г. ходатайствовали перед министром внутренних дел А.А. Макаровым по поводу того, что нижние чины полиции Тобольской губернии в течение последних лет жестоко обращаются с жителями. По результатам следствия лишь один

становой пристав был уволен со службы. Однако бесчинства полиции не прекращались (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 109. Д. 28. Л. 98–98 об.; 99–100 об.).

Население пыталось привлечь внимание правительства к незаконным действиям полиции и посредством периодических изданий. Например, в газете «Сибирская жизнь» были опубликованы заметки «Бесчинство полицейских» и «Странный арест», где приводились любопытные факты обращения чинов полиции с обывателями. Так, в Томске 27 июня 1911 г. около 10 часов вечера к дворянину В.А. Залесскому, проживавшему в собственном доме, явился околоточный надзиратель I участка г. Томска Г. Маккавеев с двумя городовыми и потребовал от имени полицмейстера, чтобы Залесский отправился в участок в связи с неуплатой им штрафа. На просьбу последнего представить приказ об аресте околоточный надзиратель сказал, что в письменном виде приказа у него нет. Хозяин дома предъявил квитанцию об уплате 25 руб. штрафа по приговору мирового судьи. Однако Маккавеева это не удовлетворило, и он ввел в квартиру двух городских и приказал им взять «неплательщика» силой. Городовые оказались благоразумнее и вышли из квартиры. В ответ на такие действия надзирателя Залесским была подана жалоба Томскому губернатору. На запрос Департамента полиции губернатор П. К. Гран 17 октября 1911 г. представил доклад о неправильных действиях пристава I участка г. Томска Барина и околоточного надзирателя Маккавеева. По постановлению губернатора от 27 июля 1911 г. на них были наложены дисциплинарные взыскания. Приставу «за неумелое и бестактное распоряжение» объявлен выговор, он был переведен на службу в Приамурский край, а околоточный надзиратель «за грубое обращение с дворянином» был подвергнут аресту на трое суток (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 109. Д. 88. Л. 2, 6–6 об.).

В фонде Департамента полиции сохранились заметки из газет (вырезки). В Санкт-Петербургской газете «Вечернее время» 18 мая 1912 г. вышла телеграмма депутата Е.П. Гегечкори с жалобой крестьянина Б.А. Иванцова, в которой он сообщал: «4 мая полиция Новониколаевска, мотивируя приговором мирового судьи, разломала мой дом, разгромила имущество, подвергла жену и дочь побоям, заключила их в каталажную камеру и в настоящее время не освобождает. Полицмейстер грозит арестом на 5 месяцев,

защиты нет... Обращаюсь с мольбой защитить и освободить семью, сам остался с тремя малолетками без крова». 29 июля 1912 г. Томский губернатор прислал ответ в Департамент полиции по этому делу: во исполнение приговора мирового судьи Томского уезда о сносе построек крестьянина Б.А. Иванцова от 26 апреля 1910 г. чины полиции приступили к исполнительным действиям, но семья жалобщика (жена, дочь и сын) оказали сопротивление, одному из служащих причинены повреждения, ожоги и раны. Названные лица были арестованы и отправлены в каталажную камеру. Новониколаевский полицмейстер заявил о наложении на Иванцовых взыскания за нарушения обязательного постановления в порядке правил положения об усиленной охране, но вопрос был разрешен отрицательно ввиду направления дела на них в судебном порядке. Новониколаевский полицмейстер В.А. Бойчевский рассмотрел протокол дознания, произведенного приставом Самариным, и нашел следующее: 1) полицейский чиновник Воробьев, исполняя приговор мирового судьи от 26 апреля 1910 г., прибыл в дом к крестьянину для сноса дома; 2) он, войдя в дом, предложил жене и дочери очистить помещение, т.к. дом силами наряда полиции и пожарных частей при участии понятых будет снесен; 3) жена Матрена не желала подчиняться законным требованиям чиновника, окатила его кипятком, а затем ранила шилом; 4) дочь Параскева 19-ти лет и сын Игнатий 17-ти лет бросились на Воробьева с кулаками; 5) по освидетельствованию состояния чиновника левая половина лица, лба и левое ухо обожжены горячей водой, зафиксированы ожог 1 степени и колотые раны от удара шилом; 6) по показанию свидетелей доказано сопротивление Матрены, Параскевы и Игнатия Иванцовых; 7) сами Иванцовой отдельных фактов своей вины не отрицали. По обязательному постановлению Томского губернатора от 10 февраля 1912 г. жена, дочь и сын получили уголовное взыскание по ст. 270 Уложения о наказаниях (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 110. Д. 67. Л. 76, 78, 81–82).

За ложно напечатанные сведения издатели газет и журналов зачастую получали административные штрафы и другие наказания. Например, 24 февраля 1912 г. Томский губернатор препроводил в Департамент полиции донесение Новониколаевского полицмейстера по поводу заметки в газете «Обский вестник»: «Уведомляю Вас, что редактор газеты Контеев за помещение

этой заметки привлечен к ответственности по ст. 1034 Уложения о наказаниях, переписка по сему предмету передана мировому судье Томского уезда». Полицмейстер рапортовал губернатору по поводу заметки в газете «Обский вестник» от 31 декабря 1911 г., что данные газеты не подтверждает и просит напечатать опровержение, которое было помещено в № 27 за 1912 г. в газете «Обская жизнь». Газета «Обский вестник» с 15 января 1912 г. прекратила свое существование, ее издатель, камышловский мещанин Д.Е. Контеев по распоряжению губернатора из-за допущенных в газете грязных инсинуаций был взят под стражу. Согласно телеграмме от 5 мая 1912 г. председателю Совета министров В.Н. Коковцеву, редактор газеты был арестован на 4 месяца, подвергался оскорблениям и издевательствам со стороны тюремной администрации. В тюрьме он заболел, лечения никакого, кроме морфия не получил и освобожден будучи больным. 2 июня 1912 г. томский губернатор уведомил департамент, что редактор газеты в первый раз был подвергнут в административном порядке денежному штрафу в размере 100 руб., второй раз – 500 руб., а ввиду его несостоятельности – аресту на 4 месяца. По заключению врачей он был переведен из камеры в тюремную больницу. Жалоба Контеева министру внутренних дел на постановление о наложении на него административного взыскания оставлена без последствий, а также по поводу его оскорблений и издевательствам со стороны тюремной администрации также оставлена без последствий как «не подтвердившаяся при расследовании». Со своей стороны МВД никак не отреагировало на прошение газетчика (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 110. Д. 67. Л. 36–40, 60, 62–63).

В связи с изменениями в законодательстве Департамент полиции был обязан вести по жалобам граждан разъяснительную работу. Например, коллежский ассессор Г.А. Огнев (г. Каинск) направил прошение в Департамент полиции в связи с утратой бывшим приставом 4-го стана Барнаульского уезда Семаковым исполнительного листа для взыскания с крестьянина Борзенко 120 руб. 77 коп. Томское губернское управление 12 июля 1913 г., выслушав обстоятельства дела, нашло, что это преступное деяние карается по ст. 416 Уложения о наказаниях выговором с внесением в послужной список или вычетом из стажа службы или увольнением от должности. Но поскольку это деяние совершено до

21 февраля 1913 г., пристав Семаков на основании п. 1 ст. XVIII Высочайшего указа от 21 февраля 1913 г. наказанию подлежать не должен. Поэтому решено переписку по этому делу прекратить, жалобу оставить без последствий. Департамент полиции сообщил просителю, что не усматривается причин к опротестованию распоряжения губернского управления, но полагает, что Огневу следует обратиться в надлежащее судебное учреждение за получением нового исполнительного листа, а если от утраты листа приставом заявитель понес какие-либо убытки, то он вправе взыскать их в судебном порядке по ст. 1316 Устава гражданского судопроизводства (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 111. Д. 51. Л. 72, 79–80, 81–83).

МВД издавало специальный журнал, на страницах которого печатались заметки о состоянии полицейских управлений в империи и действиях чинов полиции, а также претензиях к ним со стороны населения. Например, в 1909 г. «Вестник полиции» опубликовал статью о состоянии полиции Томской губернии и обратил внимание на нее полицейских чинов других губерний, в частности в ней отмечалось: «За последние годы число жалоб со стороны обывателей на неправильные по службе действия чинов полиции и неблагоприятные поступки низших чинов полиции сократилось, а в текущем году жалобы эти стали сравнительно редкими. Беспристрастная оценка этого явления должна привести к тому выводу, что наличный состав полиции Томской губернии находится на высоте своего призвания, как в смысле сознательного усвоения возложенных на полицию задач, так и в отношении разумного понимания их и добросовестного выполнения.

Тем не менее, губернское начальство постоянно принимает все меры к устранению таких пробелов, последствием которых могут быть хоть сколько-нибудь основательные нарекания на полицию. В этом отношении необходимо, прежде всего, остановиться на выяснении той обстановки, при которой происходит большинство столкновений полиции с нарушителями порядка. Тщательное исследование этих недоразумений доказывает, что главную их причину являются: неправильное представление некоторой части населения об обязанностях полиции; недостаточное понимание такими лицами условий законности и порядка и др. Лица эти, очевидно, не желают сознавать, что улица является

достоянием всех, и на ней не может быть допущено шума, песен, беспорядочного движения и других проявлений своеволия».

«Вестник полиции» сообщал: «Каждый служащий в полиции обязан понимать, что и отказавшийся исполнить требование полиции, и нарушитель общественного порядка, и оскорбивший полицейского чина понесут за это должную кару, а чем безукоризнее к обвиняемому отношение полиции, тем труднее положение лица, совершившего проступок, не только на суде, но и на глазах окружающих. Безупречную выдержку и полное спокойствие чины полиции обязаны сохранять особенно в отношении лиц в нетрезвом виде. Не менее важное и существенное значение в условиях чрезвычайно трудной службы полиции должны иметь искренняя доброжелательность, спокойствие и добродушие полицейских чинов ко всем обращающимся к ним за помощью и содействием. На необходимость выработать в нижних полицейских чинах указанные качества губернским начальством всегда обращается особое внимание начальников полиции и вменяется им в обязанность, при ближайшем участии своих помощников, пропитать вверенные им команды сознанием, что без обладания этими качествами служба в полиции будет не настолько результативна» (Вестник полиции 1909: 32, 687).

Несмотря на низкую эффективность обжалования незаконных поступков чинов полиции, в случаях неоспоримых фактов их виновности и доказанности вины по результатам следственных действий к полицейским применялись разные меры наказаний – от дисциплинарных до уголовных. Например, 3 августа 1910 г. тобольский губернатор доложил о наложении на Тарского уездного исправника А.А. Левицкого административного взыскания за неправильные действия по проверке доноса о поднадзорных, ему было объявлено замечание; по приказу полицмейстера г. Новониколаевска от 5 октября 1912 г. конный стражник ночной охраны Кривошапкин «за пьянство и безобразие на базаре» был уволен со службы с 6 октября; против бывшего пристава 3-го стана Барнаульского уезда Зайкова, обвинявшегося в злоупотреблениях по службе, Общим присутствием Томского губернского управления было возбуждено уголовное преследование, в том числе и за растрату приставом 530 руб., взысканных в пользу Панкрушенского

церковно-приходского попечительства (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 110. Д. 67. Л. 167; Оп. 108. Д. 51. Л. 43; Оп. 22. Д. 70. Л. 212).

В зависимости от характера и объема противоправных деяний наказания могли применяться по нескольким статьям закона в совокупности. Согласно журналу Общего присутствия Томского губернского управления от 16 марта 1912 г., по жалобе мещанина Ардашева на неправильные действия чинов Бийского уездного полицейского управления было решено: против бывшего уездного исправника В.П. Штейнфельда и помощника его П.М. Плотникова возбудить уголовное преследование по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 338 и 343 (о превышении власти и противозаконном бездействии), в качестве наказания мог последовать выговор, замечание или вычитание 6 месяцев из стажа службы (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 109. Д. 75. Л. 25–28).

Непременной темой для жалоб являлись взяточничество полицейских и вымогательство денег у местного населения, зачастую с применением физического насилия. За взятку можно было «замазать» любое мелкое правонарушение и даже преступление. А безнаказанность полицейских способствовала их халатному отношению к службе, произволу и злоупотреблениям. Причем в ряде городов и уездов Сибири этот процесс приобрел «тотальный» (от нижних до классовых чинов) и хронический характер. По общему числу обнаруженных в фонде МВД жалоб можно определить, что сибиряки были недовольны действиями чинов полиции, прежде всего, в Бийском и Новониколаевском уездах Томской губернии и в Тарском и Тюменском уездах Тобольской губернии. Хотя может быть, что в других уездах ситуация просто замалчивалась, а жители были запуганы.

Газета «Русское знамя» 9 июня 1911 г. писала, что в бытность исполняющего должность полицмейстера Б.П. Висмана (латыша) новониколаевская полиция «развратилась донельзя». Полиция превратилась в хорошо организованную шайку разбойников. Ограбленные и доведенные до нищеты обыватели обратились к губернатору, но из этого ничего не вышло. «Губернская власть не могла похвастаться энергией Висмана – посмотрите как он усмирил хулиганов, сколько раскрыто им краж... При этом крупные кражи не были открыты, например, ограбление сборщика винных лавок на 27 тыс. руб.». Подобные же деяния происходили и в

томской полиции. В губернском центре полицмейстер А.М. Фукс (тоже латыш) обвинялся сразу по нескольким статьям. Газета заключила, что в Томской губернии «вся полиция инородческая». Губернатор П.К. Гран 8 августа 1911 г. донес в Департамент полиции о злоупотреблениях бывших чинов Новониколаевского городского полицейского управления (в этот период дело находится в стадии следственного производства). 30 октября 1911 г. губернатор доложил, что в отношении чинов томской полиции также возбуждено уголовное дело, например, Фукс обвинялся по ст. 372, 354, 377, 378, 373 Уложения о наказаниях. В частности, он, состоя в должности полицмейстера, ежемесячно получал от содержателя ресторана «Европа» и сада «Буфф» в г. Томске Морозова по 100 руб. за назначение полицейских нарядов в летний сад. Кроме того, присвоил более 300 руб. за изготовление табличек домов, «уплачивая мастеру лишь часть денег» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 109. Д. 75. Л. 103, 105–106).

От жителей г. Новониколаевска, пострадавших от неправомерных действий полицейских, поступило более 400 заявлений, а общая сумма взяток превышала 250 тыс. руб. Взятки брались за ведение торговли, за разрешение открыть трактирные заведения, за освобождение из-под ареста и даже с бедных крестьян, приезжавших из окрестностей торговать сельхозпродукцией.

17–20 апреля 1914 г. в Новониколаевске состоялась выездная сессия Омской судебной палаты по результатам служебного следствия в 1909–1914 гг. На скамье подсудимых оказались полицмейстер Висман, приставы Чукреев и Зуевский, околоточные надзиратели и нижние чины (городовые). Выяснилось, что вместо 7 официально разрешенных домов терпимости полиция «допустила» существование 113 (в 16 раз больше). При этом содержатели публичных заведений исправно платили полиции сборы до 300 руб. в месяц. Девиц они были обязаны отпускать только в трактир Чиндорина, совладельцем которого и был Висман. В результате за несколько лет на банковском счету полицмейстера накопилось до 120 тыс. руб. Полицейстер был заключен в тюрьму на 4 месяца «без ограничения в правах и с освобождением от последствий, но с оставлением денежных взысканий 1340 руб.»; приставы и околоточные надзиратели за служебные злоупотребления были приговорены к службе в арестантских ротах

на срок от 4-х до 8-ми месяцев. Всего по списку, доставленному губернатором в департамент, 43 чина полиции Томской губернии (исправники, начальник сыскного отделения, приставы, околоточные надзиратели, урядники) были привлечены к разным видам ответственности (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 108. Д. 69. Л. 2, 4, 5, 27, 30, 45, 46, 48, 49–51 об.; Оп. 109. Д. 75. 230–235 об.).

Департамент полиции также рассматривал анонимные заявления. В частности, 12 ноября 1913 г. министру поступила анонимка о неправильных действиях чинов Бийского уездного полицейского управления, согласно ей: 1) секретарь местной полиции ведет нетрезвый образ жизни и растратил 300 руб. казенных денег адресного стола; 2) исправник И.В. Поляков и помощник его П.М. Плотников скрывают все неправильные действия своих подчиненных. Первый должен некому торговцу Батову 200 руб., а второй растратил жалованье пристава 5-го стана Якубовского за январь; 3) делопроизводитель воинского присутствия Щербатов – взяточник; 4) пристав Алексеев и городовые Горбунов, Духанин, Красенев, Апасов состоят под судом за избиение обывателей; 5) столоначальник полицейского управления Жигачев незаконно уклоняется от отбывания воинской повинности. Бийский уездный исправник доложил, что анонимный донос, по его мнению, написан уволенным со службы бывшим секретарем местной полиции Колесниковым. «Он более двух лет озлоблен на всех и от безделья занялся писанием несправедливых доносов». Из рапорта исправника следует, что секретарь полиции П.И. Соловьев состоит на службе более 22 лет, у него большая семья (8 детей), «назвать его пьяницей я не могу», он трудоспособен; Соловьев исправно ведет приход и расход адресного стола, никаких злоупотреблений не установлено; никто жалованье Якубовского не растративал, все приставы получают содержание своевременно; Жигачев в призыв 1912 г. воинскую повинность отбыл; Горбунов и Духанин судом были оправданы, Алексеев приговорен к аресту. Департамент полиции рапорт уездного исправника нашел убедительным (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 109. Д. 75. Л. 199–200, 217–218, 219 об.).

Несмотря на многочисленные жалобы о произволе и должностных проступках чиновников, позиция департамента полиции в этом вопросе отличалась сдержанностью. Руководство МВД признавало, что факты нарушений со стороны служащих имеются

и они «должны быть преследуемы и искореняемы самими решительными мерами». Однако лишь ничтожный процент полицейских, главным образом нижних чинов, за свои противоправные деяния подвергались наказаниям. Департамент полиции широкомасштабных «зачисток», антикоррупционных акций (например, «чистые руки»), комплексных профилактических мер в 1905–1914 гг. не проводил. Конечно, чиновники центрального органа с целью проверок выезжали в полицейские управления на местах, а губернаторы периодически осуществляли ротацию их кадрового состава. Однако отдельные изменения, увольнения и назначения служащих не могли избавить от пороков, присущих всей правоохранительной системе Российской империи. Более 7 лет разрабатывалась комплексная реформа полиции в стране, но после смерти П.А. Столыпина ни третья, ни четвертая Госдума к ее рассмотрению так и не приступили (Перегудова 2000: 365).

Анализ совокупности жалоб сибиряков позволяет дать общую характеристику их взаимоотношений с полицейскими как представителями административной власти на местном уровне, оценить состояние полиции и качество постановки полицейской службы в регионе. Так, одним из ключевых факторов, обусловившим противоправность действий чиновников, стал низкий уровень их профессиональной подготовки. В ряде сибирских поселений речь шла подчас об элементарной грамотности и благонадежности служащих. Фактическое отсутствие системы отбора кадров приводило к тому, что личный состав полиции комплектовался чрезвычайно разнородным и слабо подготовленным. Эта служба привлекала прежде всего лиц, не имевших должного образования, чинов и званий, т.е. тех, у кого не было возможности заниматься другой деятельностью. В полицию устраивались переселенцы и выходцы из других регионов, которые рассчитывали в Сибири добиться быстрого карьерного роста. Местных полицейских считали «плохо подготовленными, подчас малоразвитыми, с эластической нравственностью, допускавшей их делать вопиющие злоупотребления» (Шиловский 2002: 137).

К этому следует добавить небольшое жалование, подталкивающее полицейских к злоупотреблениям, а также слабый надзор за полицией со стороны губернских управлений и Департамента

полиции МВД, который крайне редко вмешивался в разрешение конфликтных ситуаций.

Очевидно, что общее положение дел в сибирской полиции практически ничем не отличалось от других регионов. Полиция повсеместно «погрязла» в коррупции и должностных преступлениях, таких как превышение власти, неправомерность арестов, хищение денег и имущества, избивание граждан и др. За взятку можно было «замазать» любое мелкое правонарушение и даже преступление. Местные жители считали служащих полиции «грубыми насильниками». Причем в условиях социального катаклизма 1905–1907 гг. фактов проявления «полицейского насилия» стало в разы больше, чем и был вызван рост числа жалоб. В этой связи удивление вызывает слабая реакция МВД на такие случаи и его действия в отношении «нерадивых» чиновников. Из анализа жалоб можно сделать вывод, что сибирская полиция в массовом сознании населения из-за повсеместного взяточничества и превышения должностных полномочий не считалась органом обеспечения правопорядка, гарантом личной и имущественной безопасности граждан, а напротив – служила символом невежества, бесчинства и вседозволенности.

Литература

- Вестник полиции. 1909. 32, 687.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102 (Департамент полиции Министерства внутренних дел (1880–1917)).
- Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. И-2 (Тюменская городская дума).
- Засолов Д.А., Пызин В.И.* 1991. Из жизни Петербурга 1890–1910-х гг. Записки очевидцев. Ленинград: Лениздат.
- Кутырева Л.В.* 1991. Жалоба как источник по истории крестьянства Урала (Опыт контент-анализа) // Количественные методы в исследованиях по истории советского рабочего класса и крестьянства. Свердловск: УрО АН.
- Масалимов А.С., Масалимов Т.С.* 2008. Нарушение законности полиции Российской империи при осуществлении полномочий по охране общественного порядка // Вестник Восточной экономико-юридической гуманитарной академии 5 (37), 112–120.
- Перегудова З.* 2000. Политический сыск России (1880–1917 гг.). Москва: Российская политическая энциклопедия.

Сысоев А.А., Кожин А.В. Оперативно-розыскная деятельность сыскной полиции Восточной Сибири в ракурсе российского общественного мнения начала XX в. (2015). URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/power/7.html#15 (дата обращения: 01.06.2016).

Шиловский Д.М. 2002. Полиция Томской губернии в борьбе с преступностью в 1867–1917 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск.

Глава 3

В.В. ЦЫСЬ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ КРЕСТЬЯНСКОГО ВОССТАНИЯ 1921 г. НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (К 50-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ИСТОРИКА)

Аннотация. В статье представлены этапы разработки темы Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 г. доктором исторических наук, профессором кафедры истории России Нижневартовского государственного университета В.В. Цысем. Автор анализирует публикации историка в соответствии с предложенной периодизацией, формулирует значение и определяет вклад в развитие отечественной исторической науки.

Ключевые слова: статья, сборник, монография, исследование, восстание, кафедра, этап, вывод.

5 января 2017 г. заведующему кафедрой истории России Валерию Валентиновичу Цысю исполнилось 50 лет. Позади 20 лет работы в Нижневартовском государственном университете.

Валерий Валентинович родился в г. Новомосковске Днепропетровской области Украинской ССР. В 1977 г. вместе с родителями переехал в г. Мегион Ханты-Мансийского автономного округа (Российская Федерация). В 1984 г. окончил среднюю школу № 2 г. Мегиона и в том же году поступил на исторический факультет Тюменского государственного университета. Через год был призван на воинскую службу. В 1985–1988 гг. служил в рядах ВМФ СССР. Уволился со службы в звании старшины второй статьи и продолжил обучение в университете, который окончил в 1992 г. В том же году поступил в аспирантуру по кафедре историографии и источниковедения ТГУ, где и подготовил кандидатскую диссертацию (Солодкин 2008: 60).

В марте 1996 г. Валерий Валентинович Цысь начал работать в Нижневартовском государственном педагогическом институте, приехав после защиты кандидатской диссертации «Всеобщая трудовая повинность на Урале в период военного коммунизма (1919–1921 гг.)» в диссертационном совете Уральского государственного

университета им. А.М. Горького (научный руководитель доктор исторических наук, проф. В.А. Данилов).

В Нижневартовском государственном педагогическом институте это был период формирования исторического факультета; из различных регионов страны (а также Украины и Казахстана) сюда съезжались специалисты, формируя профессорско-преподавательский состав кафедры истории (в 1998 г. кафедра разделилась на две: истории России и всеобщей истории; кафедру истории России возглавил профессор Я.Г.Солодкин, а кафедру всеобщей истории доцент В.В. Степанова).

Одним из направлений научных исследований В.В. Цыся является изучение истории Западно-Сибирского крестьянского восстания на севере Западной Сибири 1921 г.

О Западно-Сибирском восстании и в советское время, и на современном этапе создана разнообразная литература, отличающаяся по характеру и научной значимости. Современные исследователи единодушны во мнении, определяя его как самое крупное антиправительственное выступление за все время коммунистического правления в России (Шишкин 2001).

Долгие годы многие страницы истории Севера оставались неизученными, не является исключением и прошлое края в период революции и Гражданской войны. В числе специалистов, занимающихся исследованием событий 1917–1921 гг., – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории России Нижневартовского государственного университета В.В. Цысь. В разработке им одного из центральных событий этой темы – Западно-Сибирского восстания – можно выделить несколько этапов.

Во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг. на кафедре истории России началась кропотливая работа молодого преподавателя по выявлению источников для воссоздания истории края в период революции и Гражданской войны. Одной из первых работ В.В. Цыся, посвященной Западно-Сибирскому восстанию, стала публикация в материалах краеведческих чтений Центральной городской библиотеки г. Нижневартовска, к тому времени по инициативе проф. Я.Г. Солодкина ставших ежегодными (Цысь 1998: 7–11).

В 1999 г. Валерием Валентиновичем была подготовлена статья, посвященная боевым действиям на территории Сургутского уезда в период Западно-Сибирского восстания (Цысь 1999: 71–72).

Статья была опубликована в первом сборнике серии «История» научных трудов НГПИ, инициировал выпуск которого профессор Я.Г. Солодкин.

Используя документы, извлеченные из Российского государственного военного архива, В.В. Цысь подробно описал происходившие военные столкновения между повстанцами и красными на Севере. Он определил общую численность гарнизонов красных частей, их вооружение, представил сведения об объединении разрозненных сил в один отряд, их отступлении в направлении от Сургута к Нижневартовску. Автор показал, насколько сложно было оказать помощь красным с сопредельных территорий ввиду огромных расстояний. Подчеркивая, что активные боевые действия по борьбе с повстанцами начались только с открытием навигации, В.В. Цысь осветил боевой путь двух красных отрядов: один был сформирован в Тобольске, другой – в Томске. Основные боевые события происходили в период марта – мая 1921 г. Затем, летом и осенью красноармейские десанты на бронепароходах при поддержке гарнизона Сургута выискивали и уничтожали отдельные повстанческие группы. В конце 1921 г. воинские гарнизоны были выведены с территории Севера (Цысь 1999: 74). Таким образом, в указанной статье автор изложил последовательный ход боевых действий, его результаты для красных и повстанцев. По сути, работая с теми же фондами документов, что и М.А. Богданов, В.В. Цысь сумел показать события, не приукрашивая в них действия красных и не очерняя поведение повстанцев. Используя фактический материал, преподносил его без купюр. Антигуманное поведение противоборствующих сторон было очевидным.

В 2001 г. вышла еще одна статья, в которой автором были представлены основные сюжеты по истории Западно-Сибирского восстания (Цысь 2001: 143–153). Статья написана В.В. Цысем в научно-популярном жанре и ориентирована на преподавателей (преимущественно учителей) истории. В ней автор, думается, ставил цель в достаточно популярной форме донести основные факты до читателя. В.В. Цысь обозначил хронологические рубежи восстания, изложил военные столкновения, меры, предпринятые органами советской власти для организации обороны от восставших. Сообщалось об эвакуации руководителей советской

власти, активистов из Сургута, о преследовании отряда А.П. Зырянова повстанцами, о захвате Самарово, Обдорска, Березова, об отступлении красных.

Эта статья была необходима прежде всего школьным учителям, приступившим к преподаванию истории Ханты-Мансийского автономного округа и испытывавшим трудности из-за нехватки теоретических знаний, а также ввиду отсутствия в тот период методических пособий. Следует сделать небольшое отступление и пояснить, что преподавание курса региональной истории в 10–11 классах началось в округе в 2000 г. Учебник «История ХМАО» был подготовлен группой авторов из Екатеринбурга, не являвшихся североведами. В учебнике событиям 1917–1921 гг. на территории края уделен один параграф (§ 34 «Военно-революционные потрясения на Обь-Иртышском Севере» (Редин 2000: 329–336). Он структурирован следующим образом: 1. Революционные события 1917 г. 2. Переход власти к Советам. 3. Гражданская война. 4. Антибольшевистское восстание.

В 2000 г., когда учебник появился, в одном из краеведческих сборников Валерий Валентинович поместил статью, в которой критически анализировал текст параграфа (Цысь 2000: 60–61).

В тексте учебника нашли отражение следующие процессы .

1. Формирование новых органов власти: комитеты, земские учреждения, революционные комитеты, советы (однако приводились факты лишь на примере Сургута, Самарово и Березова, нет сведений об установлении советской власти в Обдорске, Ларьяке – крупных населенных пунктах края, ничего не сообщается об отношении аборигенов к новой (советской) власти). К сожалению, авторы учебника не обратились к трудам В.В. Цыся, к тому времени опубликовавшего (как уже сообщалось нами) серию работ по указанным сюжетам. В.В. Цысь указывал на погрешности, допущенные авторами при описании ими структуры органов власти периода Временного правительства. Например, он писал: «Авторы утверждают, что в Сургуте и Березове были созданы общественные комитеты, то есть коалиционные комитеты общественных организаций, включавшие представителей всех политических сил, кроме монархистов (с. 330). Данная характеристика применима к городам юга губернии, но не к Сургуту и Березову, где никаких партий и политических организаций не существовало.

<...> Ничего не говорится о сельских исполнительных комитетах, о милиции, сменившей полицию» (Цысь 2000: 60).

2. Военные столкновения в ходе Гражданской войны, ликвидация и восстановление советской власти (в тексте указываются персоналии: И.Г. Пейцель – комиссар отряда красногвардейцев, П.И. Лопарев и К.Г. Башмаков – командиры партизанских отрядов и некоторые другие участники событий). Весьма скромно сообщается о Западно-Сибирском крестьянском восстании. Авторы ограничились лишь констатацией того, что в марте 1921 г. повстанцы добились некоторых успехов, а с наступлением навигации пришли красные, захватив Сургут и Самарово (Алексеева 2016: 2–3). Следовательно, авторы учебника не обратились к трудам В.В. Цыся, в которых подробно описывались события, происходившие в Сургутском уезде.

К числу сюжетов, обойденных вниманием авторов учебника, относятся хозяйство, всеобщая трудовая повинность, торговля, снабжение населения, экономическая политика белых правительств, положение с обучением детей в 1917–1921 гг. Некоторые сведения об указанных событиях уже были отражены в исследованиях В.В. Цыся (в период подготовки текста учебника авторы, вероятно, не имели информации об их существовании).

К материалу параграфа прилагается карта-схема «Гражданская война на территории Обь-Иртышья (1918–1921 гг.)» (с. 335) (Алексеева 2016: 3). Как заметил В.В. Цысь, на карте неверно указан маршрут рейда П.И. Лопарева. «Движение отряда осуществлялось не по направлению Тюмень – Тавда – Шаим – юго-восток (в сторону Демьянского) – левый берег Иртыша (до Самарово), как это можно понять из карты; а Тюмень – Туринск – Шаим – северо-восток (до Красноленинского) – вверх по Оби (до Самарово)» (Цысь 2000: 60).

Проведенный анализ содержания параграфа свидетельствует о том, что на момент создания учебника авторы, скорее всего, не располагали сведениями, которые позволили бы более подробно и ярко представить драматические события, развернувшиеся в регионе в период 1917–1921 гг. (Алексеева 2016: 3).

В 2001 г. В.В. Цысь опубликовал новые данные об отряде П.И. Лопарева, вошедшие в статью «Взятие Самарово Северным экспедиционным отрядом под командованием П.И. Лопарева в

мае 1921 г.» (Цысь 2001: 73–74). В статье подробно рассматривались действия отряда, его маршрут, боевые столкновения с повстанцами. В результате операции по взятию с. Самарово в руки Северного экспедиционного отряда попали председатель Тобольского городского совета Степанов, председатель военсовета Стежкин, начальник хозяйства Зотов, заведующий агитационно-пропагандистским отделом Котов, 30 сотрудников штаба повстанцев, 130 бойцов Самаровской, Нижнекондинской и Обской рот, летучий отряд сестер милосердия. Валерий Валентинович выяснил, что помимо пленных были захвачены документы Тобольского и Самаровского штабов, переписка, подлинники приказов, шифр Народной армии, военная карта, дела батальона смерти, около 1 миллиона рублей, 6 телефонов, 200 ружей, 25 пудов пороха, оружейная мастерская, седла, лошади, лодки и другое имущество. Потери Северного экспедиционного отряда оказались минимальными: погибли 2 красноармейца. «Однако, – как пишет автор, – на этом боевые действия для отряда не закончились» (Цысь 2001: 74). В статье детально представлены события 13–14 мая, когда отряд Лопарева вел бои с остатками групп повстанцев. Во второй половине мая Северный экспедиционный отряд принял участие в боевых действиях на сургутском направлении. «Позднее за совершенные подвиги в защиту новой власти П.И.Лопарев был представлен к ордену Красного Знамени», – пишет В.В. Цысь (Цысь 2001: 74).

В заключение статьи Валерий Валентинович формулирует вывод: «Таким образом, за два месяца активных действий отряд Лопарева, преодолев огромное расстояние по малозаселенной труднопроходимой местности, полностью выполнил поставленные перед ним задачи: красноармейцы уничтожили крупную группировку противника и самостоятельно освободили с. Самарово – один из наиболее значительных населенных пунктов Среднего Приобья» (Цысь 2001: 74). Валерий Валентинович в статье охарактеризовал и общую ситуацию, сложившуюся на территории военных действий. Он, в частности, пишет: «Итак, в начале апреля части повстанческой Народной армии оставили г. Тобольск и стали отходить на сс. Самарово и Сургут. Отряды повстанцев Сургутского уезда получили подкрепления и пулеметы. Однако к тому времени ситуация резко изменилась. Основные очаги

организованного сопротивления на юге Западной Сибири были подавлены Красной Армией» (Цысь 2001: 74).

Как известно, в работах советских историков, в частности М.А. Богданова, много внимания уделялось освещению деятельности коммунистов по организации разгрома восстания (мятежа), и в этой связи стоит лишь подчеркнуть, что В.В. Цысь, основываясь на архивных источниках, внес некоторые подробности, однако, главное видится в другом – в оценке случившегося: «Конечно, можно спорить о том, насколько борьба с повстанческим движением отвечала интересам жителей края. Несомненно также и то, что восстание было вызвано политикой власти, которую защищал Лопарев и его товарищи. Однако нельзя не признать, что в решающий момент именно красноармейцы проявили гораздо больше мужества, упорства, предприимчивости, благодаря чему и смогли одержать победу. <...> Север из-за своей малонаселенности, удаленности от центра, недостатка продовольствия и отсутствия боеприпасов не мог послужить опорной базой для развития массового антибольшевистского движения» (Цысь 2001: 74).

Таким образом, на первом этапе исследования указанной темы В.В. Цысь собрал значительный архивный материал в государственных архивах Екатеринбурга, Тюмени, Москвы, опубликовал несколько работ, в том числе статей, что позволило приступить к обобщению имевшихся материалов и подготовке монографии. Считаем, что период работы над монографией следует выделить в отдельный.

В 2004–2005 гг. шел интенсивный процесс работы Валерия Валентиновича над монографией «Север Западной Сибири в период Гражданской войны». В 2005 г. книга была опубликована издательством Нижневартовского государственного педагогического института. Монография стала первой специальной работой в отечественной историографии, посвященной указанному периоду и выполненной на материалах севера Западной Сибири.

В указанной монографии Западно-Сибирскому крестьянскому восстанию посвящена отдельная глава (Цысь 2005). В нее не только вошли факты, ранее представленные научному сообществу в форме тезисов и публикаций, но и произошло существенное расширение фактографической основы событий 1921 г., что

позволило скорректировать существовавшие выводы и представить некоторые новые оценки.

Автор относит Западно-Сибирское крестьянское восстание к одному из наиболее значительных антибольшевистских выступлений. Описывая ситуацию в северных районах, В.В. Цысь замечает, что восстание на юге привело к фактической изоляции Севера от остальных районов страны, и поэтому местным коммунистам приходилось рассчитывать только на собственные силы. Были предприняты попытки объединить военные отряды под единым руководством. Командующим «революционными отрядами Обского Севера» назначили Березовского уездного военкома В.А. Данилова, а его заместителем М.В. Хорохорина – Сургутского уездного военкома. Автор приводит новые сведения, касающиеся приказов, введения военного положения, а также изъятия огнестрельного оружия, реквизиции лошадей и подвод, сообщает о различных формах насилия по отношению к местному населению со стороны представителей советской власти и руководителей военных подразделений (Цысь 2005: 200–202).

Привлечение автором большого числа архивных источников позволило создать панораму народной драмы, развернувшейся на Севере: боевые операции, действия коммунистов и повстанцев, образы некоторых участников, воюющих (М.В. Хорохорин, И.П. Волков, А.Г. Третьяков, В.А. Данилов и др.), отступление красных отрядов и бегство коммунистов, элементы террора с обеих сторон (Цысь 2005: 203–211).

Весьма обстоятельно автор рассмотрел и вопросы, связанные с организацией и деятельностью военной и гражданской власти на территории, освобожденной от коммунистов. Подчеркивая, что военным и политическим центром для Севера являлся Тобольск, соответственно органы власти в крупных населенных пунктах Севера создавались по образу и подобию тобольских. В.В. Цысь подчеркивает, что по мере ухудшения положения на фронте власть сосредотачивалась в руках военных (Цысь 2005: 213).

Большое внимание автор уделил проблеме налаживания экономической жизни. В числе мероприятий повстанцев на территории он называет отмену продразверстки, объявление свободной торговли, закрытие комитетов по трудовой повинности, создание продовольственных управ, восстановление судопроизводства

в соответствии с судебным уставом 1864 г., возвращение записи рождения и браков церковью, возобновление работы кооперативных организаций (Цысь 2005: 214–215). По большинству указанных мероприятий приводится богатый фактический материал.

Следующим сюжетом в монографии являлось описание организации борьбы с восставшими. Валерий Валентинович конкретизирует, что на Сургутско-Нарымском направлении перелом ситуации наступил уже во второй половине марта. Автор подробно, основываясь на трудах предшественников (И.Т. Белимов, К. Хейфец) и материалах фондов Российского государственного военного архива (Ф. 16. Оп. 3. Д. 83), раскрывает динамику боевых действий, боевой путь отряда П.И. Лопарева (Северного экспедиционного отряда). Отряд был сформирован в Тюмени 18 марта 1921 г. из красноармейцев, вернувшихся с Врангелевского и Польского фронтов. Как пишет В.В. Цысь, «в подавляющем большинстве это были уроженцы Севера, опытные охотники, прекрасно владевшие оружием, хорошо знакомые с природно-климатическими условиями предполагаемого театра боевых действий» (Цысь 2005: 223).

В монографии истории Северного экспедиционного отряда под командованием П.И. Лопарева уделено значительное внимание. Имея документы, извлеченные из Российского государственного военного архива, В.В. Цысь представил новые данные об этом событии, используя в частности весьма информативный документ – отчет, составленный самим П.И. Лопаревым. Валерий Валентинович пишет: «Получив винтовки, пулемет и 10 тыс. патронов, 19 марта в 20 часов выступил в направлении Туринска. Перед П.И. Лопаревым была поставлена задача добраться по Шаймскому тракту до д. Красноленинской, расположенной на Оби ниже с. Самарово. Тем самым отряд оказывался в тылу Березовской, Ляпинской, Обдорской и Сургутской группировок повстанцев (Цысь 2005: 224).

Новым сюжетом в монографии стало отражение деятельности командира 257-го полка А.А. Неборака, возглавившего «Северную группу», отряд которого 19 мая в 23 часа на бронепароходе «Алтай» и барже отправился вниз по Оби. Целью отряда являлось нанесение внезапного удара по главному опорному пункту повстанцев в Среднем Приобье – с. Сургуту, а также установление

контакта с частями Тобольской группы. Выйдя 25 мая из с. Нарыма, к концу месяца «Алтай» достиг Сургута. Застигнутые врасплох повстанцы не оказали серьезного сопротивления. Было захвачено 400 пленных, в том числе 35 «активных работников», изъяты секретная переписка, приказы и дела штаба Народной армии. Город был передан под управление уездного ревкома (Цысь 2005: 234–235).

Далее автор представил новые сведения о борьбе с повстанцами в Охтеурье и Ларьяке. В.В. Цысь выяснил, что, восстановив советскую власть на Вахе, «Севергруппа» вернулась в г. Томск, где присоединилась к 257-му полку. За все время операции отряд А. Неборака уничтожил 58 повстанцев, 540 захватил в плен. В книге содержатся и биографические сведения о А.А. Небораке, который предстает как человек незаурядный (Цысь 2005: 232–233).

В.В. Цысь считает, что быстрый разгром повстанцев в Среднем Приобье был обеспечен не только превосходством красноармейцев в вооружении, но и, по-видимому, полной деморализацией противника (Цысь 2005: 235).

На наш взгляд, в монографии В.В. Цысю удалось отразить противоречивость эпохи, показать жестокое противоборство воюющих сторон, ввести в научный оборот многочисленные свидетельства участников событий и биографические сведения о них.

В 2009 г. Валерий Валентинович защитил докторскую диссертацию. Начался новый этап в разработке темы Западно-Сибирского крестьянского восстания.

С 2010 г. и по настоящее время – период интенсивной и разнообразной деятельности Валерия Валентиновича: несколько побед в грантах РГНФ и прочих конкурсах, работа в редколлегиях нескольких журналов, руководство кафедрой (с сентября 2013 г.), участие в крупных научных проектах и руководство некоторыми из них. Наряду с перечисленным, в научной деятельности сохраняется интерес исследователя к различным аспектам истории Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 г.

Так, в 2011 г. Валерий Валентинович опубликовал интересную статью в журнале «Родина» (Цысь 2011: 110–111), посвященную символике восстания. Это была первая статья, в которой применительно к северу Западной Сибири через символику восстания автор стремился приблизиться к пониманию идеологии

восставших. Сам В.В. Цысь считал эту статью лишь отправной в исследовании символики повстанческого движения, темы, требующей дальнейшего изучения.

Накопленный материал по истории восстания (причем некоторые документы еще и не введены В.В. Цысем в научный оборот и ждут своей очереди), позволил подготовить статью, предметом рассмотрения в которой стали некоторые дискуссионные проблемы истории Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 г. (Цысь 2012: 90–95). В статье автор проанализировал отечественные источники по историографии, касающиеся проблем истории Западно-Сибирского крестьянского восстания на территории Севера Западной Сибири и имеющих некоторые разночтения. В.В. Цысь уточнил также датировку основных событий восстания, рассмотрел численность и настроения его участников. Валерий Валентинович заключает, что восстание 1921 г. имело не только региональное, но и общероссийское значение, оно глубже затронуло повседневную жизнь, чем революция 1917 г. или же противостояние белых и красных в 1918–1919 гг. (Цысь 2012: 93).

В завершение еще раз подчеркнем, что разработка темы Западно-Сибирского восстания на Севере в трудах В.В. Цыся прошла несколько этапов: от отдельных эпизодов и сюжетов к разностороннему исследованию восстания и анализу дискуссионных проблем его истории. Значительная часть материала по истории восстания представлена на уровне персоналий, без «выхода» на который нельзя рассчитывать ни на полноту воссоздания картины такого события, ни – тем более – на глубину его осмысления. Введенный исследователем в научный оборот фактический материал позволил выстроить хронологию восстания (известие об антибольшевистском выступлении, принятие энергичных мер для противодействия распространению восстания, развертывание боевых действий, взятие Самарово, Сургута, Березово, Обдорска восставшими и освобождение указанных населенных пунктов красными) и составляет главную ценность трудов доктора исторических наук В.В. Цыся.

Хочется поздравить Валерия Валентиновича с юбилеем и пожелать ему дальнейших творческих успехов, крепкого здоровья и новых достижений возглавляемой им кафедре.

Литература

Алексеева Л.В. 2016. Военно-революционные события 1917–1921 гг. в учебнике «История Ханты-Мансийского автономного округа» и новое историческое знание // Мир науки. Т. 4. № 6. Интернет-журнал МПГУ. URL: mir-nauki.com/PDF/vol4-no6.pdf.

Редин Д.А. 2000. Военно-революционные потрясения на Обь-Иртышском Севере // История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней. Учебник для старших классов / Отв. ред. Д. А. Редин. Екатеринбург: Волот.

Цысь В.В. 1993. Проведение трудовой повинности на территории Тюменской губернии // Научно-практическая конференция «Словцовские чтения»: Тезисы докладов. Тюмень: ТюмГУ.

Цысь В.В. 1998. Из истории советского строительства в Сургутском уезде в период Гражданской войны // Мира не узнаешь, не зная края своего. Материалы вторых краеведческих чтений. Нижневартовск: МБУ БИС.

Цысь В.В. 1999. Боевые действия на территории Сургутского уезда во время Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 года // Научные труды Нижневарт. гос. пед. ин-та. Сер. ист. Нижневартовск: Изд-во НГПИ. Вып. 1.

Цысь В.В. 1999. Сургутский уезд в период военного коммунизма // Западная Сибирь: история и современность. Краеведческие записки. Екатеринбург: Уральский рабочий. Вып. 2.

Цысь В.В. 2000. «История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней» о событиях 1917–1921 гг. на территории округа // Тезисы докладов и сообщений III региональной музейной научно-практической конференции, посв. 70-летию ХМАО. Нижневартовск: Приобье.

Цысь В.В. 2001. Западно-Сибирское крестьянское восстание 1921 г. на Тюменском Севере // Новое в исторической науке. В помощь преподавателю истории: Сборник научно-методических трудов. Нижневартовск: Изд-во НГПИ. Вып. 2.

Цысь В.В. 2001. Взятие Самарово Северным экспедиционным отрядом под командованием П.И.Лопарева в мае 1921 г. // Государственная власть и российское (сибирское) крестьянство в годы революции и Гражданской войны: Материалы международной конференции. Ишим: Изд-во ИГПИ.

Цысь В.В. 2005. Север Западной Сибири в период в период Гражданской войны. 1917–1921 гг. Монография. Нижневартовск: Изд-во НГПИ, 268 с.

Цысь В.В. 2011. Красное знамя с черным крестом: Символика Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 г. // Родина 6.

Цысь В.В. 2012. О некоторых дискуссионных проблемах истории Западно-Сибирского крестьянского восстания на Севере Западной Сибири // Вестник Сургутского государственного педагогического университета 1.

Солодкин Я.Г. 2008. Цысь Валерий Валентинович // Научные труды преподавателей кафедры истории России Нижневартковского государственного гуманитарного университета. Библиографический указатель / Сост. Я.Г. Солодкин. Нижневартовск: Изд-во НГТУ.

Шишкин В.И. 2001. Западно-Сибирский мятеж 1921 года: историография вопроса // Гражданская война на востоке России. Проблемы истории: Бахрушинские чтения 2001 г. Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. В.И. Шишкина. Новосибирск: Изд-во НГУ.

Глава 4

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВЗГЛЯДОВ АВТОРОВ СОВЕТСКОГО И ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДОВ ПО ВОПРОСАМ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ И ПРАВОСЛАВНЫХ МОНАСТЫРЕЙ

Аннотация. Проведен сопоставительный анализ работ советского и постсоветского периодов, посвященных вопросам истории русской церкви и православных монастырей. Эти работы автор рассматривает в русле единого историографического процесса, в конечном итоге обогатившего историческую науку рядом ярких и самобытных исследований, благодаря чему значительно расширились рамки отечественной истории, позволяя судить о прошлом России с иных позиций. В частности, роль Русской Православной церкви была представлена на примере деятельности монастырей во всем ее многообразии.

Ключевые слова: Русская Православная церковь, монастыри, их социально-экономические функции, историографический анализ, советский и постсоветский периоды.

Историография советского периода по теме нашего исследования на первоначальном его этапе не отличается обилием трудов. Тем более важны каждая из работ времен атеистического подхода к исторической науке и истории РПЦ в частности. Стоит подчеркнуть, что деятельность православной церкви и монастырей в особенности рассматривалась в течение нескольких десятилетий господства марксистско-ленинского подхода к религии лишь с негативных позиций. Уже в постсоветский период автор ряда работ по истории православного монашества Н.Н. Лисовой определил основные этапы в советской историографии, касающиеся изучения деятельности русского монашества: 1920-е гг. – начало 60-х гг. как вульгарно-критический подход, и последующий затем период с конца 1960-х гг., когда подход к этой теме стал более научным и объективным (Лисовой 2002: 188).

Теоретически начало историографии по теме нашего исследования следует отнести к первым годам окончания в России

Гражданской войны. Именно в 1920-е гг. появились первые «обличительные» работы в адрес РПЦ. Их авторами выступили Е.Ф. Грекулов, А. Кагорницкий, Б.П. Кандидов, Н.М. Лукин, С. Худяков (Кашеваров 1999: 54). Подобное положение в историографии, заложенное в публикациях 1920–30-х гг., и в последующие десятилетия сыграли важную роль по теме истории РПЦ (О религии... 1977; Редькина 2004).

По мнению исследователей современного периода, то был партийный заказ, ориентированный на начало развернутой антирелигиозной кампании. Об этом можно судить из отчета Антирелигиозной комиссии ЦК РКП (б), датированного 12 декабря 1922 г., где было недвусмысленно сказано: «ощущается острый недостаток в литературе, освещающей с марксистской точки зрения историю российской церкви и взаимоотношений между церковью и государством» (Архивы Кремля... 1997: 345).

Далее сообщалось, что в стране отсутствуют литературные силы, которые могут восполнить этот пробел. А потому «Антирелигиозная комиссия» нашла необходимым обратиться к «красным профессорам» и заказать им работу над монографиями вышеназванной направленности. Уже в начале января 1923 г. в своем докладе комиссия информировала Политбюро ЦК РКП (б) о том, что началось выполнение предпринятого ей решения.

Как видим, первые антирелигиозные работы, теоретически укладывающиеся в тему нашего исследования, начало свое получили как работы заказные, а потому говорить об их объективности следует с большой осторожностью. Их выход был нацелен на работников идеологического фронта, в обязанности которых входило проведение антирелигиозной пропаганды. Если говорить о гражданском статусе авторов той поры, то многие из них вышли из рядов православного духовенства: И. Брихничев, М. Галкин, Н. Платонов (Платонов 1961: 206–271). Им были известны не только основы христианского вероучения, но и наиболее уязвимые места деятельности РПЦ в дореволюционный период. Их переход в антирелигиозный лагерь можно объяснить желанием сохранить себе жизнь и иметь стабильный заработок. В любом случае, используя их труды, следует учитывать причины, побудившие того или иного автора к их написанию.

На фоне значительного количества антирелигиозных работ на заре советской власти основополагающей работой по данному вопросу следует считать монографию Н.М. Никольского, впервые опубликованную в 1930 г., а затем неоднократно переизданную (Никольский 1930). Важность этого труда заключается еще и в том, что любые исследования по истории РПЦ того периода рассматривались идеологами страны как переход на сторону классового врага, но осуществить доступ к документам и дореволюционным публикациям по этой теме мог далеко не каждый исследователь. Потому все ссылки исследователь имел право делать лишь на работу Н.М. Никольского, придерживаясь высказанных автором взглядов на проблему.

Сам Н.М. Никольский целиком и полностью разделял марксистско-ленинскую теорию, основными положениями которой увлекся еще будучи студентом, задолго до революционных событий. Приобщение к марксизму он считал переломным этапом не только в своей жизни, но и в научной деятельности, поскольку, по его мнению, именно марксистско-ленинское учение позволило ему достичь научных успехов. Будучи специалистом по истории Древнего Востока, он являлся автором ряда работ по отечественной истории, написанных им еще в дореволюционную пору. В дальнейшем им были написаны несколько глав для готовящегося к печати многотомника «Русской истории с древнейших времен», где редактором выступил М.Н. Покровский. Перу Н.М. Никольского принадлежат следующие материалы для этого издания: «Первобытные религиозные верования и принятие христианства», «Народная религия и церковь в XIV–XVI вв.», «Реформы Никона и религиозно-социальные движения во второй половине XVII в.», «Религиозные движения в XVIII в.», «Государственная церковь в XVIII и XIX вв.» и др. Ему удалось издать и свою отдельную монографию, посвященную основоположнику церковного раскола протопопу Аввакуму.

А потому далеко не случаен тот факт, что к Н.М. Никольскому как к ученому и проверенному партийцу обратились из редакции издательства «Атеист» для написания научно-популярной книги по истории РПЦ. Рукопись он закончил в сжатые сроки, взяв за основу ранее опубликованные статьи. О том, что в книге нуждались атеистические общества самого различного уровня

и направленности, можно судить по срокам переиздания книги редакцией, наметившей выпустить ее дополнительным тиражом (в десятки тысяч экземпляров) в том же году. И таких переизданий было несколько вплоть до 1988 г., когда начали появляться исследования той же тематики с более взвешенной критикой истории православной церкви.

Прямых исследований, посвященных деятельности православных монастырей, в своей работе Н.М. Никольский не проводил, но неоднократно делал ссылки, связанные с их управлением, модернизацией или упразднением обителей на различных исторических этапах. О тенденциозности в подходе автора к религиозно-христианской тематике говорят названия глав: «Насаждение христианства и организация церкви», «Кризис государственной церкви» и пр. И в то же время труд Н.М. Никольского весьма актуален и в наши дни, поскольку основан на значительном количестве документов, впрочем, ссылки на которые автор почему-то не счел нужным сделать. Следует заметить, что солидных критических работ, посвященных одной из первых советских монографий по истории РПЦ, до сих пор не опубликовано.

Интересен и такой факт, что после переиздания труда Н.М. Никольского со стороны властей не предпринято каких-либо попыток по изданию аналогичных работ других авторов или научных сборников. Обезопасив себя таким образом со стороны западных идеологических противников, советские партийные деятели не хотели развития этого опасного с их точки зрения направления, которое могло со временем привести к более трезвому подходу в изучении деятельности РПЦ.

Вслед за тем последовал ряд изданий, вышедших отдельными публикациями, а также в тематических атеистических сборниках и на страницах средств массовой информации. К ним можно отнести публикации В.К. Ансвенсула, Д.В. Дягилева, Н.А. Коробейникова, М.Ф. Паозерского, Н. Ростова, С. Тубанова (Ансвенсул 1937; Дягилев 1939; Коробейников 1932; Паозерский 1923; Ростов 1930; Тубанов 1939). Все они в той или иной степени «разоблачали» деятельность православной церкви в целом и монастырской братии в частности, заявляя о ее «антинародной» сущности, противопоставляя тем самым народ и церковь как институт. С циклом подобных работ выступили Е.Ф. Грекулов и

А.Д. Дмитриев, В.И. Писарев, Г. Рыбкин (Грекулов 1928; 1930; Дмитриев 1931a; 1931b; 1931c; 1937; Рыбкин 1930; Писарев 1931).

Большинство авторов рассматривали духовенство как «эксплуататоров трудового народа», приписывая ему контрреволюционную деятельность в годы Гражданской войны, а потому национализацию церковного имущества считали вполне оправданной и закономерной. Особенно раздражала подобных авторов земельная собственность монастырей, на основе чего монастыри рассматривались как «феодалы», думающие лишь о собственной выгоде. К числу наиболее непримиримых радикальных авторов 1930-х гг., придерживающихся антицерковной позиции, следует отнести Б.П. Кандидова и Н.М. Буркина (Кандидов 1929; Буркин 1931). Кроме того, перу Б.П. Кандидова принадлежит книга, где он рассматривает фигуру Христа как одного из символов в борьбе угнетенных классов за свое освобождение от зависимости капитала (Кандидов 1930).

Во время Великой Отечественной войны православная церковь показала не только свою лояльность по отношению к существующему строю, но и вела широкую патриотическую пропаганду среди населения, и в отдельных случаях представители духовенства допускались в действующую армию. Поэтому государство перешло к мирному диалогу с РПЦ.

Однако эти факты мало повлияли на советскую историографию тех лет, как и историческая встреча трех православных иерархов с И. Сталиным, произошедшая 4 сентября 1943 г. на даче вождя. И хотя этот шаг говорил о переломе со стороны руководства страны в отношениях с РПЦ, но дальше этого дело не продвинулось.

Пришедший к власти Н.С. Хрущев не только не ослабил борьбу с Церковью, а открыто заявил с трибуны партсъезда, что «они льют воду на мельницу врага...», имея в виду деятельность РПЦ. Мало того, он признал ошибочной попытку И. Сталина придать подобие легитимности РПЦ и даже назвал его взгляд «вредной позицией». Созданный в 1925 г. Союз воинствующих безбожников в 1947 г. был распущен и его функции пропаганды атеистических знаний были переданы вновь созданному Всесоюзному обществу «Знание».

В 50-е гг. возобновилась борьба не только с клиром, но и причастными к церковным таинствам советскими обывателями. По прямому указанию Н.С. Хрущева 7 июля и 10 ноября 1954 г. были приняты постановления об усилении и активизации антирелигиозной пропаганды и полном отказе советского народа от любых религиозных убеждений. В результате тогда же было принято решение окончательно «освободить советский народ от религиозных заблуждений», а потом уже объявить о начале коммунистической эры в стране. При этом народу было обещано в 1975 г. показать по телевизору «последнего советского попа».

В 1961 г. на заседании Совета министров СССР было принято закрытое постановление «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах» (Шкаровский 1999). Вслед за тем началось повсеместное закрытие действующих культовых сооружений, в том числе и монастырей, слежка за верующими, посещающими храм и участвующими в церковных обрядах. В прессе, как и в 30-е гг., вновь появились «разоблачительные» материалы, подаваемые с позиций атеизма.

Тогда же, в 60-е гг., началось привлечение ученых и общественных деятелей к написанию антирелигиозных статей и монографий. К этому времени в вузах сформировалось новое поколение историков, которое умело подводило марксистско-ленинские научные принципы под религиозное вероучение и толковало деятельность РПЦ в формате, необходимом Центральному комитету партии. То была более мощная антиклерикальная волна, нежели в довоенный период. Многократно умножилось число авторов подобных публикаций. Не имея возможности сделать анализ увидевших свет изданий, назовем лишь основные из них, чтобы определить тенденцию историографического процесса, продолжавшегося до начала 90-х гг. XX столетия.

Наиболее продуктивно в эпоху «развитого социализма» выпускали свои монографии такие авторы, как Н.М. Гантаев, Н.С. Гордиенко, А.И. Демьянов, В.Ф. Зыбковец, Л.И. Емелях, Н.А. Казакова, Я.С. Лурье, А.И. Клибанов, П.К. Курочкин, А.М. Самсонов (Гантаев 1960; Гордиенко, Курочкин 1978; Гордиенко 1979; Демьянов 1977; Емелях 1965; Зыбковец 1975; Казакова, Лурье 1955; Клибанов 1960; Лурье 1960; Самсонов 1955). Подчеркнем, что историки этой школы в своих трудах неизменно

отмечали зависимость экономического благосостояния монастырей от наличия в их собственности пахотных и покосных угодий, рыбных ловлей и пр. Иные положения о деятельности православных обитателей на обсуждение попросту не выносились из-за нелегитимности вопроса для того периода (Борисов 1968; Смирнова 1970).

В то же время было выпущено и несколько авторских сборников по истории церкви в России, где все с тем же успехом была подвергнута критике деятельность РПЦ за все годы ее существования (Церковь в истории России... 1975). Одной из первых научных работ можно считать докторскую диссертацию В.В. Покровского (Покровский 1968), в которой автор собрал и подверг анализу значительное количество материалов, связанных с деятельностью РПЦ и православных монастырей. Теме контрреволюционной деятельности православной церкви посвящена кандидатская диссертация Р.Ю. Плаксина и выпущенная им чуть раньше отдельным изданием (Плаксин 1966; 1968).

Несмотря на разрозненность во взглядах историков по вопросам деятельности российских монастырей, просматривается определенная направленность их работ. Так, практически все авторы рассматривали монашеское сообщество как один из социальных институтов дореволюционной России. В то же время неизменно указывали на него как на аппарат в руках центральной власти по «духовному и экономическому угнетению народа». При этом отмечались социально-экономические функции монастырей, эволюционные процессы на различных временных этапах; изучалась их хозяйственная деятельность и вовлечение монашествующих в политическую жизнь страны (Борисов 1968; Милов 1970; Мавродин 1964; Индова 1966; Кондращенко 1966; Водарский 1989).

Кроме того, были изучены различные виды существования собственности монастырей, механизм управления, реформа секуляризации и ее последствия; взаимоотношения монастырских властей с крестьянством и причины социальных конфликтов, социальное служение, демографические процессы, виды повинностей монастырских крестьян, возникающие социальные конфликты в монастырских вотчинах; описаны хранящиеся в монастырях книжные собрания и т.п. Но осталась без внимания исследователей

тематика, связанная с просветительской и благотворительной деятельностью монастырской братии, феномен старчества. На основе этого можно сделать вывод, что научный интерес к истории монастырей был весьма значителен, а подход исследователей был во многом избирателен. Как не парадоксально, но в качестве заключения в своих работах историки советской поры делали однозначный вывод о «бесполезности монашества» (Прошин 1988).

Ряд авторов придерживался в своих работах региональной направленности. Особенно полно представлены в этом плане публикации, раскрывающие взаимоотношения РПЦ и государства на Урале, что позволяет нам включить сделанный в их трудах историографический обзор в круг своих интересов, касающихся деятельности сибирских монастырей в тот период, когда уральские монастыри входили в состав Тобольско-Сибирской епархии (Руткевич 1954; Романенко 1971; Музафарова 1971; 1979; 1987; Нечаев 1985; 1987a; 1987b).

В 1970–80-е гг. резко возросло количество научно-атеистической литературы и диссертационных работ, авторы которых продолжали придерживаться атеистических взглядов, а потому деятельность РПЦ и православных монастырей имела в их трудах сугубо негативную оценку. К ним следует отнести докторские диссертации Г.В. Воронцова, А.Т. Вещикова, Л.К. Лобазова (Воронцов 1970; 1972; 1973). На их фоне диссонансом прозвучали выводы, сделанные в монографии А.А. Шишкина, изложившего отличную от классических марксистско-ленинских взглядов собственную точку зрения на процессы, происходящие внутри РПЦ (Шишкин 1970). Постепенно в историографии 70–80-х гг. проявляются тенденции к переосмыслению прежних взглядов на деятельность РПЦ и монастырских хозяйств, как это наблюдается в работе В.Ф. Зыбковец (Зыбковец 1975).

Были подвергнуты сравнительному анализу сведения по мирскому правлению, выявленные из документов архива Воронцовых исследователем Е.И. Индовой; по материалам вотчины боярина Б.И. Морозова опубликовал ряд ценных сведений Д.И. Петрикеев; Л.П. Прокофьева изучила основные черты крестьянской общины во второй половине XVIII – первой половине XIX в. (Индова 1955; Петрикеев 1967; Прокофьева 1981). К ним же можно отнести работы других авторов: по вотчинному земледелию

и монастырским крестьянам – Л.П. Шорохова; о деятельности православной церкви на севере страны – А.В. Камкина (Камкин 1992). Особо ценны исследования Л.П. Шорохова, занимавшегося историей монастырского землевладения в Сибири, поскольку его выводы позволяют составить базисное представление о путях и методах формирования сибирского монастырского земельного фонда до проведения секуляризационной реформы.

Вместе с тем постепенно научный круг интересов историков расширялся. И хотя тематика их работ не была напрямую связана с темой нашего исследования, но при этом слишком значима была роль православной церкви в жизни сибирского крестьянства (чему, по сути и были посвящены большинство приведенных ниже исследований), а значит работы таких авторов, как В.А. Александрова, Е.В. Анисимов, Л.Н. Вдовина, Н.А. Миненко, В.В. Рабцевич (Александров 1984; 1976; Александров, Покровский 1986; Миненко 1980; 1985; 1991; Рабцевич 1977; 1980; Анисимов 1982; Вдовина 1988), представляют несомненную ценность. Многие научные работы того периода были направлены на рассмотрение вопроса о роли крестьянских общин и степени их взаимодействия с монастырским начальством, истории отдельных монастырей средней и северной полосы России (Горская 1977; Захарова 1982; Машанова 1973; Семенова 1964; Шабанова 1976).

Несмотря на атеистическую направленность Ю.В. Гагарин в своей работе изучил историю северных монастырей. Отметим, что часть его исследований находится в рукописном виде в архиве УрО РАН (Гагарин 1978; 1979). Исследование В.И. Иванова, основанное на изучении приходно-расходных книг северных монастырей и раскрывающее социально-экономическую сторону жизни обителей, позволило расширить спектр знаний в этом вопросе (Иванов 1982). Сюда же следует отнести работу А.В. Камкина о северных монастырях (Камкин 1992).

На волне «перестройки» и демократических процессов в обществе начали появляться одна за другой статьи с критикой авторов советского периода и восхвалением любых аспектов деятельности РПЦ. Это явление во многом повторяет и отдаленно напоминает события конца XIX столетия, когда в прессе возникла тенденция обличения и критики всех авторов, занятых изучением деятельности РПЦ. Такой зеркальный процесс, события которого

отстоят друг от друга на целое столетие, можно и должно связать с проводимыми в обществе реформами, когда долгое время невозможна была любая критика объекта нашего исследования. Но если во второй половине XIX в. была еще слаба школа историков церкви, и большинство публикаций принадлежало историкам-клирикам, то в конце XX в. в дискурсе приняли участие как мало осведомленные в вопросах историографии журналисты, так и маститые историки. Интересен в этом плане парадокс их резкой переориентации в отношении РПЦ и переход в лагерь сторонников значимости православной церкви в отечественной истории.

Рубежной можно считать коллективную монографию «Русское православие: вехи истории» (1989 г.), посвященную празднованию тысячелетия Крещения Руси, где история церкви дается более объективно и взвешенно. В том же году выходит сборник, подготовленный как светскими, так и церковными авторами: «На пути к свободе совести» (Одинцов 1989). Подобный союз деятелей церкви и светской науки во многом определил дальнейший вектор развития постсоветской историографии (House 1988; Русское православие 1989). В другой своей работе М.И. Одинцов довольно подробно излагает взаимоотношения церкви и государства, в то время как известный своей непримиримой позицией в отношении к советской власти священник Глеб Якунин доказывал в своей работе, что советские партийные органы не гнушались любых, в том числе незаконных, методов в борьбе с православной церковью (Одинцов 1989; Якунин 1989).

Происходящие процессы объясняются в первую очередь политическим переустройством страны, начавшимся во второй половине 1980-х гг. В дальнейшем происходит сближение между институтами Церкви и государства, что позволило активизироваться как социальной, так и образовательно-культурной деятельностью РПЦ.

В 80–90-х гг. двадцатого столетия в отечественной историографии начался постепенный переход к новому этапу ее развития (Булыгин 1977; Горская 1977; Дементьев 1983; Иванов 1971). Как и в XIX в. реформа по секуляризации церковных и монастырских земель вызвала закономерный интерес со стороны исследователей конца XX столетия. Так, А.И. Комиссаренко в своей работе дал качественный анализ правительственной политики XVIII в.

по отношению к земельной собственности черного духовенства (Комиссаренко 1982; 1990). Им был привлечен большой круг источников для воссоздания процесса закрепления за монастырями земельных угодий, а также причины и ход проведения реформы. В то же время А.И. Комиссаренко удалось обрисовать, в чем и в какой степени выражалась реакция на реформу в различных слоях российского общества.

При этом Комиссаренко оставался на позициях классового подхода к истории, будь то история государства или православной церкви, и среди прочих причин проведения реформы называл главную – «антифеодальную борьбу» монастырских крестьян за свои права. По его мнению, именно недовольство крестьян и стало главной причиной проведения реформы 1764 г. Он усматривает в процессе не столько экономические, сколько политические особенности изменений в государственной политике, приведшие в результате к государственной автократии, спровоцировавшей борьбу правительственных сил с духовенством за ослабление позиций РПЦ и устранению ее с политической арены. Таким образом, Комиссаренко должен был доказательно подойти к высказанному им тезису о роли церкви во второй половине XVIII в., позиции которой, на наш взгляд, были подорваны еще со времени устранения патриаршества и учреждения Святейшего Синода. Если бы среди церковных иерархов на тот момент наблюдалось бы единство, и роль церкви была так высока, как считает Комиссаренко, то вряд ли бы секуляризация прошла столь успешно, когда лишь два митрополита высказали свое несогласие с ней. Таким образом, при всей значимости работы А.И. Комиссаренко не представляется возможным полностью принять все сделанные им выводы о реформе 1764 г., поскольку они не согласуются с работами как предшествовавших, так и последующих исследователей.

Большое значение в изменении подхода к истории РПЦ сыграл коллективный труд «Русское православие: вехи истории» (Русское православие 1989). Увидели свет работы ученых, посвященные формированию монастырского землевладения, политике секуляризации, социальным конфликтам в монастырских вотчинах (Цыпин 2007; Ефимов 2007; Русская Православная церковь 2000). Среди них особо следует выделить обобщающую работу по церковной

истории протоиерея Владислава (Цыпина). Им показано развитие истории РПЦ с начала XVII в. вплоть до первого десятилетия XXI в. Другой автор, А.Б. Ефимов, в своем исследовании аргументированно доказал, что основой миссионерской деятельности в Сибири являлись православные монастыри.

К началу 2000-х гг. сформировалась если не школа, то общая тематика по истории монастырей, возглавляемая М.М. Громыко. Труды сторонников этой школы создавались на основе активного привлечения различного этнографического материала, что и было положено в основу при рассмотрении традиций русского народа. Рассматривались и традиции российского паломничества и почитания православных святых, которые были широко представлены географически. Вместе с тем представители этого направления имеют различные авторские подходы по данному вопросу, что говорит об их конструктивной позиции (Громыко 1984; 1977; Громыко, Буганов 2000; Поплавская 2002).

В том числе выявилась определенная тенденция, связанная с изучением социально-экономического развития и внутреннего распорядка отдельных иноческих обителей, в связи с чем была проведена конференция (Рошевская 2000). Ряд вопросов о положении православных обителей в России (синодальный период) был изложен в публикациях В.А. Федорова (Федоров 1997; 2003).

Но наиболее полно осветил историю монастырей России ведущий научный сотрудник института российской истории академии наук П.Н. Зырянов. Он в полной мере и комплексно рассмотрел разнообразные стороны жизни русского иночества. По его данным во второй половине XIX – начале XX вв. произошел значительный рост численности монашества в российских, и в том числе сибирских, обителях (Зырянов 1997; 2002). Исследователем были впервые рассмотрены наиболее важные изменения, произошедшие за этот период в государственном законодательстве, освещены вопросы, связанные с утверждением нового положения и статуса монастырей, выявлены закономерности развития монашества. Автором сформировано объективное представление по истории православных монастырей, что важно для последующего изучения названной проблемы. Кроме того, им отмечены проявившиеся в XIX в. различия между монастырями севера и юга страны. На основе изучения документальных

свидетельств П.Н. Зырянов доказал, что если южные монашеские обители в силу различных обстоятельств находились в цветущем состоянии, то северные монастыри, наоборот, приходили в запустение. По данным историка, в мужских монастырях первой половины XIX в. преобладали выходцы из духовенства и лишь отчасти городские жители. В женских монастырях за тот же период преобладали бывшие представительницы из купечества и мещанства. Но во второй половине XIX в. социальный состав в монастырях меняется в сторону увеличения в них крестьян. Учитывая религиозные мотивы подобных изменений, Зырянов относит к более значимой причине изменения социального состава в монастырях влияние Великих реформ, среди которых на первом месте стоит отмена крепостного права. Вместе с тем, с точки зрения автора, ушедший из деревни в монастырь крестьянин тем самым повышал свой социальный статус, хотя автор в данном случае и не подтверждает свое мнение ссылками на источники.

Не встречая препятствий со стороны государственного аппарата, исследователи 90-х гг. обратились к ранее недоступным большинству из них документам, и число научных работ по истории церкви резко увеличилось. Появились даже отдельные направления в историографической науке, новые подходы и методы исследования.

Среди них следует отметить труды Н.И. Музафаровой, исследовавшей вопросы взаимоотношений советского государства и Церкви. И хотя данная тематика не имеет прямого отношения к теме нашей работы, но в диссертации Н.И. Музафаровой дается оценка тем авторам, которые изучали деятельность православных монастырей (Музафарова 1987; 1992). К той же направленности можно отнести работы М.Ю. Крапивина, А.Н. Кашеварова и Н.А. Кривовой (Крапивин 1999; Кашеваров 1998; Кривова 1998).

В трудах перечисленных авторов важна оценка историографических направлений, связанных с темой нашего исследования. Названные авторы, рассматривая повседневную хозяйственную жизнь монашествующих, видели цель их деятельности в социальном служении монастырской братии мирской части населения, где занятие хозяйственными и производственными делами являлось скорее необходимостью, но никак не первопричиной ее развития. Вместе с тем исследователями признавалось, что

в дореволюционной России далеко не все монастыри могли соответствовать «духовному идеалу», как того требовал устав, но на их фоне всегда можно было найти «малый лесной скит или келью затворника, где молитва никогда не угасала».

И все же позиции многих авторов, сформировавшихся в период господства марксистского исторического мировоззрения, долгое время оставались неизменными, о чем говорят их основные положения в работах, вышедших уже в постсоветскую эпоху. К ним относятся С.Л. Фирсов, С.В. Римский, З.П. Тинаина, Е.Д. Замахова, М.С. Корзун, Ю.В. Колова (Фирсов 1996; Римский 1998; Тинаина 1999; Замахова 1993; Корзун 1996; Колова 2002). Их оценка деятельности РПЦ мало отличается от подобных взглядов большинства авторов, имевших место в разгар социалистического строительства. Православная церковь в их работах рассматривалась как если не основная, то важная причина бед и неудач внутренней политики правительства, и ее роли в историческом процессе не дается хоть сколько-нибудь положительная оценка.

Вместе с тем следует отметить новый взгляд авторов постсоветского периода на экономическую и социальную роль РПЦ в период ее наиболее тесного сотрудничества с государственными структурами (Власов 1999; Зубанова 2002). В их работах православная церковь рассматривается в историческом контексте как важный элемент внутренней и внешней политики государства. Уделяется внимание возникшему в XIX в. православному попечительству и церковной благотворительности, которые развивались одновременно с аналогичными государственными обществами, занятыми социальным обеспечением малоимущих слоев населения (Власов 1999; 2001; Кононова 1997; Пашенцев 1995). Весьма актуальна диссертационная работа О.Н. Яшиной, в которой подробно рассматривается тема земельной собственности РПЦ в XVIII – первой половине XIX вв. (Яшина 2003).

Не осталось в стороне изучение не свойственных церкви полномочий, возложенных на нее государством с целью изоляции за монастырскими стенами государственных преступников и нелояльных к существующей власти лиц. Этим вопросам посвящены работы А.Д. Марголиса, С.О. Шаляпина, Е.В. Пашенко, А.Р. Павлушкова (Марголис 1996; Павлушков 2000; Пашенко 1999: 80;

Шаляпин 1998). В них дается оценка неблагоприятной роли большинства северных монастырей.

В статье Н.Н. Лисового, помещенной в сборнике «Монастыри и монашество» (2002), впервые в отечественной историографии предлагается изучать историю православных монастырей как отдельную и сложнейшую область церковной истории (Лисовой 2002: 186). Там же В.А. Кучумов вслед за авторами, чьи труды были созданы в эмиграции, обратился к теме старчества, зародившегося в монастырской среде в конце XVIII в. Он указывает, что интерес к этой теме у него вызвали труды преподобного Паисия Величковского (Кучумов 2005: 226). В том же сборнике опубликована статья Е.Б. Емченко о женских монастырях дореволюционного периода. Ее мнение совпадает со взглядами И.К. Смолича (Емченко 2005: 245–285). Основные положения статьи базируются на экономическом положении женских монастырей, их социальном составе, а также высказывается мнение о причинах ухода в монастырь женщин из мирской жизни, поднимается проблема зарождающейся в стране феминизации.

В конце XX столетия начался новый этап изучения истории деятельности РПЦ, ознаменовавшийся введением спецкурсов или отдельных дисциплин в высших учебных заведениях страны, в связи с чем появился спрос на учебные пособия (Бакаев 1994; Ульянов 1995; Поспеловский 1996; Маршалова 1998; Будник 1998; Мартынова 1998; Марцева 2004). В учебниках истории для вузов были отведены целые главы, посвященные истории РПЦ за различные периоды ее существования (История России... 1998; Федоров 1998; Емелях 1976).

Важную базу данных представил в своей работе Б.Н. Миронов, проведя тщательный анализ таких источников, как исповедальные ведомости, на основе чего появилась возможность критически подходить к отчетам духовного ведомства за разные годы. На основе этих документов стало возможным определить число верующего православного населения в разных епархиях (Миронов 1989: 102–117). Своей фундаментальностью выделяется монография Н.Н. Покровского, где он описывает случаи протестных выступлений уральско-сибирского крестьянства, связанные с вопросами вероисповедания (Покровский 1974; 1978: 49–57).

Там же обрисована роль монастырей, являвшихся по сути центрами борьбы с церковным расколом на Урале и в Сибири.

К отдельному направлению исследований по истории российских монастырей следует отнести изучение причин и мотивов резко возросших случаев ухода в монастыри православной части населения во второй половине XIX – начале XX вв., произошедших по причине реформирования общества. Тем самым авторы придерживались точки зрения П.Н. Зырянова, при этом расширяя хронологически и территориально тему его исследования. Так, И.В. Заикина мотивирует это явление изменением правового положения монастырей в государственной структуре и повышением на основе этого статуса монашествующих (Андрианов 2009; Заикина 2004).

Результатом плодотворного научного сотрудничества церковных и светских исследователей можно считать носящее периодический характер издание «Православной энциклопедии». Так, в ее первом томе в обзорном плане трактуются ключевые события в истории РПЦ, а также деятельность православных приходов и монастырей; анализируется система церковного управления (Православная энциклопедия 2000). Ряд авторов избрали историю региональных монастырей в качестве научного исследования их деятельности, оформив результаты своих трудов в диссертационных исследованиях (Радченко 1997; Самонова 1997; Рощектаев 2001; Павлушков 2000; Кожевникова 2006; Стикина 2007; Терлеева 2000).

На основе вышеперечисленного можно констатировать, что в постсоветский период были достигнуты значительные успехи в разработке исторического прошлого православных монастырей России. Главным ориентиром исследований в этом направлении служила хозяйственная деятельность обитателей и их внутренняя структура, что, впрочем, не мешало авторам делать обобщения в методологическом подходе и рассматривать духовную составляющую существования объектов их исследования, увязывая их с региональными особенностями и спецификой временных периодов жизнедеятельности. Таким образом, региональная монастырская тематика становится вполне самостоятельным направлением исследовательской деятельности современных отечественных историков (Павлушков 2001: 365–376).

Следует отметить круг работ, посвященных благотворительной деятельности православных монастырей. Так, за последнее десятилетие XX столетия были вынесены на защиту около двадцати докторских и кандидатских диссертаций. Их авторы скрупулезно разбирают вопросы возникновения и совершенствования традиций церковной благотворительности, ставя во главу угла христианскую направленность социального служения РПЦ и православных монастырей в России в целом и в Сибири в частности. Эти вопросы в авторских работах рассмотрены в ретроспективе развития правовых основ взаимодействия между государством и РПЦ. К ним можно отнести исследования А.П. Афиногентовой, И.М. Бочаровой, С.Г. Зубановой, Л.В. Ивановой Т.Б. Кононовой, И.Н. Курбатовой, М.В. Никулина, О.В. Папковой, Д.А. Пашенцева, Т.Е. Покотиловой и др. (Никулин 1997; Лоякова 2003; Пашенцев 1995).

Вместе с тем определенный научный интерес для нашего исследования представляют работы П.В. Власова, М.В. Фирсова, Т.А. Добровольской, А.П. Мастеропуло, М.В. Поддубного, С.В. Римского, Е.В. Фоминых, в которых затрагиваются проблемы социального служения РПЦ во второй половине XIX – начале XX вв. и влияние на их деятельность происходящих в стране реформ (Власов 2001; 1999; Фирсов 1997; Добровольская, Мастеропуло, Поддубный 1989; Римский 1998; Фоминых 1997).

Отдельно следует отметить труды зарубежных авторов по истории РПЦ. К зарубежной школе историков РПЦ, главным образом, относились ученые, покинувшие Россию после революции. Наибольший вклад принадлежит таким авторам, как И.К. Смолич, Н.Д. Тальберг и А.В. Карташев. Они вели свои исследования независимо друг от друга, а потому имеют практически одинаковые названия – «История Русской Церкви», и лишь Карташев добавил к нему слово «очерки» (Смолич 1997; Тальберг 1997; Карташев 1991; 1997). В то же время содержание их работ при общем названии и поставленных целях различно.

Игорю Корнильевичу Смоличу принадлежит книга, написанная и изданная в 1952 г. в Германии, которая посвящена истории русского православного монашества с его появления на Руси и вплоть до 1917 г. Он остается и сегодня единственным автором, досконально изучившим эту тему. Сам он неоднократно повторял,

что окончательным итогом своих исследований он видит монументальный свод по истории РПЦ, а потому описание истории русского монашества, а также «Жизнь и учение старцев» он рассматривает как преддверие воплощения своего замысла (Смолич 1997). И.К. Смолич одним из первых среди исследователей рассмотрел историю монашества отдельно от истории приходских церквей и архиерейских домов, тем самым выведя эту тему на иной качественный уровень. Им были выявлены основные направления и тенденции в процессе становления русского монашества, рассмотрены монастырские уставы, внутренний строй православных обителей.

Отдельно И.К. Смолич описывает и анализирует быт и устройство женских общин и монастырей, которые были созданы на народные деньги без прямого содействия центрального или епархиального руководства. Им, как и П.Н. Зыряновым, отмечается резкий скачок в развитии женского монашества, произошедший во второй половине XIX в. Однако И.К. Смолич это явление объясняет результатом общего подъема народной религиозности, усматривая в том влияние старцев. Сюда же он относит изменения как в семейном, так и в общественном положении женщины, начавшиеся во времена преобразований Петра I.

На наш взгляд, уважаемый автор не совсем верно дал оценку реформам начала XVIII в., не объяснив, почему их результаты дали знать о себе лишь во второй половине XIX столетия. При этом по неизвестной причине он обошел вниманием Великие реформы Александра II, после которых и наблюдался наибольший приток инокинь и послушниц в женские монастыри. Хотя трудно не согласиться с его мнением, что стремление русских женщин к самостоятельности и образованию получало свою реализацию в монастырях и общинах, где они находили себе применение в служении обществу по части народного просвещения и социально-благотворительной области. Добавим, что такой точки зрения придерживаются отечественные исследователи постсоветской формации.

Во второй части книги И.К. Смолич рассматривает феномен русского старчества как отдельного института, при этом неразрывно связанного со всей деятельностью церкви и православных монастырей, на базе которых, собственно, это явление и возникло.

В дальнейшем исследователь занялся историей синодального периода, где в том числе рассмотрел и переосмыслил вопрос о динамике деятельности РПЦ в посекуляризационный период. Он доказал, что рост церковной собственности наблюдался и после реформы 1764 г., на основе чего историк пришел к выводу о положительных результатах реформирования как для церковной жизни, так и для монастырских и архиерейских хозяйств. По его мнению, реформа 1764 г. давно назрела и могла быть проведена намного ранее. Благодаря ей РПЦ получила возможность пересмотреть существующие ранее и во многом устаревшие формы хозяйствования, что, по сути дела, выполнили лишь отдельные монастыри. Но в то же время он делает довольно парадоксальный вывод, полагая, что государство не справилось со своими обязательствами по отношению к церкви, а потому забота о своем содержании полностью легла на притч и монастырскую братию, которым уже после секуляризации были возвращены старые или отписаны новые земли.

Анализ монографии другого зарубежного русского историка церкви, Николая Дмитриевича Тальберга, следует начать его собственными словами: «Настоящий труд не притязает на значение научно-исследовательское». И далее он поясняет, что в основу своего сочинения он положил труды митрополита Макария (Булгакова), архиепископа Филарета (Гумилевского), Петра Знаменского, профессора Е.Е. Голубинского и других известных дореволюционных авторов. Потому труд Талберга в основе своей содержит сведения из вторичных источников, а потому его скорее следует рассматривать как некую авторскую квинтэссенцию работ предшественников. Но в отличие от предшественников, на чьи материалы автор ссылался, текст написан современным и доступным для широкого круга читателей языком и пользовался большим вниманием у живущих в зарубежье русских православных эмигрантов.

Неоднозначна оценка в отечественной историографии главного труда А.В. Карташева «Очерки по истории Русской Церкви». Так, А.Н. Сахаров считает «Очерки» лучшим произведением автора, где кроме исторического описания различных этапов развития РПЦ отражены и «человеческие идеалы, научная скрупулезность и терпимость, врожденный исследовательский оптимизм»

самого автора (Сахаров 1998: 89–107). Он отмечает неразрывную связь между описанием истории РПЦ и историей России как государства. В то же время А.Н. Сахаров указывает на религиозную увлеченность автора, которая, по его мнению, не в ладу с историческими реалиями. На основе этого он подвергает критике утверждение Карташева о неповторимости и своеобразии духовного пути, по которому шла Россия. Сахаров не согласен с тезисом Карташева о русской православной «духовной гегемонии», перешедшей в Россию из Византии, что дало в дальнейшем возможность взлета русского самосознания.

Другой исследователь Н.В. Сомин, наоборот, признает правоту А.В. Карташева в постановке вопроса об уникальности духовного пути развития РПЦ и заостряет свое внимание на проблеме так называемой «симфонии» во взаимоотношениях Церкви и государства. В заключение своей работы он пишет, что современная историография только начинает изучать и понимать идеи А.В. Карташева, с чем вполне можно согласиться.

Вполне понятно, что зарубежные авторы не могли обойти и специфику духовного наследия русских православных монастырей, описать взаимоотношения братии с миром, что находит свое отражение в ряде работ историков русского зарубежья, представителей духовно-академической школы из числа духовенства. Среди них можно выделить имена православных священнослужителей – Сергия Булгакова, Александра Шмемана, Иоанна Мейендорфа, Г.П. Федотова, Г.В. Флоровского (Булгаков 1989; Федотов 1989; Шмеман 1949; 1989; Мейендорф 1990; Флоровский 1996).

Отдельно следует рассмотреть публикации авторов, выпущенные за границей и лишь сравнительно недавно изданные в России (Валентинов 1925; Введенский 1923; Глубоковский 1923; Прот. Граббе 1961; Левитин, Шавров 1978; Регельсон 1977; Титлинов 1971; Bourdeau 1968; Church and State 1955; de Grunwald 1962; Fletcher 1971; Hutton 1960; Marshall, Bird, Bland 1971; Nichols, Stavrou 1978). К ним относятся и такие исследователи, как Н. Струве, У. Флетчер, Г. Фриз (Struve 1963; Fletcher 1965). Но зарубежные ученые были лишены возможности пользоваться российскими архивами, большинство их ссылок сделаны на дореволюционных авторов или советских исследователей, а потому они

не могли сделать объективных выводов (Bourdeau 1971; Church and State 1955; de Grunwald 1962; Fletcher 1971; Williams 1990).

Итак, советский и постсоветский историографические периоды, связанные с вопросами деятельности российских монастырей, имеют разные векторы направленности усилий исследователей как отечественной так и зарубежной науки, но при этом они объединены единой целью. Она заключается в мотивации ученых раскрыть суть вопроса о роли и значении монастырей в истории России. И здесь выводы авторов двух следующих друг за другом исторических этапов, во время которых появляются их работы, существенно отличаются: авторы советской формации сходятся во мнении о роли монастырей как одного из механизмов насилия царской власти над народом, а в постсоветский период вопрос «угнетения» и «насилия» не отмечен ни в одной из перечисленных нами работ.

В то же время и те и другие авторы рассматривали монашеское сообщество как один из социальных институтов дореволюционной России. В большинстве трудов отмечены социально-экономические функции монастырей, освещены происходящие в них эволюционные процессы, изучены их хозяйственная деятельность и процесс вовлечения монашествующих в политическую жизнь страны.

Ряд работ и того и другого историографического периода был посвящен различным видам существования собственности монастырей, изучен механизм управления, всесторонне рассмотрена реформа секуляризации и ее последствия, отражены взаимоотношения монастырских властей с крестьянством и причины социальных конфликтов в монастырских вотчинах, исследованы демографические процессы, описаны виды повинностей монастырских крестьян, а также хранящиеся в монастырях книжные собрания и т.п.

Однако осталась без внимания исследователей советского периода тематика, связанная с просветительской и благотворительной деятельностью монастырской братии, феномен старчества. Все это говорит о высокой степени научного интереса к истории православных монастырей со стороны советских исследователей, и при этом явственно просматриваются «запретные» темы их исследований, касаться которых они не могли в угоду партийной

конъюнктуры. Пришедшие им на смену исследователи постсоветской поры в первую очередь разработали не затронутую предшественниками тематику.

На наш взгляд, работы и того и другого периода следует рассматривать как единый историографический процесс, который в конечном итоге обогатил историческую науку рядом ярких и самобытных исследований, благодаря чему значительно расширились рамки отечественной истории, позволяющие судить о прошлом России с иных позиций, когда роль Русской Православной церкви представлена на основе деятельности монастырей во всем ее многообразии.

Литература

Александров В.А. 1984. Обычное право крепостной деревни России. XVIII – начало XIX в. Москва: Наука.

Александров В.А. 1976. Сельская община в России (XVII – начало XIX в.). Москва: Наука.

Александров В.А., Покровский Н.Н. 1986. Мирские организации и административная власть в Сибири в XVII в. // История СССР 1, 47–68.

Андреанов А.Ю. 2009. Причины и обстоятельства ухода в мужские православные монастыри в России XIX – начала XXI вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва: ГБОУ ВПО «Московский городской педагогический университет».

Анисимов Е.В. 1982. Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России 1719–1728 гг. Ленинград: Наука, Ленингр. отд-ние.

Анвенсул В.К. 1937. Церковь и гражданская война на Урале. Свердловск: ОГИЗ.

Архивы Кремля. Политбюро и церковь. 1997. 1922–1925 гг.: В 2 кн. Кн. 1. Москва: РОССПЭН.

Бакаев Ю.Н. 1994. История государственно-церковных отношений в России: Учебное пособие. Хабаровск: Хабаровский государственный технический ун-т.

Борисов А.М. 1968. Кризис церковного и монастырского землевладения и хозяйства в 40–60-е гг. XVIII в. // История СССР 3, 142–151.

Будник А. Г. 1998. История русской православной церкви: Учебное пособие. Иваново: Изд-во Ивановского энергетического государственного ун-та.

Булгаков С., прот. 1989. Православие: Очерки учения Православной Церкви. Париж: Утса-press.

Булыгин И.А. 1977. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVII века. Москва: б. и.

Буркин Н. 1931. Монастыри в России, их эксплуататорская и контр-революционная роль. Москва: Безбожник.

Валентинов А. 1925. Черная книга. Париж: Русское национальное студенческое объединение.

Введенский А. 1923. Церковь и государство. Москва: Мосполиграф.

Вдовина Л.Н. 1988. Крестьянская община и монастырь в Центральной России в первой половине XVIII в. Москва: Изд-во Московского ун-та.

Вециков А.Т. 1972. Атеистическое движение в СССР: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Москва: ГОУ ВПО «Хакасский гос. ун-т им. Н.Ф. Катанова».

Власов П.В. 2001. Благотворительность и милосердие в России. Москва: Центрполиграф.

Власов П.В. 1999. Обитель милосердия. Москва: ВЛАДОС.

Водарский Я.Е. 1989. Землевладение Русской Православной церкви и ее хозяйственно-экономическая деятельность (XI – начало XX в.) // Русское православие: Вехи истории. Москва: Политиздат.

Воронцов Г.В. 1970. Осуществление коммунистической партией ленинской программы атеистического воспитания масс (1917–1937 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ленинград.

Гагарин Ю.В. 1978. История религии и атеизма народа коми. Москва: Наука.

Гагарин Ю.В. 1979. Монастырь в Коми крае. Машинопись // НА КНЦ УрО РАН. Ф. 22. Оп. 1. Д. 11. Л. 9.

Гантаев Н.М. 1960. Церковь и феодализм на Руси. Москва: Академия наук СССР.

Глубоковский Н.Н. 1923. Русская богословная наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. Варшава: б.и.

Гордиенко Н.С., Курочкин П.К. 1978. Особенности модернизации современного русского православия. Москва: Общество «Знание» РСФСР.

Гордиенко Н.С. 1979. Православные святые: кто они? Ленинград: Лениздат.

Горская Н.А. 1977. Монастырские крестьяне Центральной России в XVII веке. Москва: Наука.

Грекулов Е.Ф. 1928. Нравы русского духовенства. Москва: Борисов.

Грекулов Е.Ф. 1930. Русская церковь в роли помещика и капиталиста. Москва: Борисов.

Громько М.М. 1984. Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций // Советская этнография 5, 70–80.

Громыко М.М. 1977. Территориальная крестьянская община Сибири (30-е гг. XVIII в. – 60-е гг. XIX в.) // Крестьянская община в Сибири XVII – начала XX в. Новосибирск: Наука, 33–103.

Громыко М.М., Буганов А.В. 2000. О воззрениях русского народа. Москва: Паломник.

Дементьев Е.И. 1983. Савво-Сторожевой монастырь и его крестьяне во второй половине XVII в. Москва: б. и.

Демьянов А.И. 1977. Истинно православное христианство. Критика идеологии и деятельности. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та.

Дмитров А.Д. 1937. Инквизиция в России. М.: ОГИЗ – Государственное антирелигиозное издательство.

Дмитров А.Д. 1931а. Петр I и церковь. Москва; Ленинград: ОГИЗ.

Дмитров А.Д. 1931b. Церковь и крестьянство на Руси. Москва: ОГИЗ.

Дмитров А.Д. 1931с. Церковь и идея самодержавия в России. Москва: ОГИЗ.

Добровольская Т.А., Мастеропуло А.П., Поддубный М.В. 1989. О перспективах возрождения христианской благотворительности // На пути к свободе совести. Москва: Прогресс, 274–293.

Дягилев Д.В. 1939. Церковники-сектанты на службе контрреволюции. Челябинск: Челябингиз.

Емелях Л.И. 1965. Антиклерикальные движения крестьян в период первой русской революции. Москва; Ленинград: Наука.

Емелях Л.И. 1976. Крестьяне и Церковь накануне Октября. Ленинград: Наука.

Емченко Е.Б. 2005. Женские монастыри в России // Монашество и монастыри в России. XI–XX вв. Исторические очерки. Москва: Наука, 245–285.

Ефимов А.Б. 2007. Очерки по истории миссионерства Русской Православной церкви. Москва: Изд-во ПСТГУ.

Заикина И.В. 2004. Правовое положение монастырей в Российской империи XVIII – начала XX вв.: Государственно-правовой и канонический аспект: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону.

Замахова Е.Д. 1993. Депутаты от православного духовенства в Третьей государственной думе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва.

Захарова Л.Ф. 1982. К последствиям секуляризации церковных земель в России // Вопросы истории 12, 165–167.

Зубанова С.Г. 2002. Социальное служение Русской Православной церкви в XIX в.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Москва.

Зыбковец В.Ф. 1975. Национализация монастырских имуществ в советской России (1917–1921 гг.). Москва: Наука, 102–103.

Зырянов П.Н. 2002. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. Москва: Вербум-М.

Зырянов П.Н. 1997. Церковь в истории России. Москва: Институт РАН.

Иванов В.И. 1982. Приходно-расходные книги северных монастырей как источник по социально-экономической истории России: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва: Ун-т дружбы народов.

Иванов Ю.Н. 1971. Феодалное землевладение в Казанской епархии. Казань: Мастер-Лайн.

Индова Е.И. 1966. Аграрный строй в XVIII в. Москва: Наука.

Индова Е.И. 1955. Крепостное хозяйство в начале XIX века по материалам вотчинного архива Воронцовых. Москва: Изд-во АН СССР.

История России XIX – начала XX вв. 1998. Москва: Зерцало.

Казакова Н.А., Лурье Я.С. 1955. Антифеодалные еретические движения на Руси XIV – начала XVI века. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР.

Камкин А.В. 1992. Православная церковь на Севере России. Очерки истории до 1917 года: Любителю старины. Краеведу. Учителю. Студенту / Ин-т этнологии и антропологии Рос. акад. наук. Вологда: Изд-во Вологодского государственного педагогического ин-та.

Кандилов Б.П. 1930. Легенда о Христе в классовой борьбе. Москва: Атеист.

Кандидов Б.П. 1929. Монастыри-музеи и антирелигиозная пропаганда. Москва: Атеист.

Карташев А.В. 1959. Очерки по истории Русской Церкви: В 2 т. Париж, 1959; Москва: Наука.

Кашеваров А.Н. 1999. Государственно-церковные отношения первых лет советской власти в отечественной историографии // Клио. Журнал для ученых 2 (8), 54.

Кашеваров А.Н. 1998. Советское государство и Русская Православная церковь в 1917–1922 гг.: Дис. ... д-ра ист. наук. Санкт-Петербург.

Клибанов А.И. 1960. Реформационное движение в России в XIV – первой половине XVI в. Москва: Изд-во АН СССР.

Кожевникова Ю.Н. 2006. Православные монастыри и монашество Олонецкой епархии во второй половине XVIII – начале XX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург.

Колова Ю.В. 2002. Православная школа Казанского духовного учебного округа в первой половине XIX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань.

Комиссаренко А.И. 1982. Методы внеэкономического принуждения в вотчинах духовных феодалов России в 30–60-х гг. XVIII века // Сель-

ское хозяйство и крестьянство Среднего Поволжья в периоды феодализма и капитализма. Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 29–34.

Комиссаренко А.И. 1990. Русский абсолютизм и духовенство в XVIII в.: (Очерки истории секуляризационной реформы 1764 г.). Москва: Изд-во ВЗПИ.

Кондрашенков А.А. 1966. Крестьяне Зауралья в XVII–XVIII вв. Ч. 1. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во.

Кононова Т.Б. 1997. История российской благотворительности и ее связь с государственными структурами социального обеспечения: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва.

Корзун М.С. 1996. Русская православная церковь: деятельность и мировоззрение. Минск: Белорусь.

Коробейников Н.А. 1932. Урало-Кузбасс против рясофорных мракобесов. Свердловск: Урал. обл. изд-во.

Крапивин М.Ю. 1999. Религиозный фактор в социально-политической жизни советского общества (октябрь 1917 – конец 1920-х гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Санкт-Петербург.

Кривова Н.А. 1998. Власть и РПЦ в 1922–1925 гг. (Политика ЦК РКП (б) по отношению к религии и церкви и ее осуществление органами ГПУ-ОГПУ): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Москва.

Кучумов В.А. 2005. Русское старчество // Монастыри и монашество в России. XI–XX века: Исторические очерки. Москва: Наука, 226.

Левитин А., Шавров В. 1978. Очерки истории Русской Церкви. Кюснахт: б.и.

Лисовой Н.Н. 2002. Восемнадцатый век в истории русского монашества // Монастыри и монашество в России XI–XX века: Исторические очерки / Отв. ред. Н.В. Синицына. Москва: Наука.

Лобазов П.К. 1973. Политика Коммунистической партии в отношении религии и церкви (октябрь 1917 – 1925 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Москва.

Лоякова О.В. 2003. Отечественная благотворительность как объект государственного регулирования: социокультурные традиции, современные тенденции: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва.

Лурье Я.С. 1960. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI века. Москва; Ленинград: АН СССР.

Мавродин В.В. 1964. Классовая борьба и общественно-политическая мысль в России в XVIII в. (1725–1773 гг.). Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та.

Марголис А.Д. 1996. Тюрьма и ссылка в императорской России. Исследования и архивные находки: Дис. ... д-ра ист. наук. Санкт-Петербург.

Мартынова А. Е. 1998. Православие в истории России: материалы к лекциям по спецкурсу. Москва.

Марцева Л.М., Новиков С.В. 2004. История русской православной церкви. Омск: Изд-во ОмГАУ.

Маршалова А.Е. 1998. Православие в истории России: материалы к лекциям по спецкурсу. Москва: ИРЯП.

Машанова Л.В. 1973. Хозяйство Селенгинского Троицкого монастыря в первой половине XVIII в. // Вопросы истории Сибири досоветского периода (Бахрушинские чтения. 1969). Новосибирск: Наука, 150–163.

Мейендорф И., прот. 1990. Византия и Московская Русь: Очерк по истории церковных и культурных связей в XIV веке. Париж: YMCA-PRESS.

Милов Л.В. 1970. К вопросу об эволюции барщинных отношений в монастырском хозяйстве в середине XVIII в. // Проблемы генезиса капитализма. Москва: Наука, 291–300.

Миненко Н.А. 1985. Роль крестьянской общины в организации сельскохозяйственного производства (по материалам Западной Сибири XVIII – первой половины XIX в.) // Земледельческое освоение Сибири в конце XVII – начале XX вв. Новосибирск: Наука, 40–58.

Миненко Н.А. 1991. Русская крестьянская община в Западной Сибири XVIII – первой половины XIX века. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та.

Миненко Н.А. 1980. Традиционные формы расследования и суда у русских крестьян Западной Сибири в XVIII – первой половине XIX в. // Советская этнография 5, 21–33.

Миронов Б.Н. 1989. Исповедные ведомости – источник о численности и социальной структуре православного населения России XVIII – первой половины XIX в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. XX. Ленинград, 102–117.

Музафарова Н.И. 1971. Изъятие церковных ценностей на Урале в 1922 г. для помощи голодающим // Сборник аспирантских работ. Вып. 13. Свердловск, 75–79.

Музафарова Н.И. 1987. Партийное руководство атеистическим воспитанием трудящихся на Урале в годы социалистического строительства (1917–1937). Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та,

Музафарова Н.И. 1992. Политика советского государства в религиозном вопросе в 1917–1941 гг.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург.

Музафарова Н.И. 1979. Уральские партийные организации в борьбе против реакционной деятельности церкви и духовенства (1917–1925 гг.) //

Партийные организации Урала в борьбе за упрочение завоеваний Октябрьской революции. Свердловск: б.и.

Нечаев М.Г. 1987а. Антирелигиозная пропаганда на Урале в период Октябрьской революции и Гражданской войны (1917–1919 гг.) // Новое мышление и актуальные проблемы гуманитарного знания. Пермь: Пермское кн. изд-во, 21–22.

Нечаев М.Г. 1987б. Борьба за претворение в жизнь ленинского Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви на Урале // Великий Октябрь и местные партийные организации. Пермь: Пермское кн. изд-во, 84–86.

Нечаев М.Г. 1985. Борьба с церковной контрреволюцией на Урале 1917–1919 гг. (историография вопроса) // Историография гражданской войны на Урале. Челябинск: ЧГПИ, 80–82.

Никольский Н.М. 1930. История русской церкви. Москва: Атеист.

Никулин М.В. 1997. Православная церковь в общественной жизни России (конец 1850-х – конец 1870-х гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва.

О религии и церкви: сборник высказываний классиков марксизма-ленинизма, документов КПСС и Советского государства. 1977. Москва: Политиздат.

Одинцов М.И., Мень А. и др. 1989. На пути к свободе совести. Москва: Прогресс.

Одинцов М.И. 1989. Путь длиною в 7 десятилетий // На пути к свободе совести. Москва: Прогресс.

Павлушков А.Р. 2001. Особенности региональных источников в осещении монастырской ссылки XVIII–XIX вв. // Региональные аспекты исторического пути православия: архивы, источники, методология исследований: Материалы межрегиональной научной конференции. Вологда: Полиграфист, 365–376.

Павлушков А.Р. 2000. Пенитенциарная практика северных монастырей XVIII–XIX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Вологда.

Паозерский М.Ф. 1923. Русские святые перед судом истории. Москва: б. и.

Пашенцев Д.А. 1995. Благотворительная деятельность Русской православной церкви во второй половине XIX – начале XX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва.

Пащенко Е.В. 1999. Некоторые аспекты ссылки в женские монастыри Архангельской губернии в XIX–XX вв. // Экология человека 1, 80.

Петрикеев Д.И. 1967. Крупное крепостное хозяйство XVII в. (По материалам вотчины боярина Б.И. Морозова). Ленинград: Наука.

Писарев В.И. 1931. Церковь и крепостное право в России. Москва: Изд-во социально-экономической литературы.

Плаксин Р.Ю. 1966. Крах церковной контрреволюции в 1917–1923 гг. Москва: Наука.

Плаксин Р.Ю. 1968. Церковная контрреволюция 1917–1923 гг. и борьба с ней: Автореф. дис... канд. ист. наук. Ленинград.

Платонов Н.Ф. 1961. Православная церковь в 1917–1935 гг. Противостояние церкви установлению и упрочению советской власти // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. Т. V. Москва; Ленинград, 206–271.

Покровский В.В. 1968. Исторический опыт борьбы КПСС против религии за атеистическое воспитание трудящихся. Москва: б.и.

Покровский Н.Н. 1974. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в Сибири. Новосибирск: Наука.

Покровский Н.Н. 1979. Исповедь алтайского крестьянина // Памятники культуры: Новые открытия. 1978 г. Москва: Наука, 49–57.

Поплавская Х.В. 2002. Паломничество, странноприимство и почитание святых (по материалам Рязанского края) // Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII–XX вв.: Этнографические исследования и материалы. Москва: Наука.

Поспеловский Д.В. 1996. Православная церковь в истории Руси, России и СССР: Учебное пособие. Москва: ББИ.

Православная энциклопедия: Русская Православная церковь. 2000. Москва: ЦНЦ «Православная Энциклопедия».

Прокофьева Л.С. 1981. Крестьянская община в России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Ленинград: Наука.

Прот. Граббе. 1961. Правда о Русской церкви на родине и за рубежом. Джорданвилль: Свято-Троицкий монастырь.

Прошин Г.Г. 1988. Черное воинство: Русский Православный монастырь: Легенда и быль. Москва: Политиздат, 39.

Рабцевич В.В. 1977. Крестьянская община в системе местного управления (1775–1825 гг.) // Крестьянская община в Сибири XVII – начала XX в. Новосибирск: Наука. Сибирск. отд-ние, 126–150.

Рабцевич В.В. 1980. Крестьянская община как орган управления сибирской деревни в 80-х гг. XVIII – первой половине XIX в. // Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск: Наука. Сибирск. отд-ние, 3–2.

Радченко О.И. 1997. Православные монастыри Самарского края во второй половине XIX – начале XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара.

Регельсон Л. 1977. Трагедия Русской церкви. Париж: ИМКА-Пресс.

Редькина О.Ю. 2004. Сельскохозяйственные религиозные трудовые коллективы в 1917 – 1930-е гг.: на материалах европейской части РСФСР: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Волгоград.

Религия и церковь в истории России (Советские историки о православной церкви в России). 1975. Москва: Мысль.

Римский С.В. 1998а. Православная церковь и государство в XIX веке. Ростов-на-Дону: Изд-во РО ИПК и ПРО.

Римский С.В. 1998b. Церковные реформы в России 60–70-х годов XIX столетия: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Москва.

Романенко Б.П. 1971. Становление свободомыслия и атеизма уральского пролетариата дореволюционной России (1861–1917 гг.). Ленинград: б. и.

Ростов Н. 1930. Духовенство и русская контрреволюция конца династии Романовых. Москва: Типография.

Роцевская Л.П. 2000. Несколько страниц из истории Кылтовского Крестовоздвиженского женского монастыря в Коми крае // Монастыри и монашество и отношение к ним государства и общества: история и современное состояние: Материалы научно-практической конференции. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 88–92.

Роцектаев А.В. 2001. Монастыри Казанской епархии в XIX – начале XX в.: хозяйственная деятельность: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань.

Русская Православная церковь. Монастыри: Энциклопедический справочник. 2000 / Под общ. ред. архиепископа Бронницкого Тихона; сост. А.В. Никольский. Москва: Московская Патриархия

Русское православие: вехи истории. 1989. Москва: Политиздат.

Руткевич М.Н. 1954. Религия и ее реакционная роль в жизни общества. Свердловск: Свердловское книжное изд-во.

Рыбкин Г. 1930. Православие на службе самодержавия в России. Москва: Типография.

Самсонов А.М. 1955. Антифеодальные народные восстания в России и церковь. Москва: Академия наук СССР.

Самсонова Т.Ю. 1997. Соловецкий монастырь: хозяйственная деятельность, социальный состав и управление. Вторая половина XIX – начало XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва.

Сахаров А.Н. 1998. Апостол истории «Святой Руси» (Антон Владимирович Карташев) // Отечественная история 5, 89–107.

Семенова Л.Н. 1964. Отношения Александро-Невского монастыря с крестьянами-предпринимателями в первой трети XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы: 1963. Вильнюс, 317–325.

Смирнова В.Б. 1970. Вотчинное хозяйство в XVIII – первой четверти XIX в. (по материалам Саровского монастыря): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва.

Смолич И.К. 1997. История Русской церкви: 1700–1917. Москва: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря.

Смолич И.К. 1997. Русское монашество. 988–1917. Жизнь и учение старцев. Москва: Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия».

Стикина Н.В. 2007. Повседневная жизнь русского православного монастыря во второй половине XIX – первой четверти XX вв.: на материалах Вологодской епархии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Архангельск.

Тальберг Н.Д. 1997. История русской церкви. Москва: Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря.

Терлеева Е.С. 2000. Хозяйственно-экономическая деятельность Русской православной церкви (на примере монастырей): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва.

Тинина З. П. 1999. Самодержавие и Русская Православная церковь в первой четверти XIX века. Волгоград: Изд-во Волгогр. ун-та.

Титлинов Б.В. 1924. Церковь во время революции. Петроград: б. и.

Тубанов С. 1939. Церковь на службе колчаковщины // Уральский рабочий.

Ульянов В.С. 1995. Взаимоотношение церкви и государства в России в допетровский период: Учебное пособие. Москва: б.и.

Федоров В.А. 1998. История России, 1861–1917. Москва: Высшая школа.

Федоров В.А. 1997. Правовое положение русского монашества в XVIII–XIX вв. // Церковь в истории России. Москва: Ин-т рос. истории Рос. акад. наук, 151–154.

Федоров В.А. 2003. Русская православная церковь и государство. Синодальный период (1700–1917). Москва: Русская панорама.

Федотов Т.П. 1989. Святые Древней Руси. Париж: YMCA-Press.

Фирсов М.В. 1997. Социальная работа в России: теория, история, общественная практика: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Москва.

Фирсов С.Л. 1996. Православная церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. Санкт-Петербург: Рус. христиан. гуманитар. ин-т: Изд-во СПбГУ.

Флоровский Г.В. 1996. Пути русского богословия. Москва: Институт русской цивилизации.

Фоминых Е.В. 1997. Проекты церковных преобразований в России в начале XX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ленинград.

Церковь в истории России (IX в. – 1917 г.). Критические очерки. 1967. Москва: Наука.

Цыпин В., прот. 2007. История Русской Православной церкви: Синоподальный и новейший периоды. 3-е изд., испр. Москва: Издание Средневекового монастыря.

Шабанова А.М. 1976. Частновладельческая крестьянская община Северо-Запада в первой половине XVIII в. (по материалам архива Александрово-Свирского монастыря) // Ежегодник по аграрной истории. Вып. IV. Вологда, 59–68.

Шаляпин С.О. 1998. Монастырская ссылка в России XV–XVIII вв. (По материалам монастырей Архангельского Севера): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Архангельск.

Шишкин А.А. 1970. Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола Русской Православной церкви. Казань: Казанский университет.

Шкаровский М.В. 1999. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. Москва: Крутицкое Патриаршее подворье.

Шмеман А., прот. 1989. Исторический путь Православия. Париж: YMCA-Press.

Якунин Г. 1989. В служении культ // На пути к свободе совести. Москва: Прогресс.

Яшина О.Н. 1949. Земельная собственность Русской Православной Церкви в России в Шмеман А., прот. Церковноцерковное устройство. Париж: YMCA-Press.

Bernard Hutton. 1960. Danger from Moscow. London.

Bourdeau Michael. 1971. Faith on Trial in Russia. New York.

Church and State Behind the Iron Curtain. 1955 / Edited by V. Gsovski. New York.

Fletcher W.A. 1965. Study in Survival (The Church in Russia 1927–1943). London SPCK, 13–14.

House F. 1988. Millennium of Faith. Christianity in Russia ad 988–1988. New York: St Vladimir's Seminary Press.

Konstantin de Grunwald. 1962. The Churches and the Soviet Union. New York: The Macmillan Company.

La premier emigration Russe: vie politique et intellectuelle. 1994. Paris: IRENISE et IES.

Michael Bourdeau. 1971. Faith on Trial in Russia. New York: Harper & Row.

Michael Bourdeau. 1968. Religious Torment in Russia. London: MacMillan.

Richard Marshall, Jr. Thomas Bird., Andrew Bland. 1971. *Aspect of the Religion in the Soviet Union.* Chicago: University of Chicago Press.

Robert Nichols, Nicholas Stavrou. 1978. *Russian Orthodox Church Under Old Regime.* Minneapolis: University of Minnesota Press.

Seide George. 1990. *Monasteries and convents of the Russian Orthodox Church abroad.* Munich: Monastery of Saint Job of Pochaev.

Struve N. 1963. *Les Chretiens en URSS.* Paris: Editions du Seuil, 24.

William Fletcher. 1971. *The Russian Orthodox Church Underground. 1917–1970.* London: Oxford University Press.

Williams R. 1972. *Culture in Exile. Russian Emigres in Germany. 1881–1941.* Ithaka: Cornell University Press.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеева Л.В. – доктор исторических наук, профессор Нижневартовского государственного университета.

Борисова В.В. – кандидат исторических наук, доцент Нижневартовского государственного университета.

Бытко С.С. – студент гуманитарного факультета Нижневартовского государственного университета.

Зеленин А.В. – аспирант филиала Тюменского государственного университета в г. Тобольске.

Митрофанов В.В. – доктор исторических наук, профессор филиала Южно-Уральского государственного университета (Научно-исследовательского университета) в г. Нижневартовске.

Спичак А.В. – кандидат исторических наук, научный сотрудник Нижневартовского государственного университета.

Солодкин Я.Г. – доктор исторических наук, профессор Нижневартовского государственного университета.

Софронов В.Ю. – доктор исторических наук, доцент, профессор филиала Тюменского государственного университета в г. Тобольске.

Тычинских З.А. – кандидат исторических наук, доцент филиала Тюменского государственного университета в г. Тобольске.

Храмцов А.Б. – кандидат исторических наук, доцент Тюменского архитектурно-строительного университета.

Цысь О.П. – кандидат исторических наук, доцент Нижневартовского государственного университета.

Чореф М.М. – кандидат исторических наук, начальник управления научных исследований Нижневартовского государственного университета.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Раздел I. ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ИСТОРИИ СИБИРИ XV–XX вв.	3
<i>Глава 1.</i> ЛЕТОПИСНЫЕ ИЗВЕСТИЯ О СУРГУТСКОМ АТАМАНЕ ТУГАРИНЕ ФЕДОРОВЕ: ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ ИСТОЧНИКИ И СТЕПЕНЬ ДОСТОВЕРНОСТИ.....	5
<i>Глава 2.</i> К ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ «ОПИСАНИЯ О ПОСТАВЛЕНИИ ГОРОДОВ И ОСТРОГОВ В СИБИРИ ПО ВЗЯТИИ ЕЕ...» (МИЛЛЕРОВСКАЯ И ГОЛОВИНСКАЯ РЕДАКЦИИ ЛЕТОПИСНОГО СВОДА).....	13
<i>Глава 3.</i> ЦЕРКОВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НА ТОБОЛЬСКОМ СЕВЕРЕ В XIX – НАЧАЛЕ XX вв.: ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ.....	36
<i>Глава 4.</i> ДОКУМЕНТИРОВАНИЕ НАГРАЖДЕНИЯ ОРДЕНАМИ СЛУЖАЩИХ ДУХОВНЫХ КОНСИСТОРИЙ (НА МАТЕРИАЛАХ ТОБОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ)	57
<i>Глава 5.</i> АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ТРОИЦКОСАВСКОГО УЕЗДНОГО УЧИЛИЩА	94
<i>Глава 6.</i> ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ИДЕЙНО- РЕЛИГИОЗНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СТАРООБРЯДЧЕСКИХ СБОРНИКОВ УСТОЙЧИВОГО СОСТАВА (НА ПРИМЕРЕ «КРЫМСКОГО» И «ТОМСКОГО» ИЗДАНИЙ «ИСТОРИИ ОБ ОТЦАХ И СТРАДАЛЬЦАХ СОЛОВЕЦКИХ»).....	141
<i>Глава 7.</i> ПОДРАЖАНИЯ ЗОЛОТЫМ МОНЕТАМ И МЕДАЛЯМ ПОСЛЕДНИХ ОСМАНСКИХ СУЛТАНОВ КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ.....	160
<i>Глава 8.</i> ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА В 1917– 1936 гг. (НА МАТЕРИАЛАХ ТОБОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ): ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ	171

Раздел II. ПРОШЛОЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XVIII – НАЧАЛА XXI СТОЛЕТИЙ.....	187
<i>Глава 1. КРАТКИЙ ОЧЕРК ИЗУЧЕНИЯ ТЮРКОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ (СИБИРСКИХ ТАТАР) ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XVII – НАЧАЛЕ XXI вв.....</i>	189
<i>Глава 2. ЖАЛОБЫ НАСЕЛЕНИЯ НА НЕЗАКОННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПОЛИЦИИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И РЕАКЦИЯ НА НИХ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ (1905–1914 гг.).....</i>	218
<i>Глава 3. В.В. ЦЫСЬ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ КРЕСТЬЯНСКОГО ВОССТАНИЯ 1921 г. НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (К 50-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ИСТОРИКА)</i>	238
<i>Глава 4. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВЗГЛЯДОВ АВТОРОВ СОВЕТСКОГО И ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДОВ ПО ВОПРОСАМ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ И ПРАВОСЛАВНЫХ МОНАСТЫРЕЙ</i>	251
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	284

Научное издание

**ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ
И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ СИБИРСКОЙ ИСТОРИИ**

Коллективная монография

Часть 12

Редактор *Н.В.Тимова*
Технический редактор *Н.В.Тимова*

Изд. лиц. ЛР № 020742. Подписано в печать 18.10.2017
Формат 60×84/16. Бумага для множительных аппаратов
Гарнитура Times. Усл. печ. листов 17,9
Тираж 300 экз. Заказ 1849

Отпечатано в Издательстве
Нижевартовского государственного университета
628615, Тюменская область, г.Нижевартовск, ул.Дзержинского, 11
Тел./факс: (3466) 43-75-73, E-mail: izd@nvsu.ru